

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ВЕЛИКОЕ РАССЕЛЕНИЕ СЯЗВЯН

672 – 679 гг.

ВЕЛИКОЕ
РАССЕЛЕНИЕ
СЯЗВЯН

Annotation

В 602 году для славянских племен и для всей Восточной Европы начинается новый исторический период. Прорвав границу ослабевшей и раздираемой внутренними смутами Византийской империи, славяне широко расселяются по ее территориям, не только европейским. Одновременно долго сдерживавшиеся государственными и племенными границами потоки славянской колонизации устремляются и на север — к Балтике по всему ее протяжению. На востоке славяне глубже внедряются в лесостепные и лесные земли по границам тюркских степей. В результате всех этих событий Славянская Европа из сравнительно небольшой совокупности племенных территорий превращается в известный нам сегодня Славянский Мир. Его границы уже во второй половине VII столетия простирались от южной оконечности Пелопоннеса до Ладожского озера, от верховий Дона до Рейнского бассейна.

- [Сергей АЛЕКСЕЕВ](#)
 - [ИСТОЧНИКИ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Обновляющаяся Европа](#)
 - [Славяне к началу VII в.](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Начало последнего нашествия](#)
 - [Аварское иго](#)
 - [Рождение южного славянства](#)
 - [Поздние анты](#)
 - [Племена славянского Севера](#)
 - [Славяне против Ираклия](#)
 - [Вторая осада Фессалоники](#)
 - [Третья осада Фессалоники](#)
 - [После нашествия](#)
 - [Восстание Само](#)
 - [Битва за Константинополь](#)
 - [Глава вторая.](#)

- [Крах аварского владычества](#)
- [Война с Франками](#)
- [Война за Фессалонику](#)
- [Конец великой Болгарии](#)
- [Королевство Само и его соседи](#)
- [Начало Кракова](#)
- [Глава третья.](#)
 - [Хорутанское княжество](#)
 - [Между империей и ее врагами](#)
 - [Расселение влахов](#)
 - [Болгары на Дунае](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)

- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)

- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)

- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)

- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)

- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)

- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)

- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)

- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)

- [470](#)
 - [471](#)
 - [472](#)
 - [473](#)
 - [474](#)
 - [475](#)
 - [476](#)
 - [477](#)
 - [478](#)
 - [479](#)
 - [480](#)
 - [481](#)
 - [482](#)
 - [483](#)
 - [484](#)
 - [485](#)
 - [486](#)
 - [487](#)
-

Сергей АЛЕКСЕЕВ
ВЕЛИКОЕ РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН
672—679 гг.

ИСТОЧНИКИ

В 602 г. для славянских племен и для всей Восточной Европы начинается новый исторический период. Прорвав границу ослабевшей и раздираемой внутренними смутами Империи, славяне широко расселяются по ее территориям, не только европейским. Одновременно долго сдерживавшиеся государственными и племенными границами потоки славянской колонизации устремляются и на север — к Балтике по всему ее протяжению. На востоке славяне глубже внедряются в лесостепные и лесные земли по границам тюркских степей. На западе они сталкиваются с франками и лангобардами. Катализатором этого бурного движения являлись сначала аварское нашествие, захватившее почти всю славянскую ойкумену, а затем борьба славян за свое освобождение от аварского гнета. В результате всех этих событий Славянская Европа из сравнительно небольшой совокупности племенных территорий превращается в известный нам сегодня Славянский Мир. Его границы уже во второй половине VII столетия простирались от южной оконечности Пелопоннеса до Ладожского озера, от верховий Дона до Рейнского бассейна. Эпоха великих славянских переселений охватила значительную часть VII в., начиная с уже названного 602 г. Условный итог ей подводит болгарское вторжение на Балканы и основание дунайского Болгарского ханства около 680 г.

Для описываемого далее периода несколько сокращается и количество, и значимость византийских греческих источников. Причиной тому и общий упадок Империи, до которой наконец добрались «темные века» и, как ни парадоксально это звучит, сокращение ее контактов со славянами. Ведь теперь греки общались только с той их частью, которая осела к югу от Дуная.

Наиболее глубокий след в исторической памяти византийцев оставила осада Константинополя в 626 г. объединенными силами авар, персов и славян — кульминационный эпизод длительного «варварского» натиска на Империю. Сведения об этом событии содержатся у трех современников. Первый — придворный поэт-панегирист Георгий Писиды, автор поэмы «О случившемся нашествии

варваров». Второй — неизвестный автор Пасхальной хроники, созданной около 628 г. Третий — автор проповеди «О безумном нападении безбожных аваров и персов на богохранимый Град» Феодор Синкелл. Позднее о тех же событиях писали Феофан Исповедник и патриарх Никифор. Наконец, хронист XII в. Георгий Кедрин использовал, наряду с феофановской традицией, и какие-то несохранившиеся известия о происходившем в 626 г. под стенами столицы.

Основные источники по истории Византии и славяно-византийских отношений описываемого времени — созданные на рубеже VIII–IX вв. «Бревиарий» патриарха Никифора и «Хронография» Феофана Исповедника. Авторы, в свою очередь, использовали разнообразные несохранившиеся источники по истории VII–VIII вв., в том числе общие. Труд Никифора продолжает «Историю» Феофилакта Симокатты и описывает события с 602 по 769 г. Феофан, в целом более подробный и пользовавшийся большим кругом источников, описал события с 284 по 814 г. Его сочинение представляет собой в буквальном смысле «Хронографию», построенную по летописному принципу. Именно у Феофана и Никифора сохранился восходящий к общему источнику детальный рассказ о болгарском нашествии на Фракию.

Наиболее подробный греческий источник о славянах VII в. — «Чудеса святого Димитрия Солунского». Автор Второго собрания чудес, присоединенного к Первому (пера архиепископа Иоанна Солунского) в конце VII в., использовал местные письменные источники и собственные воспоминания. В его труде, по сути являющемся историей Фессалоники VII в., отразились расселение славян в Македонии, их сложные отношения с Империей, тщетные попытки отдельных славянских князей захватить город. Одно из упомянутых в собрании нашествий отразилось и в местной эпиграфике.

Столь же уникальные сведения о славянах содержит и другой греческий житийный памятник. Продолжатель Мосха (чей труд сохранился только в грузинском переводе) в своем собрании житий сообщает о вторжении славян в Малую Азию. Сведения о славянах на Сицилии содержатся в «Житии святого Панкратия» (30-е гг. VIII в.).

Для этого времени мы имеем единственный документальный источник о славянах — упоминание о христианизации далматинских славян в послании римского папы Агафона на VI Вселенский собор, открывшийся в Константинополе в 680 г. При всей краткости этого упоминания значение его для славянской истории, особенно в сопоставлении с другими источниками, весьма велико.

Из источников позднейшего периода следует упомянуть Монеувасийскую хронику, «схолию Арефы» и созданную в том же X в. анонимную эпитому (сокращение) «Географии» Страбона. Они рисуют нам картину расселения славян в Элладе. Особенную же ценность имеют свидетельства Константина Багрянородного (X в.). Основанные отчасти на далматинской, отчасти на сербохорватской традиции, они излагают связную историю расселения славян на северо-западе Балкан. Об этом более ранние источники сообщают лишь отрывочные сведения. Именно на основе известий Константина, прежде всего, восстанавливаются ранние этапы истории сербов и хорватов на Балканах. С другой стороны, эти известия представляют собой древнейший записанный вариант сербохорватской устной традиции, которая позднее легла в основу Летописи попа Дуклянина.

Уникальным памятником грекоязычной историографии является сохранившийся до нас в славянском переводе конца IX или начала X в. «Именник болгарских князей». Составленный в 60-х гг. VIII в. при дворе болгарских ханов, он представлял собой их официальный перечень от легендарной эпохи Аттилы до описываемого времени. Первоначально, подобно ханским наскальным надписям, он записан по-гречески, но содержит в себе массу явных «тюркизмов», отражение родного языка болгар. Здесь имеется независимое от византийских историков, пусть и краткое, описание прихода болгар на Балканы, а также некоторые иные ценные для славянской истории данные.

Ряд разрозненных сведений по истории славян в VII в. сообщается ближневосточными источниками. Краткое упоминание о нашествии «варваров» (без имени славян) на Византию в начале VII в. есть у коптского хрониста Иоанна Никиуского. Среди сирийских источников надо назвать «Смешанную хронику», сборник из четырех хроник V! — VII вв. В хронике, доведенной до 636 г., есть уникальное упоминание о вторжении славян на Крит. Автор одной из сирийских «малых хроник» IX в. и еще позднейший хронист Илья Нисибинский

подтверждают византийское известие о походе императорской армии на славян в 658 г. Все эти позднейшие сирийские хронисты прямо или опосредованно использовали несохранившиеся труды своих соотечественников VII–VIII вв. Арабский историк X в. Масуди передает восточнославянское предание о расцвете и гибели волынского племенного союза.

Различные сведения о славянах содержатся в так называемой «Армянской географии», созданной в VIII или IX в. В частности, здесь приводятся данные о расселении славян во Фракии и еще один независимый от византийских источников рассказ о переселении болгар хана Аспаруха.

По мере расширения контактов славян с Западной Европой и возрождения там латинской книжности возрастает количество латиноязычных источников о славянах. Некоторые упоминания о славянах, в том числе о расселении на Балканах, есть у знаменитого испанского историка и богослова начала VII в. Исидора Севильского.

Наиболее ценные данные сообщает наш основной источник по истории Франкского государства в VII в. — Фредегар (имя автора хроники считается в науке условным). «Хроника Фредегара» повествует о взаимоотношениях франкских королей с сопредельными славянскими племенами. Много места занимает история крупнейшего западнославянского предгосударственного образования, возглавлявшегося князем Само. Позднейшие источники при описании сюжетов, связанных с Само, следуют за Фредегаром. Это анонимный трактат IX в. «Обращение баваров и карантанцев» (опирающийся также на устные предания Карантании) и «Деяния короля Дагоберта».

Не меньшее значение для истории продвижения славян на запад имеет «История лангобардов» Павла Диакона (конец

VIII в.). Обобщив лангобардские хроники и предания, Павел Диакон рассматривает в том числе и взаимоотношения славян с лангобардами, баварами и аварами, эпизоды проникновения грозных соседей в Италию. Для событий начала VII в. он использует «Историю лангобардов», написанную современником — аббатом Секундом Трентским. Сведения Павла Диакона несколько дополняет позднейшая (IX в.) так называемая «Хроника святого Бенедикта Кассинского».

Из житийных латинских источников в связи с событиями VII в. о славянах говорят «Житие святого аббата Колумбана и его учеников»

Ионы и «Житие святого епископа Аманда». В обоих случаях сообщается о ранних, более или менее безуспешных попытках христианской проповеди у альпийских славян. Из источников географического характера о славянах упоминает в середине — второй половине VII в. так называемая «Франкская космография». Ее известие более оригинально, чем зависимое от Иордана сообщение чуть позднейшей «Космографии Равеннского Анонима» (ок. 700 г.).

Из поздних латинских источников (не говоря уже о происходящих с территории славянских государств) важны памятники, характеризующие ситуацию в Далмации. «Книга понтификов», официальная история римского папства, сведенная воедино уже в IX в., сообщает о папском посольстве в разоренную «варварами» Далмацию VII в. Об этих и других событиях, в том числе о разрушении древней Салоны, подробно пишет хронист XIII в. Фома Сплитский в своей «Истории архиепископов Салоны и Сплита». Источниками для него послужили и письменные данные (легенда XI в. о перенесении мощей святых Домния и Анастасия), и устная далматинская традиция. Ее он фиксирует в более позднем, но местами более достоверном варианте, чем Константин Багрянородный. Другая ветвь далматинской традиции — дубровницкая — записывалась с XIV–XV вв. (стихотворная хроника Милеция, анналы рагузского Анонима). Ранее (X в.) она уже отразилась как у Константина Багрянородного, так и в итальянской Салернской хронике. В трудах авторов XVI в. (А. Цриевич-Туберон, М. Орбини и др.) дубровницкое предание уже соединяется с данными барской Летописи попа Дуклянина. Эти труды содержат не столько оригинальные версии древних преданий, сколько их интерпретацию, причем на основе письменных источников. Что до барской традиции, то она отразилась, помимо Летописи попа Дуклянина, в грамоте XIII в., отражающей притязания Барской епархии в ее споре за первенство с Дубровником. Летопись попа Дуклянина — в большей степени славянский исторический памятник.

С конца VII в. ситуация в славянском мире стабилизируется, эпоха великих переселений для славян завершается. Правда, не прекратилось движение славян на восток и северо-восток, в глубь территории современной России. Но это направление славянского расселения останется неизменным и на протяжении всей истории русской

цивилизации до минувшего века включительно. В целом же VIII столетие для Славянской Европы — время стабильных, устоявшихся границ, пора зарождения новых общественных и культурных явлений. Эти явления в IX–X вв. лягут в основу молодых славянских цивилизаций, родившихся из лона уходящего в небытие древнего племенного строя. История Славянского Мира в этот период становится более «дробной», рассматривать все его многочисленные племена в едином комплексе становится невозможно. Достаточно четко выделяется три области — южнославянская, западнославянская и восточнославянская. Промежуточное положение между западными и южными занимали альпийские славяне — хорваты и хорутане. Точно так же между западными и восточными оставались еще племена крайнего славянского Севера — словене ильменские, кривичи и, с другой стороны, жители Полабья и Поморья. Но в целом контакты между «зонами» весьма эпизодичны, и эпизоды эти известны нам преимущественно из поздних преданий. Это позволяет рассматривать историю различных групп славянских племен по отдельности.

В обстановке временного упадка Византии и культурного взлета на каролингском Западе в этот период окончательно меняется соотношение греческих и латинских источников по славянской истории. Численность первых исчисляется единицами, вторых — десятками.

Тем не менее и эти единицы весьма важны. Прежде всего, они предоставляют основную массу информации по истории южных славян, практически неизвестной западным авторам. Основными поставщиками материала по византийской и южнославянской истории «темных веков» Империи являются, как уже говорилось, патриарх Никифор и Феофан Исповедник. Их сочинения, используемые, но и подтверждаемые позднейшими авторами IX и X вв., позволяют создать целостную, связную и достоверную картину данного исторического периода.

Имеются отдельные источники документального характера с упоминанием фактов южнославянской истории конца VII в. К таковым относятся указ императора Юстиниана II от 688–689 гг., сохранившийся в виде надписи на мраморной плите в храме Святого Димитрия в Фессалониках, а также печать 694–695 гг. с упоминанием переселенных тем же императором в Малую Азию славян.

Неизвестный автор Второго собрания «Чудес святого Димитрия Солу некого» оставляет нас в конце VII в., с описанием попытки болгарского завоевания Фессалоники. Отчасти дополняет его данные об истории македонских славян афонская легенда об основании Кастамонитского монастыря, записанная, впрочем, века спустя. «Житие святого Панкратия» сообщает ценные сведения о расселении и культуре славян Адриатики в VIII в. Некоторые эпизодические сведения по истории южных славян в VIII в. приводит Константин Багрянородный (с опорой в том числе на сербские предания). Помимо трактата «Об управлении Империей», отдельные факты, касающиеся славянской истории конца VII–VIII в., имеются в его же сочинении «О фемах».

Некоторые поздние византийские источники содержат уникальные сведения о начале Руси. В «Хронике» Симеона Логофета (середина X в.) излагается русское предание о князе-родоначальнике «Росе». «Чудеса святого Стефана Сурожского» (конец X в.), сохранившиеся в русском переводе, описывают поход русского князя Бравлина на византийский Крым и его крещение. Это предание соединяет в себе древнерусскую и местную, крымскую, традиции.

В условиях арабских завоеваний и первых арабо-славянских контактов возросло количество источников восточного происхождения. Первые впечатления от встреч со славянами отразились у двух арабских поэтов второй половины VII в. «Область славян» фигурирует в географическом труде Мухаммада ибн Ибрахима ал-Фазари (вторая половина VIII в.). Историки Арабского халифата IX в. (Халифа, Йакуби, Балазури, Куфи) с опорой на свидетельства участников завоеваний сообщают ряд фактов, касающихся арабо-славянских контактов VIII в. Речь у них идет, во-первых, о походе арабов на Хазарию в 737 г., приведшем к столкновению со славянами, во-вторых, о южных и восточных славянах, переселенных на земли Халифата. Персидское «Собрание историй» начала XII в. сообщает не вошедшее в русские летописи предание о происхождении Руси от героя-родоначальника Руса.

Многочисленные латинские источники по славянской истории конца VII–VIII в. четко распадаются на три группы — документы, исторические хроники и сочинения религиозного характера. Группа документальных источников весьма обширна. Непосредственные

контакты славян с франками и баварами на западной границе привели к появлению упоминаний восточных соседей в актах каролингской эпохи. Преимущественно актовый материал отражает взаимоотношения Церкви со светской властью и вотчинниками. Это две грамоты баварского герцога Тассило III, грамоты германских феодалов Пейгири и Эгилольфа, опись Херсфельдского монастыря («Бревиарий святого Лулла»), грамоты каролингских монархов Вюрцбургской епархии. Близки к документальным источникам как непосредственные отражения исторической реальности сохранившиеся от каролингской эпохи письма церковных деятелей. Славяне упоминаются в переписке «апостола германцев» Бонифация, в письме придворного ученого Алкуина, в письме неизвестного аббата, сохраненном одним из письмовников.

О славянах говорится и в ряде латинских житийных памятников VIII — начала IX в. Это «Житие святого Бонифация» англосакса Виллибальда, анонимные «Жития Виллибальда, епископа Эйхштеттского» и «Житие Стурми» (оба — соратники и ученики Бонифация). Из ученых сочинений можно упомянуть лишь стихотворные «Загадки, посланные сестре» того же Бонифация.

Историко-церковные сочинения по характеру чрезвычайно близки к житиям. В то же время их информация о славянах гораздо обширнее, что, впрочем, и неудивительно. Наиболее ценно для славянской истории уже упоминавшееся «Обращение баварцев и карантанцев», включающее целостный очерк истории славянского Хорутанского княжества. Интерес для истории того же региона представляют «Бревиарные записи» (история земельных пожалований Зальцбургской епархии, созданная в конце VIII в.). Истории обращения хорутан посвящена и записанная три века спустя, в XI столетии, легенда о миссионерской деятельности Фрейзингской епархии.

Основной объем информации представляют, разумеется, исторические хроники. Это и «История лангобардов» Павла Диакона, и франкская хроника «Продолжателя Фредегара», и в первую очередь особенно для конца VIII столетия — многочисленные франкские анналы. Более или менее оригинальные упоминания о славянах содержатся в 14 памятниках франкской анналистики VIII–IX вв. (Лоршские, Мозельские, Петау, святого Назария, Алеманские, Вольфенбюттельские, Королевства франков, Королевские,

Зальцбургские, Фульдские, Мецские, святого Максимиана анналы, фрагмент Дюшена, «Фульдская компиляция»). Они стали основой для «славянских» известий ряда позднейших латинских сочинений, перешли в том числе в позднейшие анналы.

Для установления названий и границ славянских, особенно западнославянских племен VIII в., огромное значение имеют их древнейшие перечни. Это, прежде всего, «Баварский географ», фиксирующий ситуацию на IX в., а также жалованная грамота Пражской епархии 1086 г. (восходящая в своей основе к последней четверти X в.). Последняя позволяет воссоздать племенную структуру древней Чехии, в основных чертах сложившуюся уже в VII–VIII вв.

Славяноязычные и латиноязычные источники, созданные в Средние века в славянских государствах, основываются при изложении древнейшей истории своих стран на устном предании. При этом на латинских авторов более влияли шаблоны латинской историографии, что сказалось на качестве воспроизведения древних легенд в их трудах. С другой стороны, славянские авторы пытались воспринимать доставшиеся от предков предания и мифы рационально. Они опирались на складывающиеся и в Византии, и в Болгарии, и на Руси представления христианской научной мысли. Это привело к тому, что история лишается мифологических элементов, выглядит более достоверно. Но и древние сюжеты серьезно искажаются, нередко миф (лишенный мифологической формы) может смешиваться с подлинно историческим преданием. В результате славяноязычные источники сохраняют древние предания подчас в менее «литературной», более приближенной к фольклорной стихии форме. Тогда как латинские писатели нередко передают в первоизданном виде фантастические мифы (например, о драконоборце Краке).

Памятники южнославянской средневековой историографии XI–XIV вв. немногочисленны. Древнейшие памятники болгарской исторической традиции — «Апокрифическая летопись» («Сказание Исая пророка») и летописные заметки при переводе византийской хроники Константина Манассии. Уникальный образец югославянской средневековой историографии — так называемая Летопись попа Дуклянина («Барский родослов», в оригинале — «Королевство славян» или «Книга Готская»). Это сочинение, являющееся, по собственным показаниям, переводом со славянского языка, — наиболее

значительный и подробный памятник средневековой южнославянской исторической книжности.

В Болгарии в результате утраты политической независимости в XI в. произошло умирание дружинно-аристократической культуры и, соответственно, дружинно-аристократической устной традиции. Характерно в этой связи, что «героический век» народной болгарской эпической поэзии совершенно не захватывает эпохи Первого царства. Как следствие этого процесса — болгарские средневековые историки имели дело с разрозненными народными преданиями топонимического толка. При этом следует отметить довольно позднее и скупое развитие жанра собственно историописания в болгарской литературе.

Древнейшее собственно славянское сочинение исторического типа в Болгарии — «Сказание Исая пророка» («Апокрифическая летопись») второй половины XI в. В этом старейшем памятнике славянской исторической литературы болгарская история вводится в контекст легенды, отражающей религиозно-политические воззрения ереси богомилов. Ориентированный на пропаганду памятник содержит сознательные вымыслы и домыслы, адресован малообразованной среде. При этом согласование с научно-познаваемой историей христианской ойкумены и рациональной логикой мало занимает автора. Пространство «Летописи» глубоко мифологично. Это позволяет сохраняться в ней многим элементам языческого мышления (даже тотемному мифу о рождении хана Аспаруха), особенно если они согласны с базовыми концептами автора.

Противоположный «Апокрифической летописи» подход отразился в позднейших (XIV в.) заметках при переводной «Хронике» Константина Манассии. Это памятник официальной исторической мысли времен Второго Болгарского царства, создатель которого, напротив, ориентировался на воссоздание подлинной болгарской истории. При этом сама форма заметок ориентировала его на включение в контекст истории мировой. Но он имел дело с традицией того же рода, что и его далекий предшественник. Поэтому в заметках мы имеем разрозненные свидетельства об истории Болгарии, в качестве «стержня» для которых использованы сразу два памятника византийской хронографии. Один — это сама переведенная «Хроника», второй — сочинение Иоанна Зонары, основной для автора

заметок источник. Тем не менее скудость оригинального материала не помешала автору заметок продуктивно использовать его для возвеличения древнейшей болгарской истории. Тем самым создавалась искусственная замена исчезнувшей исторической традиции Первого царства.

Иные по сравнению с Болгарией политические условия, длительное сохранение племенных «княжений» и непосредственное их перерастание в государства породили совершенно иную литературную реальность в сербских землях — Дукле и Рашке. Здесь имел место прямой перенос жанра «родослова» в письменную культуру. Перенос не обошелся без потерь. В первую очередь это связано с политическими концепциями создателей конкретных памятников.

В единственно сохранившемся в латинском переводе или пересказе памятнике дуклянской историографии — «Книге Готской», относящейся ко второй половине XII в., произошла контаминация устных преданий Дукли, Рашки и Хорватии. На стадии самого сочинения или перевода сказалось также воздействие романского далматинского предания. Оно отразилось в том числе в искусственно соединенном со славянскими сюжетами предании об основании Дубровника. Наконец, древнейшие сказания переосмыслены автором «Книги Готской» в русле ученой «славяно-готской» легенды, направленной на возвеличение правящей династии. Тем не менее летописцу удалось создать целостное, почти лишенное внутренних противоречий и довольно рациональное с позиций христианского сознания повествование. Несмотря на очевидные искажения первоначальной традиции в «Летописи», именно ее изучение приводит к продуктивным выводам о характере бытования древнеславянского исторического предания. Этим, впрочем, мы обязаны и богатому сопоставительному материалу из иностранных источников — как синхронных, так и более ранних.

Но «Летопись» не имела продолжения в славянской литературе. Литературная традиция нового центра сербской государственности в Рашке в поисках предыстории правящей династии Неманичей обратилась не к народному преданию, а к внешней истории. Это привело к появлению фантастической легенды о происхождении Неманичей от римского императора Лициния. При этом

фантастичность этой легенды в немалой степени подчеркнула ограниченность литературной формы «родослова», склонного игнорировать строгую линейную хронологию и ориентированного исключительно на поколенный счет. Это же, кстати, серьезно дискредитировало в глазах первых исследователей «Летопись» попа Дуклянина.

Ее автор, создавая на страницах книги мифическое «королевство славян», механически свел в единый генеалогический ряд князей различных славянских государств. При этом, не ведя точного счета лет, совершенно не позаботился о создании хронологической достоверности. Он следовал схеме «родослова», где время считалось поколениями, а не годами или веками.

Из русских летописей преимущественное значение имеют древнейшие разделы памятников киевского летописания времен единого государства и начала удельной раздробленности (XI — начало XII в.) — Начального свода и Повести временных лет. Стоят внимания и памятники эпохи раздробленности, начиная с XII в., прежде всего, предания, отраженные в летописях Софийско-Новгородской группы. Наконец, имеется еще один текст, сохранившийся только в латинском переложении, — гипотетическая русская летопись, послужившая непосредственным источником для польского хрониста Я. Длугоша.

Русское летописание предлагает иной по сравнению с южнославянским вариант восприятия и обработки древних сюжетов племенной устной истории. Его особенности связаны не в последнюю очередь с особенностями формирования древнерусской государственности и культуры. В восточнославянском регионе в IX–X столетиях более десятка племенных «княжений» оказались включены в новое политическое единство — Древнерусское государство, во главе с новой династией Рюриковичей, — и поглощены им. К концу X в. процесс повсеместной смены Рюриковичами правящих родов, за исключением отдельных и в культурном плане периферийных областей, завершился. Соответственно, племенное предание всех древних племенных общностей утрачивало в едином государстве характер официальной исторической традиции. Таковой статус обрело теперь родовое предание Рюриковичей, не уходившее далеко в глубь языческой эпохи. В этом принципиальное отличие Руси от Чехии Пржемысловичей или Дукли и сходство ее, например, с Польшей. Там

также в историографии сравнительно молодой династии Пястов сюжетам древней племенной истории на первых порах уделялось крайне мало внимания. Для древнерусских авторов главной задачей при описании событий до Рюрика становилось обоснование прав династии на власть, подготовка «декораций» для ее выхода на сцену. В то же время вполне мог присутствовать (но ни в коем случае не на первом плане), особенно в Киеве и в Новгороде, и элемент заинтересованности отдельных знатных родов. Они возводили себя еще к дорюриковым временам и сохраняли память о героях-предках предшествующей эпохи.

Другой важной особенностью древнерусской исторической традиции явилось развитие ее с самого начала под мощным воздействием византийской хронографии. Образцом исторического труда с XI в. становится «Хроника» Георгия Амартола, отчасти более раннее, также построенное по хронологическому признаку сочинение Иоанна Малалы. Соответственно, и русские исторические сочинения, по крайней мере с середины XI в., оформляются как летописи в собственном смысле слова. В известной степени это рационализировало и внутренне дисциплинировало труд, заставляло его автора внимательнее относиться к параллельно излагаемым фактам «большой» истории. Введение этнического прошлого в широкий мировой контекст и четкие хронологические рамки выдавливали за пределы текста мифологизм, а также и размывали архаическую структуру родословного предания. Поэтому в русском летописании XI–XV вв. рационализирующее воздействие христианской мысли выразилось по максимуму.

В сравнении и с сербской, и с болгарской, и с польской — и со многими образцами неславянской средневековой хронистики Европы в русских исторических сочинениях при описании дохристианской эпохи до удивительного мало фантастического и мифического. Это способствовало некоторому смещению исследовательского восприятия применительно к русским памятникам. Даже полные эпики повествования о походе Олега на Византию, войнах Святослава и т.д. производили подчас на первых исследователей ощущение (конечно, ошибочное) документального отчета. Характерно, кстати, что с русской традицией многим здесь роднится чешская средневековая историография, также изначально ориентированная на форму

развернутых анналов. Впрочем, здесь присутствовали причины и более высокого характера. Для славянской культуры Средневековья (в наименьшей мере для польской, которая не испытала влияния кирилло-мефодиевской традиции) характерен более глубокий разрыв с языческим прошлым, чем для германцев и для кельтов. Ничего подобного Эддам или ирландским скелам с их поэтизацией языческой старины мы не находим в славянских литературах — подобное даже трудно представить в их контексте.

Начало русского летописания (но не появление целостных памятников) следует относить ко времени распространения христианства и византийской по происхождению книжной культуры. Это не исключает появления еще ранее каких-то отрывочных лапидарных записей. Первый же свод исторического (не обязательно, впрочем, летописного) характера сложился не позднее третьего десятилетия XI в. В этом раннем памятнике древнейшая история не рассматривалась. Тем не менее и в нем отразились некоторые предания не только о древнейшей поре истории Руси, но и отчасти о прошлом отдельных восточнославянских племен (уличей, радимичей).

Новый этап в отражении событий ранней восточнославянской истории открыл Киевский свод 1070-х или начала 1080-х гг., к которому восходит, во всяком случае, основной объем древнейшей части Новгородской I летописи младшего извода. Свод, легший в основу древнейших известий последней, идентифицируется как Начальный свод. Позже он станет основным источником Повести временных лет. Начальный свод излагает уже основную канву преданий о начале Киева, Руси и династии Рюриковичей. Его автор попытался при изложении истории дорюриковой остаться тем не менее в рамках династического предания. Поэтому он не концентрируется на ранней племенной истории, ограничиваясь пересказом преданий о Кие и хазарской дани. Его попытка ввести раннюю историю в хронологический контекст через группировку всех событий, связанных с «началом Русской земли», под 854 г., выглядит еще очень искусственно.

За узкие рамки исключительно «преддинастической» традиции решительно выходит Повесть временных лет, автор которой Нестор в начале XII в. создал широкое полотно ранней истории восточного славянства и Руси. Повесть временных лет дошла в позднейших

редакциях, созданных в том же XII в. Однако детальное изучение текстов сохранившихся (в том числе фрагментарно у В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина) летописных памятников позволяет с известной долей уверенности воссоздать первоначальный текст. Внутренняя цельность и полнота Повести, а также ее роль как официальной киевской летописи стали причинами, по которой ее воспроизводили все летописцы до XVII в. Иногда, впрочем, наряду с ней привлекался и Начальный свод.

Нестор уже детализировал (заметим — весьма талантливо и по-своему убедительно) хронологию первых десятилетий Рюриковичей, но принципиально отказался от датировки предания о Кие и иных «додинастических» сюжетов. В этом проявился здравый смысл, указывавший на отсутствие датирующих оснований в преданиях преимущественно топонимического и эпического характера. Но в таком отказе нет ни тени пренебрежения к не связанной с первыми Рюриковичами устной традиции. Напротив, для автора Повести сюжеты предыстории Руси («откуда есть пошла») равноценны истории собственно ее возникновения («стала есть»). Это отражено и в заглавии предпосланного летописи введения. В то же время отказ от хронологии в этом введении — и не возврат к архаической модели вневременного, не ищущего внешних опор предания. Напротив, внешний контекст древнейшей истории неимоверно расширился по сравнению с Начальным сводом. Происхождение славян прослеживалось летописцем начала XII в. уже от времен Ноя, им подыскивались античные соответствия, а история христианства на Руси теперь начиналась с апостола Андрея.

При воспроизведении огромного количества известных ему из разных источников преданий о происхождении восточно-славянских «родов» летописец прибег, по сути, к назывному методу. Предания не столько пересказываются, сколько перечисляются, за весьма редким изъятием. Исключение представляла только исключительно важная для летописца, очевидного патриота Киева, киевская традиция. Обогащенная легендой об апостоле Андрее, она, кроме того, и дополнена новыми сведениями о Кие, происходящими из области песенного эпоса. При интенсивном обращении к фольклору в Повести временных лет сохраняется основная тенденция русской традиции — последовательное изгнание связанных с язычеством фантастических,

мифологических сюжетов. Единственным исключением, и то связанным уже с Рюриковичами, может быть сочтен широко известный рассказ о гибели князя Олега от коня. Однако он нужен летописцу в целях антиязыческой полемики. Ничего же подобного повествованию польского хрониста Винцентия Кадлубка о битве Крака с драконом или упоминанию болгарской «Апокрифической летописи» о рождении Испора от коровы мы не находим на Руси еще долгие века.

Используя Повесть временных лет и Начальный свод, позднейшие авторы в ряде случаев дополняли их новыми сюжетами и мотивами, заимствованными из местной устной традиции. Такие новые сюжеты и мотивы находим в ряде памятников эпохи феодальной раздробленности. Это прежде всего памятники новгородского летописания — в том числе местная редакция вводной части Повести, вошедшая в состав общерусского митрополичьего Софийско-Новгородского летописного свода начала XV в. В среде новгородского боярства имелась собственная, независимая от родового предания Рюриковичей, устная историческая традиция. Вместе с тем консерватизм летописной формы определял случайность заимствований из этих источников. Мы вновь имеем дело с названием, но не с воспроизведением предания. Время воспроизведения новгородской традиции, уже в явно разложившейся форме, но зато с сохранением ряда весьма архаичных мифологических элементов (например, сюжет о князе-оборотне Волхе), настало только в XVII столетии.

Подобно новгородским поступали и летописцы других земель, в частности киевский летописец 1230-х гг., чье сочинение легло в основу «русских» известий польского хрониста XV в. Яна Длугоша. Этот автор основывал свое повествование на Начальном своде, но дополнил его рядом оригинальных известий, отражающих устные предания. И здесь мы встречаем тот же назывной метод вкраплений новых мотивов в летописный образец и опять-таки отсутствие мифологических элементов фольклора.

Из позднейших летописных памятников стоит выделить фундаментальные летописные своды XVI столетия — Воскресенскую и Никоновскую летописи. Эти и подобные им памятники нередко привлекали дополнительные сведения из становившихся известными

их авторам преданий, в том числе местных. Однако информация из устных, подлинно народных источников подчас смешивалась с домыслами и откровенными вымыслами. Следует помнить, что дружинно-аристократические родовые предания русской знати киевского периода безвозвратно ушли в прошлое после монгольского нашествия, с усилением новых политических центров — Московской Руси и Великого княжества Литовского.

Это сказывалось на качестве информации, попадавшей в руки местных историков XVI–XVII вв. Из многочисленных источников, отражающих местные предания XVII столетия, для нашей темы значительный интерес представляет «Сказание о зачале Новаграда», имеющее как литературные, так и фольклорные параллели. Легенды, вплетенные его создателем в ткань возвеличивающего родной город повествования, конечно, не должны приниматься на веру. Даже просто как подлинное отражение «древних» преданий. Они должны тщательно анализироваться. Только установление всех внешних источников и параллелей позволяет выделить в «Сказании» зерно, действительно восходящее к народным преданиям. И «работать» с целью выявления исторических оснований тысячелетней давности уже с этим зерном. Дело несколько осложняется тем, что «Сказание» оказалось в тени так называемой Иоакимовской летописи — близкого по характеру сочинения конца XVII или первой половины XVIII в., сохраненного русским историком В.Н. Татищевым. Свидетельства самого В.Н. Татищева о ее происхождении и изучение Летописи наводят на мысль, что на самом деле это компиляция на основе разных, в том числе несохранившихся, источников, создание которой невольно инициировано самим Татищевым.

Что касается западнославянской латиноязычной традиции, то ее представляют чешские и польские средневековые хроники. Основу чешской исторической традиции составило родовое предание правящей (с VII–VIII вв.) династии Пржемысловичей, в начале XII в. перенесенное в письменную латинскую форму Козьмой Пражским. «Богемская (Чешская) хроника» Козьмы стала основой для всей позднейшей чешской анналистической и хроникальной традиции. Лишь отдельные авторы (Неплах из Опатовиц, Пржибек Пулкава) добавляли в схему Козьмы новые элементы, воспринятые из народных преданий. Наиболее независим (и стал самостоятельным источником

для позднейших хронистов) Далимил, создавший в XIV в. «Чешскую рифмованную хронику» на родном языке. Здесь особенно много неотраженных ранее Козьмой фольклорных мотивов. XVI в. в Чехии, как и повсеместно, стал временем многочисленных псевдоисторических домыслов, романтического поиска новых сюжетов, обогащающих древнюю историю. Особенно отличился на этой ниве Гаек из Либочан. Его монументальная «Чешская хроника» в своей древнейшей части является кладезем в большей степени творческой фантазии автора, чем исторического или даже фольклорного материала.

В пястовской Польше к давней племенной истории допястовской эпохи первым обратился в XII в. Винцентий Кадлубек. В его «Хронике» впервые отражаются мифы и предания краковского цикла. С соперничеством Великой и Малой Польши связаны основные отличия древнейших разделов хроники Кадлубека и приписываемой Богухвалу «Великой хроники» XIII в. Опираясь почти исключительно на труд Кадлубека, автор «Великой хроники» вместе с тем возвращает (после легендарного Крака) центр изложения допястовской истории в Великую Польшу. Это, надо отметить, соответствовало древнейшим преданиям, отраженным еще у Анонима Галла, предшественника Кадлубека. Позднейшие польские хронисты всецело следовали заданной Кадлубеком и Богухвалом традиции, практически не дополняя ее новыми деталями. Исключение представляли лишь чисто литературно-«научные» по происхождению домыслы XVI–XVII вв. Польские хронисты лишены уходящей в глубь веков легендарной генеалогии (имевшейся у Пржемысловичей). Потому они решали важную для латинской историографии проблему удревнения своей истории через своеобразное «размножение» доставшихся от легендарной эпохи имен. Так, князь Лех-Лешко в польском историческом предании расчленился, Попель — раздвоился. Кроме того, польские хронисты большее, чем ранние чешские, внимание уделяли проблеме соотношения своей и античной (древнеримской) истории. Эти обстоятельства сближают польских средневековых авторов с некоторыми скандинавскими — прежде всего с Саксоном Грамматиком.

Среди западноевропейских средневековых источников по ранней славянской истории скандинавские стоят особняком. Они так же, как и

славянские, всецело восходят к устной традиции. При этом ее отражение существенно разнится в двух основных ветвях средневековой скандинавской традиции — латинской и древнеисландской. Латинские источники («Хроника Лейре», «Деяния данов» Саксона Грамматика и др.) иногда сравнительно древнее. Однако они сильнее зависят от шаблонов западноевропейской исторической науки того времени. Так, версия древнейшей истории датских конунгов Саксона резко расходится с данными всех остальных скандинавских источников. Однако это расхождение при ближайшем рассмотрении оказывается не в пользу латинских «Деяний». Во всех основных расхождениях Саксона и исландских саг он резко противоречит и более древним записям традиции — англосаксонской поэме VIII в. «Беовульф», скальдическим и эддическим песням X–XII вв. Пользуясь различными устными и письменными источниками, Саксон произвольно компилировал их, пытаясь создать связную историю не существовавшего в I тысячелетии н.э. единого Датского королевства. Иногда он в своих интерпретациях и политически ангажирован. В результате получилась версия весьма литературная, вторичная интерпретация саг, еще менее достоверная, чем они сами.

В то же время литература на родном языке (для Дании, например, — «Сага о Скьёльдунгах», «Обзор саг о датских конунгах»), лучше отражая строй традиции, фиксирует ее в чуть позднейшей форме. Эддическая и скальдическая поэзия, генеалогии являются исключением, восходя напрямую к устным первоисточникам — но их сведения подчас слишком кратки для ясной интерпретации. Кроме того, сюжетика древнеисландской литературы более «канонична». Ее авторы стремятся к взаимной согласованности, созданию единой, непротиворечивой картины истории и генеалогии. Это приводит к зависимости вторичных памятников от своих источников, к естественным искажениям противоречивой и многовариантной устной традиции.

Что до данных по славянской истории, то они за VII–VIII вв. еще довольно бедны. Это припоминания об отдельных контактах с западными и северной частью восточных славян на заре викингской эпохи. Интересен — и важен для самой скандинавской традиции — сюжет о происхождении датской и шведской королевской династий, связываемый с восточнославянским князем Радбардом. Он

представляет собой исключение на фоне довольно рутинных и отрывочных свидетельств о стычках приморских племен Балтики.

Близкий аналог славянским и скандинавским в смысле происхождения от устных преданий представляют прусские источники. Отличие в том, что запись преданий производилась не собственно пруссами, а завоевателями-тевтонцами или онемеченными потомками аборигенов. Монах Симон Грунау (XVI в.) в своей «Прусской хронике» сохранил предание о войне прусских князей с мазовшанами. По собственному утверждению Грунау, его труд основывается на хронике немецкого епископа XIII в. Христиана, побывавшего в плену у пруссов. Некоторая сомнительность этого свидетельства перевешивается большим объемом достоверной информации Грунау, крещеного прусса, об обычаях, мифологии, языке своего народа. Позднейшие прусские хронисты при изложении тех же событий лишь перемешивают информацию Грунау с обычными домыслами.

По разряду домыслов проходят и «оригинальные» свидетельства мекленбургских и померанских немецких хронистов XVI–XVII вв. (Фома Кантцов и др.). Оторванные от умирающей, но еще живой в те века славянской народной культуры Поморья и Полабья, городские немецкие писатели просто не могли черпать из нее. Главной задачей для авторов из Мекленбурга и Померании являлось повысить исторический и политический статус владетельных родов, чье родословие восходило к онемеченным славянским князьям. Генеалоги чрезвычайно вольно обходились с остающимися им источниками — франкскими хрониками, их позднейшими переделками, «Деяниями данов» Саксона Грамматика и др. Результатом этого стали, в частности, фантастически скомпилированные родословия, в том числе — для VIII–IX вв. — абсурдно смешивающие княжеские линии вильцев и ободритов. Примеры вольных домыслов и откровенных вымыслов можно умножать. Наивность их объяснима. Методы современного научного анализа компиляторам оставались недоступны, а задача их состояла всего лишь в том, чтобы максимально расширить круг родичей правящих династий. Подобное происходило и в других европейских странах, не обошло «поветрие» и Московскую Русь. Ознакомление с этими хрониками полезно. Однако использовать подобные опусы как источники по описываемому в них периоду едва

ли целесообразно. Продуктивнее обращаться к их собственным источникам, которые легко выявляются. Они уже названы.

По мере приближения к «историческому» периоду славянской истории естественно возрастает количество устных преданий, отражающих события прошлого. Однако предания, записанные в XVIII–XX вв., надо крайне осторожно привлекать в качестве исторического источника по событиям тысячелетней давности. Разновременное историческое и мифологическое сплелось в них неразрывно. Кроме того, следует учитывать уровень достоверности самих записей, возможность литературных влияний, отсутствие четких датирующих описываемые события указаний и т.д. Только установление праформы преданий, выявление их происхождения и источников позволяет нам прибегать к их помощи.

Основной костяк представлений о внутреннем устройстве славянского общества, материальной и отчасти духовной культуре, хозяйстве и быте по-прежнему обеспечивают археология и языкознание. Данные языка в минувшем веке стали не менее важны для специалистов, чем постоянно пополняющийся археологический материал. Современные методы позволяют использовать язык в качестве исторического источника по самой различной проблематике.

ПРОЛОГ

Обновляющаяся Европа

602 год не относится к числу столь переломных дат европейской истории, как, скажем, 476-й — год падения Западной Римской империи — или 800-й — год основания империи Карла Великого. Причиной тому — во многом неожиданная живучесть, проявленная последним оплотом античной цивилизации, Вторым Римом, Византией. Однако для своего времени это, без сомнения, дата рубежная. В тот год Восточная Римская империя оказалась на краю гибели — и перестала быть прежней навсегда.

23 ноября 602 г. в Константинополь вступила восставшая армия под предводительством младшего офицера Фоки. Император Маврикий погиб. Впоследствии расправы над представителями ромейской знати сторонники нового правителя чинили регулярно. В Империи разразилась гражданская война, длившаяся восемь лет. В течение этого времени персы развернули мощное наступление на Востоке, а на Западе безнаказанно хозяйничали авары, славяне и лангобарды.

Вступление на престол императора Ираклия в 610 г. само по себе не могло стабилизировать ситуацию. Ираклию пришлось оборонять от «варварских» полчищ сам Константинополь (626 г.). В конце же его долгого и небезуспешного в целом правления (610–641) восточные провинции накрыл вал арабского нашествия.

Итог внутренних и внешних смут для Империи оказался, естественно, весьма трагичен. Надежды на восстановление прежнего Рима окончательно рухнули. Более того, Империя как могучая политическая реальность перестала существовать. Границы державы ромеев в Европе к середине VII в. сжались до городских округ — Константинополя, Рима, Равенны, Фессалоник. Малая Азия осталась, но находилась под постоянным прессом захвативших большую часть Востока арабов. Отрезанная от основных имперских земель Северо-восточная Африка, оказавшись в аналогичной опасности, продержалась только до начала VIII в.

Спорным является само воспроизведение Византией в «темные» VII и VIII вв. основных признаков цивилизации. Указывалось на

незначительное количество письменных памятников, на практическое отсутствие градостроительства и монументального зодчества. За политическим упадком естественно следовали экономический и культурный.

Однако VII–VIII вв. являлись для Восточной империи не только порой упадка. Это еще и время консолидации общества на новых началах, превращения Восточного Рима в средневековую Византию. Уже при Ираклии это проявляется в ряде зримых перемен — например, в официальном принятии древнегреческого именованя царя «василевс». Византия остается страной полиэтничной, становится с приходом славян даже более полиэтничной. Но вместе с тем она становится и более греческой. Греческий язык окончательно получает статус официального.

Окончательно ушли в прошлое попытки языческой реакции. Византия VII–VI вв. являлась уже страной, безусловно, христианской — хотя и не безусловно православной. Монофелитство VII в. и иконоборчество VIII в. принесли Империи немало тревог. Но все идейные споры проходили в рамках победившего христианства — единой и неоспоримой духовной основы средневековой Византии.

Меняется византийская знать. Значительная часть старой аристократии погибла в ходе «революции Фоки». При Ираклии в Константинополе обосновываются провинциалы, преимущественно греческого, армянского и малоазийского, а не римского или германского происхождения. Значительная часть уцелевших еще латифундий оказалась потеряна или разорена в ходе внешних и гражданских войн. Новая знать обладала меньшей земельной собственностью, более зависела от милостей императора. И в то же время, ввиду ослабления центральной власти и разбросанности имперских территорий, она обладала большей личной самостоятельностью на деле. Знать все более сближается с перестроенным военно-бюрократическим аппаратом, по сути составляя с ним единый общественный слой, регулярно пополняясь за его счет.

Отражением социальных изменений стало проведенное в VII–VIII вв. деление Империи на новые административно-территориальные единицы — фемы. Автономные от центра, фемы обладали собственными войсками и управлялись военными чиновниками-

стратигами, обладавшими всей полнотой власти. Набирались они, как правило, из уже заслуженных и богатых родов местного происхождения. Одновременно с подобным закреплением прав местной знати в центре укрепляется династический принцип преемства власти. Наследование императорского престола рассматривается как нечто естественное, а занятие его человеком не из правящего рода — как узурпация. Смена династий происходит только в результате государственных переворотов. Однако наследие Республики с идеей «власть достойнейшему» делает такие перевороты довольно частыми.

Социально-экономическое лицо Империи тоже меняется. Гибель латифундий, о которой уже говорилось, сделала основой экономики крестьянскую общину — местную или «варварскую». Свободный крестьянин-воин, стратиот, — не только основной производитель, но и главная массовая опора фемной армии. Общины, конечно, зависели от государственной власти и в известном смысле от местной военной аристократии. Но до феодализма, подобного сложившемуся к началу IX в. на Западе, Византии весьма далеко.

По мере упадка городов, а соответственно ремесла и торговли, значение сельского хозяйства для экономики Империи резко возрастает. Оно становится, помимо прочего, основным источником государственного дохода. Многие города превращаются в сельскохозяйственные по сути поселения. Борьба за расширение облагаемых сельскохозяйственных территорий — не последняя причина освободительных походов против славян и болгар на протяжении VII–VIII вв.

Такова ситуация в Византии. Империя перестала быть доминирующим фактором европейской политики, однако осталась — в отсутствие подлинных конкурентов — фактором ведущим для Востока Европы. На Западе же VII–VIII вв. — время подъема одних и упадка других «варварских» королевств. В эту эпоху они только в начале пути, который приведет их к восстановлению городской жизни и к сложению феодального общества. Тем не менее многие признаки средневековой Европы мы уже начинаем встречать в источниках этого времени — зачатки вассальной системы, развитое церковное землевладение, полуавтономные городские общины. После крещения в первых десятилетиях VII в. большинства англосаксонских королевств

вся цивилизующаяся часть Западной Европы оказалась христианской. После того как в том же VII в. от арианства вслед за вестготами отступились и лангобарды, она стала и католической. Различия между Западной и Восточной церквями уже наметились в конце

VI в., но еще отнюдь не превратились в основания раскола. Ортодоксов и будущих «католиков» спланивали и совместная борьба с монофелитством и иконоборчеством, и стремление нести свет христианства язычникам.

Сильнейшими королевствами Запада в первой половине VII в. являлись Франкское в Галлии, Лангобардское в Италии и Вестготское в Испании. Меньшие владения уже, как правило, поглощены ими. Исключение (помимо защищенных Ла-Маншем англосаксов) представляли несколько пограничных герцогств или королевств на восточной периферии Франкской державы. Частые распри за франкский престол, трудности утверждения христианства позволяли правителям баваров, тюрингов и алеманнов (швабов) сохранять значительную степень автономии или даже независимости.

Впрочем, единство всех трех королевств-лидеров не стоит преувеличивать. Каждое разветвление местных династий приводило к дроблению государства на уделы королей-соправителей. На местах пользовались широкой самостоятельностью отдельные принцы и герцоги некоролевского рода. В Испании и Италии ситуация выливалась в частые усобицы и смены династий. Для готского королевства это оказалось роковым — в 711–713 гг. большую часть Пиренейского полуострова захватили арабы. Отступив на север, остатки вестготской знати лишь тогда сплотились под властью одной династии — Кантабрийского дома, правителей королевства Астурия. Лангобардская Италия, в отсутствие столь же грозного врага, устояла до конца VIII в., что, однако, не прибавило ей стабильности.

У франков измельчание династии Меровингов постепенно привело к переходу власти в руки управителей королевского двора — майордомов. Распри между династиями майордомов уже в VIII в. вылились в единственную за всю франкскую историю смену королевского рода. Так появилась династия Каролингов, правители которой не только стабилизировали и объединили свое королевство, но и оказались в силах стать гегемонами всего Запада. Свою роль сыграли в этом и прочный союз с римскими папами, отвернувшимися от

иконоборческого Константинополя, и создание цельной вассально-ленной системы. Этот костяк европейского феодализма на первых порах обеспечил верность основной части аристократии королю.

За пределами сильнейших «варварских» королевств Запада оставались пока северо-восточные германские земли. По-прежнему раздробленные саксы упорно тем не менее отстаивали свою самостоятельность от франкских королей. К северу, в Скандинавии, ускоренно строились пока еще эфемерные племенные «королевства». Их возглавляли довольно живучие, но переходившие с одного местного престола на другой династии. Некоторые вожди (подобно Ивару в конце VII в.) могли объединять под своей «властью» почти всю Скандинавию. И в политике конунгов, и в экономике скандинавских земель все большую роль играют дальние морские походы за военной и реже торговой добычей. Уже в начале VII в. скандинавы совершают далекие набеги на восточнобалтийские земли — предвестие грядущей эпохи викингов.

В Восточной Прибалтике существовали собственные племенные объединения. Из них наиболее значительным являлось племенное «королевство» пруссов, управлявшееся дуумвиратом из военного и сакрального (Криве) вождя. Возникновение его связывается с легендарными братьями Видевутом и Брутенем и может относиться к V–VII вв. Дальше на север, у предков литовцев и латышей, объединительные процессы только начинались. Внутренний строй финно-угорских племен (в том числе тогда не звавшихся еще на Западе эстами предков эстонцев) оставался еще более архаичным. Хотя и здесь уже складывались племенные союзы.

Главной угрозой для оседлых народов Центральной и Восточной Европы в начале VII в. являлся Аварский каганат, располагавшийся на землях Паннонии (ныне Западная Венгрия). Аварская опасность являлась одним из главных факторов во внешней политике и Византии, и Франкского государства в первой половине VII в. Но и позднее, после временного упадка, каганат оставался мощной и опасной, пусть и более локальной, кочевой империей. Долгое время он не знал соперников на востоке. Только в 20–40-х гг. в европейские степи на время возвращаются тюркюты. Возвращаются, чтобы исчезнуть со сцены европейской истории (под этим именем) навсегда, уступив место своим преемникам — хазарам и болгарам. Впрочем, эти события

уже не столько авансцена, сколько непосредственное содержание славянской истории VII–VIII столетий.

Славяне включились в строительство европейской средневековой цивилизации немногим позднее западных германцев, но как минимум не позже германцев северных и намного раньше балтийских народов. Их история являлась органичной и неотъемлемой частью того на первый взгляд хаотичного движения, которое привело к появлению новой Европы в начале IX в. С другой стороны, и сама эта история не может быть представлена вне своего величественного фона, в отрыве от истории соседей, союзников и противников.

Славяне к началу VII в.

К началу VII в. славяне прошли уже длительный путь общественного развития. Славянский Мир того времени представлял собой, с одной стороны, совокупность десятков малых племен-«родов» с собственными структурами власти, во главе с собственными князьями и воеводами. Но, с другой стороны, племена эти уже сплачивались в племенные союзы — первые зародыши государственности. Появляется подобие государственной власти в виде княжеской дружины. В юго-восточных, более захваченных Великим переселением народов землях она постепенно становится разноплеменной, а оттого и скорее надплеменной. Княжеская власть превращается в наследственную — сначала в рамках одного клана, затем собственно в династии. Параллельно слабеют иные, архаичные институты, сыгравшие ранее немалую роль в складывании предгосударственного устройства. Относится это прежде всего, к воинским и иным ритуальным союзам.

В славянском обществе разворачивался процесс расслоения, формирования новой социальной структуры. Отчетливо заметна родоплеменная знать (господа, «паны»), чье могущество пока основывалось на общинном старшинстве. Еще четче выделяется в древнеславянском обществе жречество (ведуны), хотя верховным жрецом являлся сам князь. Постепенно начали оформляться новая военная, дружинная знать и тесно с ней связанная племенная «администрация». Бурные события времени великих переселений привели к росту роли рабства и данничества.

Основными занятиями славян являлись земледелие и скотоводство. Земледелие носило на юге переложный или даже уже пашенный, на севере — преимущественно (но не исключительно) подсечно-огневой характер. На севере же, в том числе и из-за недостатка сельскохозяйственной продукции, обильнее занимались охотой, рыболовством, бортничеством. Жили славяне по преимуществу разбросанными поселениями-весями, объединенными в общинно-родовые и племенные гнездовья. Укрепленные грады — пока большая редкость. Ремесло развивалось почти исключительно как

домашний промысел. Но гончары и кузнецы, по меньшей мере, уже изготавливают продукт на заказ.

Религия славян остается многобожной, сильно варьирующейся по отдельным племенным волостям. Первые попытки проповеди христианства в VI в. имели весьма скромный, если не почти нулевой успех. Во главе пантеона стоит, как правило, бог грозы Перун, покровитель князей и дружинников. Но с ним вполне успешно соперничает его антагонист, змееобразный бог загробного мира и даритель богатств Велес. Славянская обрядность носила еще первобытный характер, хотя наиболее буйные и жестокие черты архаики начинают понемногу уходить в прошлое.

Политическая карта славянского мира на рубеже VI–VII вв., пусть с известной долей приблизительности, но может быть восстановлена. Восточные земли от левых притоков Днепра до Прута и Карпат занимали антские племена. Номинальным центром не очень прочной антской общности, предполагаемым местом общеантского веча являлось городище Пастырское в лесостепи между Днепром и Южным Бугом. Общего князя или вождя анты не имели. Анты к концу VI в. являлись союзниками Византии в войне против авар и собственных сородичей словен — последними в Европе. На востоке они соседствовали с кочевыми племенами — болгарами, хазарами, савирами.

Восточную ветвь словен представляли дулебы. Дулебский племенной союз во второй половине VI в. достиг наивысшего расцвета. Северная, основная его часть охватывала территории от Днепра до Западного Буга, с севера ограничиваясь припятскими топями. На юге в состав дулебской общности в этот период временно, как автономная единица, вошли дунайские словене, занимавшие земли между Прутом, Карпатами и Дунаем и включавшие (как, впрочем, и большинство дулебов) значительный антский элемент. Во главе дулебского племенного союза с центром в городище Зимно на Западном Буге стоял правитель-князь с титулом «Маджак» (в арабской транскрипции) или «Мусок» (в греческой). «Малые» князья и воеводы отдельных племен или племенных групп формально подчинялись его верховной власти. В Аварских войнах конца VI в. дулебы и дунайцы выступали на стороне авар. Это сблизило их с каганатом и привело в

конечном счете к распространению аварского влияния на восток до низовий Дуная.

Западная ветвь словен, ляхи, потомки живших по левобережью Западного Буга лендзян, во второй половине VI в. расселились вверх по Висле и Бугу, на земли современной Польши. Здесь в результате смешения с разрозненными родами венедов (суковско-дзедзицкой археологической культуры) сложилась новая этническая группа. Политического единства она не представляла, но представляла ритуальное — вокруг капища Змея-Велеса на горе Вавель (ныне Краков). В конце VI в. лендзяне вступили в союз с Аварским каганатом и участвовали в переселениях на Балканы. Также поступили и оттесненные ими на северо-запад, в земли по Лабе (Эльбе) венедские племена ободричей и др. В описываемый момент их движение на север, к Балтике, еще продолжалось, что не помешало части их переместиться на Балканы в ходе Аварских войн.

Противостоящую натиску авар группу северных славянских племен представляли, прежде всего, западные хорваты — переселенцы из антских прикарпатских областей. Сплотив вокруг себя часть славянских племен Чехии (Богемии) и Силезии, а также своих сородичей сербов, они в VI в. создали единый племенной союз во главе с сакральными правителями, носившими титул Крок или Крак. Борьба хорватов и сербов против авар становится важным движущим фактором развития событий не только в этих землях. В то же время жившие к юго-востоку от чехов мораване в числе первых попали под власть Аварского каганата и также участвовали в балканских войнах и переселениях.

К северу от хорватского к концу VI в. возникает еще один враждебный аварам и их славянским союзникам племенной союз. Его создатели — выходцы из Силезии велеты, основатели фельдбергской археологической культуры. Велетский союз со своей единой княжеской властью, жесткой общественной структурой и высокой боеспособностью надолго превратился в серьезного противника соседних племен и государств. И в то же время он оказался в состоянии обеспечить себе независимость и обширные земли.

Далеко на северо-востоке, в полной изоляции от южных сородичей, развивалась племенная общность славян-кривичей. Ее главным центром являлись земли к югу от Чудского озера, по реке

Великой. Но кривичские поселения уже в V–VI вв. распространились далеко на восток, до Поильменья и даже Белозерья. На юге кривичи рассеянно жили среди балтов Подвинья и Верхнего Поднепровья. Смешение с балтскими и финскими племенами наложило отпечаток на историю и культуру кривичей. Они пока не представляли политического единства — но осознавали свою общность, основанную на происхождении от божественного предка Крива (Бая, Велеса).

Перечисленные здесь племенные союзы было бы не совсем верно определять как непосредственных предшественников славянских государств Средневековья. Бурные исторические события VII–VIII столетий существенно перетасовали племенные границы, породили новую политическую реальность. Но кое-какие линии преемства все же прослеживаются. И именно в VII–VIII вв., по мере зарождения средневековых народностей, начинается строительство тех государств, которые известны из писанной славянскими хронистами истории.

Глава первая.

ЗАВОЕВАНИЕ БАЛКАН

Начало последнего нашествия

На момент «революции Фоки» дела аваро-словенского союза в его противостоянии с Империей обстояли далеко не лучшим образом. Словене только что понесли тяжелое поражение от ромейских войск, хотя и сохранили волю к сопротивлению. Аварский поход против союзников Константинополя, антов, оказался сорван мятежом в каганате. При этом мятежники откочевали за Дунай, под власть и защиту императора Маврикия. В этих условиях мятеж Фоки, оголивший границу на Дунае, оказался для кагана и его союзников наилучшим подарком. Падение же Маврикия, начавшее гражданскую войну в Империи, послужило сигналом к масштабному вторжению.

Нельзя сказать, чтобы Фока никак не пытался этому помешать. Он присвоил себе императорский титул, конечно, не ради того, чтобы потерять половину имперских земель. Но главной заботой узурпатора сразу же оказались азиатские провинции. Персидский царь Хосров, многим обязанный Маврикию, под лозунгом мести за него возобновил ромейско-персидскую войну. На его стороне выступила и часть самих ромеев во главе с самозванцем Феодосием, выдававшим себя за якобы спасшегося сына Маврикия. В условиях развала государственной машины Фока сделал выбор в пользу именно восточной войны. На западе он обязался выплачивать кагану повышенную дань, фактически признав поражение Империи.

Каган принял и эту щедрость нового императора, но от завоевания балканских провинций не отказался. Можно не сомневаться, что наблюдавшие развал Ромейской державы и лишённые ее поддержки авары-перебежчики не преминули вернуться к прежнему властелину. Теперь они превращались в авангард масштабного аваро-славянского нашествия.

О нем мало что известно. Греческие историки о действиях авар сообщают в общих фразах, а о славянских вообще не упоминают. Сколько-нибудь ясные и все равно отрывочные сведения о действиях «варваров» в Европе при Фоке имеются только в негреческих источниках (Хроника Иоанна Никиуского, «Армянская география»). Действительно, правители Империи за ожесточенной Персидской

войной и собственными раздорами просто не обращали внимания на происходившее в Европе. Дань, выплачиваемая кагану, давала призрачную безопасность Константинополю. Во всех остальных землях Балкан «варвары» действовали по своей воле, но это Фоку и его окружение волновало тем меньше, чем сильнее качался престол под узурпатором. Так что письменные свидетельства о событиях поистине значимых, положивших начало истории южных славян, крайне скудны.

Историю начального этапа последнего славянского нашествия на земли Империи можно восстановить лишь по названным негреческим сочинениям, данным археологии, языка^[1], а отчасти и по поздним южнославянским преданиям. На основе болгарского средневекового предания можно заключить, что местом переправы стали окрестности Видина (Бдына), ромейской Бононии^[2]. Это подтверждают и наблюдения за распространением славянских местных названий на Балканах. Они же позволяют заключить, что к начатому славянами Мунтении и Олтении нашествию присоединились во множестве сородичи с запада, из земель, подвластных напрямую аварскому кагану.

Общее число принявших участие в нашествии племен, по «Армянской географии», — 25.^[3] Речь на этот раз шла не просто о завоевательном походе, но о массовом переселении. Славяне, конечно, и ранее оседали на имперских землях целыми семьями и «родами». Но в этот раз поток переселенцев несказанно превысил все предыдущие. К тому же за ним последовали новые и новые вливания из-за Дуная, продолжавшиеся почти весь VII в. Столь грандиозное вторжение не могло быть разовым «предприятием» одного-двух вождей и тем более провокацией аварского кагана. Несомненно, он изначально приложил к этому руку и первые годы действовал со славянами в союзе — но не более того. Переселенцами определенно двигали не зависевшие от их воли обстоятельства. Перенаселение придунайских областей ощущалось все тяжелее. Разорение их в ходе Аварских войн усугубляло проблему.

Из племен, участвовавших в нашествии, нам известны далеко не все. Многие племенные названия возникли уже на Балканах. Встречались племена антского (северы, или севера, сагудаты), ляшского и полабского (смоляне и действовавшие на западе, в Далмации, лендзяне) и дулебского (дреговичи, берзичи)

происхождения. Наряду с ними участвовали в переселении и племена, сложившиеся собственно на Дунае — или южнее, в ходе самого переселения. Таковые мы можем предполагать в племени с выразительным наименованием «войниччи» (греч. Βαλουνηται) и в велеездичах (Βελεγευσηται), чье название происходит от двусоставного «княжеского» имени Велеезд^[4].

В переселение на самых разных участках оказались втянуты десятки племен и «родов», прежде всего с территорий, так или иначе подвластных Аварскому каганату. Культурой своей и языком они уже отличались от составивших основу переселенческого потока восточных славян — антов и дулебов. В заселении Фракии и Македонии, например, определенно приняли участие «ляшские» выходцы (известны нам смоляне). Участвовали в движении на Балканы с первых его лет и пришельцы из «чешско-словацких» земель (мораване и др.)^[5] -

Переправившись в районе Видина, славяне разделились на два потока. Один, главный, двинулся прямо на юг, к «Охридской земле», где первые славяне осели уже в конце VI в. Другие переселенцы разными путями шли вниз по Дунаю, по южному берегу. В их числе сильнейшим племенем были северы, возглавившие возникший во Фракии союз Семи родов^[6]. Это вторжение с запада покончило с нижнедунайским отрезком лимеса. Славяне разрушили ряд нижнедунайских крепостей. В частности, тогда погиб античный город Каллатии в самых низовьях, один из важных центров провинции Скифия^[7]. Под натиском новопришлых бежали местные жители, прежде жившие еще совместно с фракийскими словенами. Это видно, например, на примере туземного кладбища Петра-Фрэкецей в Северной Фракии. К началу VII в. на нем появляются славянские погребения, а затем хоронить здесь вовсе перестали^[8].

Двигавшиеся на юг, к Охриду, славяне также в итоге разделились на два потока. Зримая причина тому — необходимость обойти с востока и с запада неприступную Фессалонику. Иоанну Никиускому казалось, что это единственный греческий город, кроме столицы, оставшийся свободным от «варваров» в Европе к 610 г.^[9] Здесь некоторое преувеличение, однако ни славяне, ни авары действительно не стали штурмовать Фессалонику при Фоке.

Западная ветвь свернула также во Фракию. На границе провинций Родопы и Македония образовался очаг славянского расселения, занятый позднее, в числе прочих, племенем смолян. Возможно, что еще одной причиной разделения стали какие-то разногласия между выходцами из далекого полабского региона и племенами восточного происхождения, осевшими затем в Македонии.

Район древнего Лихнида славяне освоили еще в конце нашествия 580-х гг. Теперь основанное на развалинах античного города славянское село превращается в укрепленный град Охрид, столицу племени берзичей^[10]. По соседству с ними осели сагудаты, дреговичи, велеездичи, войничы. VII век — время строительства многих славянских поселений на Балканах. Некоторые из них возникали на месте прежних неславянских — как разрушенных крепостей (Долно-Церово, Перник в верховьях Струмы), так и сел, покинутых прежними обитателями^[11].

Из Македонии славяне во множестве проникали на запад от Охридского озера, в Старый Эпир. Населявшие эти земли едва романизированные горные иллирийцы вскоре начали смешиваться с пришлыми славянами и фракийцами — процесс, положивший начало албанской народности. Это отразилось в древностях команской культуры VII–IX вв.^[12] Такое мирное или в основном мирное смешение завершилось «в пользу» фрако-иллирийского элемента, но гораздо позднее. В VIII же веке окрестности Диррахия, древней столицы Старого Эпира, числились «аварской» территорией^[13]. «Авары» же — обычное наименование заселивших Элладу славян среди греков. Южноэпирские земли оставались славянскими еще долгое время после того.

На завоевании Фракии и Македонии первая волна нашествия остановилась^[14]. Славяне начали расселяться на новых землях, замиряясь и смешиваясь с местными сельскими жителями. Впрочем, во многих местах, опустошенных внешними и внутренними войнами, голодом и эпидемиями, славяне не встречали никакого туземного населения и обосновывались беспрепятственно. Особенно это касалось приграничных земель Нижней Мезии и Скифии, где осела основная масса Семи родов^[15]. После 610 г. воины-завоеватели в массовом порядке начали перевозить из-за Дуная свои семьи. Именно

тогда появляются на юге «антские» пальчатые фибулы — застежки женских плащей^[16].

Расселение во Фракии и Македонии происходило, как уже сказано, во многом стихийно — не против воли аварского кагана, но и вряд ли по его велению. Несколько иначе обстояло дело на западе, где переселенные самим каганом к границам Империи племена лендзян и стодорян штурмовали границы провинций Далмация и Истрия.

После крушения пограничной обороны в Далмации на рубеже VI–VII вв. аварский каган предоставил земли провинции в полное распоряжение своей основной ударной силе на этом участке — лендзянам. В первые десятилетия VII в. лендзяне обживали Далмацию, не упуская, естественно, стеснять при этом романское население прибрежных городов, в том числе столицы провинции — Салоны^[17]. Но, несмотря на все чинимые салонитам тяготы, занятые заселением доставшейся территории славяне не посягали на сами стены далматинских городов до воцарения Ираклия. Приход на рубеже VI–VII вв. в Далмацию славян вместе с аварами подтверждается археологами. Данные археологии свидетельствуют не только о конфликтах, но и о мирном взаимодействии славян с местными жителями^[18]. Как и в других местностях, славяне и авары воспринимали как своих врагов в первую очередь жителей городов — основной опоры имперской власти и армии. Поселяне, готовые нести повинности в пользу победителей (не более тяжкие, чем имперские подати), могли оставаться на своих местах, жить бок о бок со славянами, родниться с ними.

Наряду с заселением в Далмацию, продолжались в царствование Фоки и набеги славян в западном направлении, на Истрию и ромейскую Италию. Движущей силой выступали стодоряне и соседние с ними племена, издавна оседавшие в альпийском Норике. В этот период разнородные элементы — славянские, лангобардские, романские — сливаются здесь в новую славянскую культуру^[19]. Это, разумеется, нисколько не мешало славянам под главенством авар и в союзе, кстати, с теми же лангобардами вести войну против ромеев. О ходе этой войны мы имеем несколько более четкое представление, чем о событиях на востоке, — благодаря «Истории лангобардов» Павла Диакона.

В июле 603 г. король лангобардов Агилульф выступил из Милана на принадлежавшую ромеям Кремону. Лангобарды, как и авары, спешили воспользоваться последствиями византийской смуты. На помощь союзнику аварский каган отправил славянские отряды. Вместе с ними Агилульф осадил Кремону. 21 августа город пал и по приказу короля-победителя был до основания разрушен. Затем лангобарды и славяне направились к Мантуе. Последовала новая осада — и когда стены разрушили с помощью таранов, гарнизон сдался под гарантии безопасности. Агилульф разрешил ромеям уйти в Равенну и 13 сентября вошел в Мантую. За Кремоной и Мантуей последовали другие ромейские крепости. В конечном счете правивший Равенной экзарх вернул Агилульфу захваченных ранее дочь и зятя (главный повод к войне) и заключил перемирие. Только так удалось остановить успехи лангобардов и их славянских союзников^[20].

Переселение масс славян на обширные земли к югу от Дуная, естественно, сопровождалось постепенным запустением территорий к северу от великой реки. Ипотештинская культура медленно, но неуклонно приходит в упадок. Уже в начале VII в. прекратились захоронения на самом крупном ее могильнике — Сэрату-Монтеору^[21]. Но другие могильники (например, в Ловне) продолжают пополняться погребениями и в эти годы. Возникают и новые поселения (например, Лозна-Дорохой)^[22]. При явном сокращении населения северодунайские земли пока отнюдь не запустели.

Не стало их население и менее славянским. На юг уходили не только славяне, но и жившие с ними бок о бок романцыданувии. Более того, они уходили даже с большей охотой. Массовое переселение позволяло разорвать узы зависимости от славян, основывать собственные поселения, слиться с давно потерянными задунайскими сородичами. В итоге получилось так, что доля славянского населения к северу от Дуная в VII в. только возрастала^[23].

Аварское иго

В результате событий 602 и последующих годов Аварский каганат на короткое время оказался в роли сильнейшего государства как минимум Восточной Европы. Для кочевой знати во главе с каганом это само по себе означало сигнал к активным действиям. Не только по окончательному сокрушению врагов, но и по покорению вчерашних союзников. Внезапный успех вскружил верхушке каганата голову. Мы достаточно подробно можем наблюдать это на примере отношений с лангобардами. Уже очень скоро объектом агрессии кочевников, наряду с ромейской Истрией, оказался и лангобардский Фриуль. Но один из первых ударов пришелся по «союзным» каганату славянам.

Переселение славян за Дунай отвечало интересам авар — в том числе и в смысле установления более прочной власти над «союзниками». Разрозненные по большей части «роды», не обосновавшиеся еще на новых землях, естественно, искали объединяющее начало, могущественных покровителей. А такими могли выступить только авары. С другой стороны, переселение, начавшееся от избытка народа, постепенно начало ослаблять, даже обескровливать славянские земли к северу от Дуная. Авары быстро подметили, что это открывает для них новые возможности.

Еще в первые годы VII в. (если не ранее^[24]) авары установили более плотный контроль над славянскими землями к северу от Среднего Дуная. Эти территории — Поморавье и примыкающая к нему Южная Словакия. Здесь в VII в. распространяется культура, названная археологами «аваро-славянской»^[25].

Авары не только обложили данью подвластные славянские племена, но и взяли себе в обычай зимовать в славянских придунайских землях. Во время этих зимовок они брали себе на ложа и дочерей, и жен славян^[26]. Детей от этих браков каганы намеревались использовать в своих интересах. Памятниками авар к северу от Дуная остались кочевнические захоронения в славянских или смешанных могильниках — в сопровождении коней, с предметами конской сбруи. Они обнаружены повсеместно — но в небольшом по отношению к общему числу погребений количестве. Наиболее крупные аваро-

славянские кладбища появились в VII в. в Поморавье и Словакии. В Голиаре 26 аварских всадников с конями погребены на старом славянском могильнике, среди сожжений славянских общинников. Вместе с ними появляется гончарная керамика поздне римских и дунайских типов. В Нове Замку близ Нитры из 514 погребений — 26 всаднических с конями, в 4 случаях с оружием. Основанный в начале VII в. могильник в Желовцах (Словакия) в числе 870 могил содержал немало всаднических погребений. В 18 из них найдены кочевнические сабли, в том числе в одном детском, в 10 — луки. При оценке этих данных надо иметь в виду, что погребения совершались на протяжении весьма долгого времени, до полутора-двух веков. Аварские вещи обнаруживаются и на славянских поселениях в Словакии и Южной Моравии. Дальше на север проникали лишь отдельные авары — или аварские предметы. Богатые поясные наборы, к примеру, ценила и чешская знать ^[27].

Аварские воины-всадники пытались заменить собой и своим полуславянским потомством племенную верхушку, но численность их оставалась незначительной. Местная же знать в значительной части оказалась истреблена. Остатки родовых «господ» служили завоевателям в качестве старшин административных округов каганата, жуп — жупанов. Этот титул для обозначения мелкого племенного вождя-старейшины позднее прижился у западных и юго-западных славян. Жупы примерно соответствовали (а затем стали точно соответствовать) малым славянским племенам, включавшим по несколько «родов»-общин.

Славяне обеспечивали завоевателей не только продуктами земледельческого труда, но и воинской силой. «Когда гунны шли в поход, — пишет Фредегар, — против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то, поддержанные гуннами, они вновь обретали силы... Они шли впереди гуннов, образуя в сражении двойную боевую линию». Отсюда происходило наименование славян в аварской среде — латино-германское слово «бифульки», «двойное войско» ^[28]. Помимо всего прочего, славянские мастера изготавливали для авар ремесленные изделия — в том числе оружие и детали высоко ценившихся кочевой (и славянской) знатью

поясных наборов. Привезенные с Востока образцы становились импульсом для дальнейшего развития славянского ремесла^[29].

На обширных покоренных каганатом пространствах естественным образом встречались и сливались различные культуры. Так и славянская культура на Среднем Дунае уже в самом начале VII в. ^[30] переплелась с романской и германской. Ранее подобное происходило преимущественно в приальпийских землях Норика с их смешанным населением. Теперь это характерная черта аваро-славянской культуры Подунавья. Поспособствовали этому принудительные переселения целых племен и жителей придунайских римских городов, устраивавшиеся каганами. В процесс включились и подвластные кагану племена балканских славян. Потому языки предков чехов и словаков (особенно среднесловацкие диалекты) сблизилась со славянским югом^[31].

Северные славяне восприняли от новых соседей гончарный круг. В славянской среде к северу от Дуная на смену лепной пражско-корчакской приходит новая гончарная керамика так называемого дунайского типа. Родившись в центральных областях каганата, у славян она восприняла многие черты местной посуды. Керамику украшали простейшим, но богатым орнаментом — волнистым или линейным^[32]. Уже скоро, в считанные годы, гончарство (как и другие черты аваро-славянской культуры) выходит за пределы каганата и распространяется среди его врагов. Культурное взаимодействие славян по обе стороны аварской границы не прерывалось. К тому же из аварской Паннонии бежали на свободный еще север как славяне, так и создавшие дунайскую керамику романские гончары^[33].

Появляются в славянской среде и погребения по обряду трупоположения здесь как раз под воздействием самих завоевателей, а не только покоренных ими народов. Славяне хоронили умерших на одних кладбищах с аварами. Славянские могилы отличаются западной или юго-западной ориентировкой погребенных и сравнительно небогатым инвентарем (посуда, отдельные украшения). В некоторых из них, как и у авар, — романское влияние — находят остатки деревянных гробов или обкладки захоронений досками. Но в основном славяне сохраняли верность своему обычаю кремации. К VII в. относится ряд грунтовых могильников с трупосожжениями в Поморавье и других славянских землях^[34].

Наконец, вслед за своими сородичами с приальпийских земель, славяне Среднего Подунавья восприняли от романцев начала крепостного строительства. Стены градов начали местами строить из камня, а на подсыпанном к стенам валу устраивались деревянные палисады, решетки или иные дополнительные заграждения. Эту новую технику тоже быстро восприняли и противники каганата. Уже в первых десятилетиях VII в. грады нового типа вырастают в Чехии, Моравии и даже в междуречье Лабы и Заале^[35].

Интенсивное градостроительство, развернувшееся по обе стороны границы, — недвусмысленное свидетельство разжигавшихся аварами распрей между союзными и враждебными им славянскими племенами. Оно принесло наступившей на землях Чехии и Словакии в VII в. эпохе название «старогородищенской». К этому периоду относится возникновение целого ряда важных в будущем градов Моравии (Микульчице, Старе Место, Бржецлав-Поганско, Зноймо и др.) и Словакии (Нитра). В их древнейших слоях преобладает еще пражско-корчакская керамика. Некоторые из них, впрочем, еще не были тогда укреплены. Но Микульчице — самый старейший и значимый среди градов Моравии — уже на первом этапе своего существования, с начала VII в., защищен частоколом. Здесь вместе со славянами жили и завоеватели-авары^[36].

Авары и их подданные чаще выступали как нападающая сторона. Поэтому большинство градов строилось к северу от аварских границ. Особенно много их в Центральной Чехии, вплоть до границы с Моравией. Но есть они и в других областях. Ранние грады являлись, прежде всего, убежищами от кочевнических набегов. Со временем, однако, в них появляется постоянное население. Жители градов занимались возделыванием окрестных земель. Но размещение в градах князей с их дружинами притягивало мастеров, работающих на заказ. Так грады превращались в центры ремесла. Защищались они обычно деревянным палисадом. Но тогда же, в VII в., славяне возводят уникальную оборонительную систему в Праховских скалах. Используя выгоды гористой местности, они восстановили и расширили древние валы, превратив гнездовье неукрепленных сел в настоящую крепость против кочевников^[37].

Грады с рубежа VI–VII вв. строят славяне и дальше на север, в Силезии. Среди первых силезских градов — Гостынь, Кленица,

Пшыток, Попенчыце, Полупин, Каменец. Все это небольшие племенные крепости-убежища. Но некоторые из них определенно возводились и как политические центры племен^[38].

Авары не ограничились закреплением власти над уже покоренными славянами Среднего Дуная. Следующий удар направили на восток, в земли дулебов. Уже на рубеже VI–VII вв. каганат установил контроль над Нижним Подунавьем. В условиях оттока отсюда славян на Балканы этот контроль неизбежно укреплялся. В то же время дулебы, отдавшие великому переселению на юг немало и своих людских сил, имели основание считать земли дунайцев (а может, и задунайские) своими. Это — наиболее вероятная причина прямого столкновения между ними и аварами, происшедшего в пору наивысшего расцвета каганата, в первой четверти VII в.

Столкновение это положило конец дулебскому союзу племен под главенством «царя» бужан Мусока (Маджака). То ли в связи с аварским ударом, то ли независимо от него (или даже невольно создавая для него условия) в среде дулебов разразилась распря. Власть бужанского великого князя над огромной территорией, на которой расселились происшедшие от бужан племена, неизбежно стала призрачной — а со временем и вызвала раздражение. «Раздоры» привели к распаду союза и возникновению независимых племенных «княжений». Это событие отразилось не только в волынском предании, записанном в X в. Масуди^[39], но и в русских летописях. Повесть временных лет говорит об одновременном возникновении племенных «княжений» у древлян, дреговичей и полян. Правда, киевский летописец предпочел приурочить это событие не к гибели древнего дулебского союза (о чем говорит в другой связи), а к смерти основателя Киева Кия^[40].

Повесть временных лет сохранила иное волынское предание — об установившемся теперь и над дулебами аварском иге. «Обры, — повествует летописец, — воевали со словенами и угнетали дулебов, сущих словен, и насилье творили женам дулебским. Если ехал куда обрин, не давал впрячь ни коня, ни вола, но велел впрячь 3, или 4, или 5 жен в телегу и везти обрина, — так вот мучили дулебов. Были ведь обры телом велики, а умом горды...»^[41]

Как и в среднедунайских землях — хотя и совсем в ничтожном количестве, — на Буге появились аварские наместники. Они наезжали в основные земли дулебов-бужан, в прежний центр племенного союза.

Число их, повторим, было крайне мало, и едва ли они отдалялись от реки на восток. Но память о чинившихся ими насилиях крепко держалась еще спустя почти полтысячи лет.

После аварского завоевания, в первой половине VII в. (вследствие аварского погрома или племенных распрей), прекратилась жизнь на городище Зимно^[42] — в стольном граде «Маджака». Бывший дулебский союз распался не на четыре, как можно было бы заключить по племенной карте X–XI вв., а на гораздо большее число независимых племенных «княжений». Совсем не обязательно «княжения», особенно на первом этапе, соответствовали целому племенному союзу. Более вероятно, что первоначально независимыми объявили себя все «малые» князья отдельных племен. Среди них, несомненно, древляне, дреговичи и поляне, — но также и берзичи, и жеревичи, и многие иные племена, забытые к моменту создания летописей, но известные источникам еще IX столетия. При этом многие из них еще сознавали свое дулебское единство (принадлежали к одному роду?) и продолжали титуловать себя «малыми» — как древлянские князья вплоть до конца своего племенного княжества.

В прямое подчинение аварам перешли лишь земли собственно бужан вдоль Западного Буга, где прежде стояло Зимно. При этом какая-то часть дулебской знати ушла от завоевателей на восток, в земли племенного союза лучан. По крайней мере, складывается ощущение, что автор Повести временных лет считал бужан (волынян) лишь территориальными преемниками древних дулебов. «Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне», — сказано в летописи^[43]. Потомками же, своеобразными наследниками дулебов числили себя, судя по известию Яна Длугоша, жители Восточной Волыни — лучане^[44]. Этот племенной союз существовал к IX в. и являлся одним из сильнейших в регионе. В VII же веке какая-то часть и лучан была подчинена или пленена аварами — составив основу позднейшего чешского племени лучан. Дальше, однако, «обры» вряд ли продвинулись. «Дерева» на западе и полесская «дрегва» на севере без местной подмоги становились неодолимой преградой.

Если дулебы являлись пусть условными, но союзниками каганата, то другая племенная группа тогдашних восточных славян — анты — всегда находилась с каганатом во вражде.

Аварский каган готовил поход на антов еще в 602 г., но тогда тот прервался мятежом его подданных. Теперь, после краха ромейского могущества, анты, вчерашние союзники Империи, остались с аварами наедине. Возмездие за помощь ромеям должно было последовать неизбежно. И есть все основания считать, что оно последовало — до или после покорения дулебов.

Следов массового разорения и истребления антов нет^[45]. Но авары и не ставили это всерьез своей целью. Они нуждались в антских землях с населением, а не без. Следом обоснованной тревоги, охватившей антскую дружинную знать на рубеже VI–VII вв., остались, прежде всего, нескрытые клады Среднего Поднепровья — в том числе знаменитый Мартыновский, давший имя всей этой группе антских древностей^[46]. Оставшиеся в живых владельцы вещей бежали от авар в глубь левобережья либо дальше на восток — в союзную болгарскую Степь. Авары на несколько десятилетий оказываются западными соседями болгар приазовской Великой Болгарии, и хан Куврат вынужден вступить с ними в прямые сношения — на первом этапе враждебные^[47]. Восточную границу продвижения авар в начале VII в. отмечает местное древнерусское название «Обров» на левобережье, в окрестностях города Переяславля^[48].

Новое аварское нашествие поставило точку в более чем столетней истории антского племенного объединения. Оно окончательно распалось и исчезло со страниц источников. Последнее упоминание антов — кратковременное воскрешение титула «Антский» византийским императором Ираклием в новелле 612 г.^[49] За этим упоминанием не стоит ничего конкретного. Пышная титулатура восточноримских императоров, от использования которой Ираклий вскоре вовсе отказался, являлась лишь следом неподкрепленных притязаний на наследие Юстиниана. Разве что можно с какой-то степенью вероятности допустить, что Ираклий уже тогда искал связей с сербами и хорватами в Центральной Европе. Равеннскому Анониму, писавшему на грани VIII в., встреченное у Иордана имя антов ни о чем не говорило, и он передал его как *Itites*^[50]. Так сошли со сцены большой истории племени, некогда державшие в страхе немалую часть Европы.

Впрочем, сами анты остались — просто потеряли свое политическое влияние. Они, как видно, сохраняли еще и свое забытое

остальной Европой самоназвание. Некоторые из них, на левобережье и в лесостепном Среднем Поднепровье, либо сохранили независимость от каганата, либо быстро восстановили ее. Подобно дулебам, анты разделились на несколько племенных «княжений», практически не привлекающих внимания тех держав, что строили в Северном Причерноморье свою политику.

Участь же дулебов и антов, оказавшихся под аварским игом, отягощал не только аварский гнет. Стремясь обеспечить центр каганата податным земледельческим и ремесленным населением, а заодно сплотить разноплеменные провинции в единое целое, каганы и Восточную Европу вовлекли в водоворот своей переселенческой политики. Множество выходцев из антских^[51] и дулебских областей, сорванных с родных мест, принудительно расселили на западе. Дулебы осели в пределах каганата целыми племенами — в Паннонии, в Норике и, прежде всего, в Южной Чехии, где стали основным населением. Поселяя чужаков-дулебов к северу от Дуная, в землях, пограничных с враждебным хорватским племенным союзом, каган укреплял, а не ослаблял этот участок рубежей своей державы. Выселяли для этой цели преимущественно боеспособных мужчин, которые женились на местных славянках^[52].

Дулебы принесли в Чехию курганный обряд захоронения, дотоле на Среднем Дунае не известный. Он распространился у племен, подвластных каганату, — у заселивших большую часть Южной Чехии дулебов, у соседних с ними с востока мораван, у части северо-западных и восточных словацких «родов». В эту же группу зависимых от каганата племен вошли (или произошли от них) жившие к северо-востоку от дулебов зличане. Их регион с центром в Либице неглубоко, но врезался между чешским и собственно хорватским. Зличане сложились в результате смешения хорватов и продвинувшихся на север дулебов. Один из позднейших градов этих мест недаром носил имя Дудлебу. Отпадение зличан от хорватского союза, при небольших размерах их территории, являлось довольно значимым успехом авар. Он доказывал эффективность опоры на вынужденных переселенцев-дулебов. Именно от зличан восприняли позднее курганный обряд сами хорваты — единственные из враждебных аварам племен. Впрочем, давление авар привело к более плотному заселению в этот период не только юга, но и хорватского северо-востока Чехии. Среди

переселенцев, конечно, были и беженцы из числа тех же дулебов^[53]. Авары покорили и часть Чехии к западу от Лабы. Здесь, по Огрже до ее впадения в Лабу, они расселили зависимых от себя лучан^[54].

Следы присутствия переселенных аварами славян в Паннонии довольно многочисленны. Сначала славяне сохраняли верность исконному погребальному ритуалу — трупосожжениям, заключая прах в урны пражско-корчакского типа. Затем, на протяжении VII–VIII вв., можно наблюдать постепенное восприятие ингумации. В отличие от авар, славяне хоронили умерших головой к западу. Подобные захоронения отмечены на многих паннонских могильниках аварского времени (Орослан, Покасепетк и др.). Среди встречающихся в захоронениях славянских вещей — пальчатые фибулы, ритуальные ножи с волютообразной рукоятью. В свою очередь, паннонские славяне, как и сородичи в Поморавье, освоили гончарный круг и стали изготавливать посуду дунайского типа. Ассимиляции славян не произошло — при всем взаимодействии с аварами, романцами, германцами они сохраняли свою самобытность^[55].

Избыток славянского населения в среднедунайских областях, образовавшийся в результате переселений, позволил каганам использовать славян и для освоения иных земель. Часть таких переселений могла происходить стихийно, но другая, вне сомнения, являлась частью каганской политики. На юго-востоке в VII в. усилилось проникновение славян в населенные прежде гепидами и отчасти влахами земли Трансильвании. При этом приходят славяне вместе с аварами. Двигались они из Потисья или из Закарпатья, по реке Сомеш. По приходе они подселялись на уже существующие поселения гепидов и романизированных туземцев^[56]. На западе славяне, носители аваро-славянской культуры, постепенно осваивают будущую Нижнюю Австрию^[57].

Наконец, ко времени наивысшего могущества каганата в первых десятилетиях VII в. относится проникновение славян из Среднего Подунавья в верховья Майна. Здесь у впадения реки Регнитц, неподалеку от современного города Бамберг, известны урочище Кнетцгау, «винидский холм» Винидсхейм и «княжий град» Кнетцбург. Обнаружено множество фрагментов пражско-корчакской керамики — явное свидетельство существования здесь с первой половины VII в. славянских поселений^[58]. Их возникновение могло объясняться

бегством славян (лучан или их соседей) от аварского гнета под защиту противостоящего аварам Франкского государства, ближе к его границам. Выход на Майн мог быть и просто естественным следствием движения чешских «родов» вверх по Огрже — движения, которое, конечно, ускорилось и аварским натиском, и переселением лучан.

С другой стороны, имели место и обратные переселения славян из придунайских земель в Восточную Европу. Находки на Пастырском, в Зимно и на ряде других переселений свидетельствуют о присутствии здесь мастеров-ремесленников со Среднего Дуная. Они принесли на юг Восточно-Европейской равнины некоторые новые техники работы по цветным металлам, свой художественный стиль, типы украшений^[59]. Среди этих переселенцев имелись и славяне. Мастеров, работавших на заказ, приводили с собой воины-авары.

Славяне, как мы видим, немало нового восприняли в свою культуру под властью каганата. В отношениях их с аварами на первых порах трудно увидеть явную враждебность. Славянские воины не только сражались вместе с аварами против общих врагов — прежде всего ромеев. Они, пусть вынужденно, бились и против собственных, славянских же, сородичей в подталкиваемых каганом распрях. Однако все это, разумеется, не свидетельствует о смирении славян с аварским игом, насильственным и унижительным, — скорее, в конечном счете это только усиливало чувство унижения.

Если же говорить о культурном взаимодействии, то оно происходило главным образом не с завоевателями, а с такими же завоеванными народами — романцами, гепидами. Следы тесных контактов с альпийскими романцами сохранились в праславянском языке. Происшедшие примерно в аварскую эпоху языковые заимствования широко разошлись не только в приальпийских землях, но по всему северному славянскому ареалу, вплоть до восточнославянских языков. Заимствования эти по преимуществу (но не исключительно) отражают взаимодействие в хозяйстве — растениеводстве, металлургии и т.д.^[60]

Сокрушение аварами существовавших около века славянских племенных союзов само по себе подавило волю к активному сопротивлению у многих славян. Причины падения антской и дулебской племенных конфедераций для современной науки лежат на

поверхности — прежде всего это сама их непрочная структура. Однако первое поколение очевидцев, славян-язычников, победа авар сама по себе заставляла видеть в завоевателях некую потустороннюю силу, борьба с которой бесполезна. Авары, разумеется, использовали в своих интересах и представления самих славян о ритуальных и общественных обязанностях любых покоренных перед покорителями. Это не исключало, однако, ни ненависти к «насильникам», ни пассивных форм борьбы — прежде всего тайной помощи противникам авар.

Об одном таком эпизоде, имевшем место где-то в приальпийских землях Норика после 610 г., рассказывает Павел Диакон. Его прадеда Лопихиза при разорении аварами^[61] в 610 г. лангобардского Фриульского герцогства с другими детьми авары увели в Паннонию. Спустя годы ему удалось бежать из плена. Приют он нашел в каком-то славянском селении. «Когда одна женщина, уже пожилая, его увидела, то сразу поняла, что он беглец и страдает от голода. Движимая жалостью к нему, она спрятала его в своем доме и тайно давала ему понемногу еды, чтобы не погубить его совсем, если сразу накормит его досыта. Именно так, надлежащим образом, давала она ему пищу, пока, отдохнув, он не восстановил свои силы. А когда она увидела, что он уже в состоянии идти, то, снабдив его провизией, указала, в какую сторону он должен держать путь. Через несколько дней он вступил в пределы Италии и пришел к дому, где родился»^[62].

Именно в эти десятилетия наивысшего могущества каганата в северные славянские диалекты входит слово «обры» — «авары». Оно на долгие века осталось обозначением мифических злых великанов, богоборцев, «варваров»^[63]. Такое же представление мы находим запечатленным и в летописной притче об «обрах». Значения этого слова лучше всего характеризуют отношение славян к культурному и политическому «симбиозу» в рамках Аварского каганата. Установившееся аварское иго с самого начала вызывало всеобщую ненависть. Оно держалось только на представлении об исключительном могуществе завоевателей, сложившемся из-за их впечатляющих ратных успехов. Свержение аварского господства являлось делом времени.

Рождение южного славянства

VII век, время широкого расселения славян по всему Балканскому полуострову, положил начало истории южнославянских народов — болгар, македонцев, сербохорватов, словенцев. Складывание первоначальных южнославянских народностей и их культур происходило в условиях масштабных племенных передвижений и смешений. Источниками ему послужили различные этнические группы — как славянские, так и неславянские. Со славянской стороны прослеживается участие, помимо придунайских словен-дулебов и антов (составивших основу южного славянства), также выходцев из разных западнославянских областей. Из неславян свой вклад в формирующееся единство внесли местные романцы (влахи), иллирийцы, фракийцы. Все это отразилось как в языках, так и в материальной культуре древнейших южных славян.

Языки южных славян разделились в итоге на две ветви — болгаро-македонскую и сербохорватско-словенскую^[64]. Языки западной ветви позднее обособились от общеславянского, что можно особенно четко видеть по судьбе языковых заимствований и новообразований. Десятки из них наличествуют в северных славянских языках и южнославянских западной группы, но отсутствуют в болгарском и македонском. Объяснение налицо — сербы и хорваты переселились на Балканы только во второй четверти VII в., а словенцы (хорутане) и позднее сохраняли теснейшие связи с западными славянами. Тем не менее различия между западной и восточной ветвями южного славянства глубоки изначально. Как увидим по археологическому материалу, они и в повседневной культуре были очевидны уже с первых десятилетий VII в.

Участие западных славян в сложении южнославянских народов нашло отражение в языковых параллелях (в том числе на уровне произношения отдельных звуков и звукосочетаний праславянского языка). Болгарский и македонский имеют такие схождения с западнославянскими, в первую очередь с лехитскими. Некоторые из таких схождений сближают эти языки славянского юго-востока со словенским (который в целом близок к западным). Все

южнославянские языки близки в ряде черт с чешско-словацкими, причем словацкий (особенно среднесловацкие диалекты) показывает родство и с общими чертами южнославянских и восточнославянских^[65]. Исторические объяснения таких связей столь же прозрачны. Переселенцы из ляшского региона участвовали в заселении и восточной части Балкан, и будущей Словении. Предки чехов и словаков тесно общались с южными славянами в рамках аварской сферы влияния, в том числе переселялись на Балканы вместе с аварами и без них.

Участие неславян проявилось в массиве словарных заимствований. Некоторые из них даже распространились на несколько южнославянских языков — те, что относились к самому раннему этапу завоеваний начала VII в. Их крайне небольшое количество^[66] свидетельствует о враждебных отношениях между славянами и местными жителями. Вместе с тем среди них есть весьма показательные — названия культурных растений (чечевица, латук), термин *bъкъ, обозначающий открытый каменный очаг (в отличие от обычной для славян печи-каменки).

С обоснованием славян на новых землях количество заимствований из местных языков резко возрастает. В болгарском это заимствования из греческого и местной народной латыни, а также выразительные балканизмы в самой языковой структуре^[67]. В македонском — еще большее количество структурных балканизмов и многочисленные заимствования из греческого^[68]. Гораздо слабее балканизация в сербохорватском языке, но и здесь немало греческих и романских (а также древних германских) заимствований^[69]. Наконец, в языке словенцев присутствуют многие слова романского и германского происхождения^[70]. Все эти заимствования охватывают различные сферы жизни, в том числе повседневной, не ограничиваясь, к примеру, неизбежно пришедшими с христианством церковными понятиями. Скажем, среди болгарских заимствований из греческого — пирон, «гвоздь», стомна, «глиняный (гончарный?) кувшин», хора, «люди» и т.д.; из романского — комин, «дымовая труба», маса, «стол», сапун, «мыло» и т.д. Рост количества заимствований, как и археологический материал, отражает начало мирного взаимодействия и взаимного смешения народов на балканской земле.

VII век беден письменными свидетельствами о славянском образе жизни. Это касается в равной степени всех групп славянских племен. Даже «случайная» информация на эту тему в источниках того времени крайне редка. Византийская «этнография» вместе со всей культурой пришла по сравнению со временами Прокопия и Маврикия в крайний упадок, а латинская еще не родилась. Единственное «этнографическое» упоминание о славянах — ставшая притчей во языцах их «нечистота» в перечне «О недостатках народов», который связывают с именем Исидора Севильского. Ничего, кроме известного еще с VI в. презрения цивилизованного писателя к невзыскательной жизни «варваров», мы из этой заметки извлечь не можем. Нет в ней, кстати, и чего-то специфически антиславянского — парой строк выше Исидор (?) поминает «пьянство испанцев», своих соотечественников, а на первом месте (славяне на предпоследнем) мы наблюдаем «зависть иудеев». Другое дело, что целому ряду «варварских» племен Исидор (?) не подыскал никаких положительных черт. Помимо славян — «жестоким» гуннам, «раболепным» сарацинам, «алчным» норманнам, столь же «нечистым» свевам и «тупым» баварам. У римлян же и у правивших Испанией готов он не нашел отрицательных черт^[71]. Как бы то ни было, этот памятник позднеантичной мизантропии полновесным источником нам не послужит.

Итак, при практическом отсутствии письменных свидетельств почти единственным источником данных о материальной культуре и общественном устройстве славян, в том числе и южных, становятся данные археологии. В южнославянском ареале в первой половине VII в. складывается четыре археологические культуры. На севере, за Дунаем, продолжает существовать культура Ипотешти. На землях бывших Скифии и Нижней Мезии развивается попинская культура. В западной и южной частях Балканского полуострова древности пражского типа в первых десятилетиях VII в. сменились так называемой мартыновской культурой, получившей название по находкам, близким к антскому Мартыновскому кладу. Наконец, на севере современной Албании в ходе взаимопроникновения славян и иллирийцев сложилась уже упоминавшаяся культура Коман.

Лицо ипотештинской культуры на протяжении VII в. практически не претерпело изменений — не считая некоторого возрастания доли славян, уже отмечавшегося. Оставшиеся на местах прежнего обитания

дунайские словене продолжали хоронить своих умерших по древнему обряду кремации в грунтовых могильниках, с редким инвентарем^[72]. Жители этих мест входили в сложившийся на землях Фракии союз Семи родов во главе с северами. По крайней мере, в IX в. «Баварский географ» знал «эптарадичей» (Eptaradīci; от греческого *επτα*, «семь» и *ραδικεζ*, «корни» — «семь корней»^[73]) к северу от Дуная. Не разделяет дунайских ел овен («дунайцев») по реке древнерусская Повесть временных лет, всегда говорящая о них как о едином целом^[74]. Есть все основания полагать, что переход за Дунай не разрушил полностью племенного единства и союз Семи родов являлся прямым продолжением прежнего дунайского племенного союза.

Основные его центры, однако, теперь располагались к югу от Дуная, где осели северы и другие выселившиеся «роды». На захваченных ими землях ромейского диоцеза Фракия уже с конца VI в. развивается славянская попинская культура. Она сохраняет многие черты преемства с ипотештинской, но имеет и яркие особенности.

Основные памятники попинской культуры найдены на северо-востоке современной Болгарии, в придунайских областях Скифии и Нижней Мезии. Здесь в результате нашествий конца VI — начала VII в. образовалась территория, сплошь заселенная славянами, без существенных следов туземного населения или присутствия авар. В Нижнем Подунавье (Гарван, Попина и др.) археологами открыты неукрепленные поселения с квадратными полуземлянками. Близ поселений располагались могильники с погребениями исключительно по обряду кремации. Дальше на юг эти приметы славянской культуры уже несколько размываются. В центральных районах будущей Болгарии пришельцы чаще подсеялись к местным жителям и использовали их могильники. Вместе с тем и здесь известны как поселения, так и могильники чисто славянского типа. На юге их ареал захватывает долину Марицы, не доходя, однако, до Эгейского моря^[75]. Заселенные славянами земли к югу от гор Гема получили уже в то время название Загорье, или Загора.

Славяне попинской культуры жили, как и их сородичи к северу от Дуная, в полуземлянках площадью около 12 м². В одном из углов дома располагалась округлая с внешней стороны славянская печь-каменка. Давшее имя культуре селище Попина занимает площадь 3700 м² и включало 63 дома. Переселение «родов» различного происхождения

ускорило разложение большесемейного и старого общинного уклада. Попинская соседская община состояла из отдельных дворов-домохозяйств. Около жилищ располагались связанные с ними хозяйственные ямы. Кроме того, на некоторых поселениях обнаружены вкопанные в грунт «цистерны» для воды^[76]. Тем не менее еще и в Новое время большая семья у болгар распалась не вполне. Ее пережитком оставалась задруга — объединение родственных малых семей в хозяйственных делах. Но даже при распаде задруги малые семьи объединялись в «фамилии», а те — в «роды», наследники древних племен^[77].

Древности попинской культуры включают, прежде всего, керамику. Лепная посуда пражских типов постепенно уходит в прошлое, уступая место ипотештинской гончарной. На попинских могильниках ипотештинские сосуды, часто с волнистым орнаментом, уже в подавляющем большинстве. Но на поселениях преобладает лепная^[78]. Это свидетельствует и о том, что основная масса гончаров-инородцев действительно ушла вместе со славянами за Дунай, и о том, что за Дунаем гончарный круг восприняли сами славяне. Использовали его, однако, в основном для изготовления ритуальной посуды.

И в попинских низовьях Дуная, и в долине Марицы находили пальчатые фибулы — свидетельство участия племен антского происхождения в заселении земель Фракии^[79]. Одно из антских покорно племен — северы — хорошо известно нам здесь из письменных источников. Впрочем, на Марицу антские фибулы попали вместе со смолянами из западного переселенческого котла, также включавшего антов. Помимо этого, в поселениях и погребениях обнаружены предметы быта — железные ножи, ножницы, скобы, гвозди, остатки ведер, пряжки, а также украшения из бронзы. Из оружия встречаются только наконечники стрел. В целом металлических изделий сравнительно немного. Мастера по металлу на новых местах были пока немногочисленны, а их ремеслу еще предстояло развиваться^[80].

Главными занятиями попинцев являлись земледелие и скотоводство. Охота играла вспомогательную роль. Судя по остаткам костей домашних животных, разводили в первую очередь крупный рогатый скот (чуть менее половины стада), далее шли свинья и мелкий рогатый скот. Развивалось и коневодство. Охотились на кабана —

излюбленную дичь древних славян, — а также на серн, оленей, туров. Олень среди дичи в среднем даже преобладал, хотя кое-где предпочитали по-прежнему кабана^[81].

Хоронили своих умерших попинцы, как уже сказано, по обряду кремации. Прах вместе с оставшимся после сожжения скудным инвентарем (остатки поясного набора, украшения) клали в глиняную урну и зарывали на глубину от 20 до 80 см. Курганов попинцы не строили. В более южных областях славяне могли перенимать от местных жителей ритуал трупоположения, но определенных доказательств этому нет^[82].

Племена попинской культуры в основном — осевшая к югу от Дуная часть Семи родов. Земля смолян на Марице являлась пограничной между попинской и западнобалканской культурными областями. Таким образом, этнографическое деление южных славян в VII в. не вполне соответствовало описанному выше делению языковому. Скорее — римскому провинциальному делению. Македонские племена в целом не входили в попинскую культуру, охватывавшую преимущественно славян диоцеза Фракия.

Славяне Нижнего Подунавья находились в известной зависимости от Аварского каганата^[83]. Однако следов аварского присутствия и культурного воздействия среди попинцев практически нет. Семь родов сложились как самостоятельное племенное объединение — поставлявшее при необходимости кагану воинов, но управляемое собственными князьями «архонтами». Свой князь имелся у каждого вошедшего в союз «рода». У северы такой «архонт» Славун упоминается уже в VIII в., под властью болгар^[84].

О том, что власть в роду северских князей передавалась много лет по наследству вместе с родовыми именами, быть может, свидетельствует предание о «царе» Славе из «Апокрифической летописи» XI в. Слава якобы поставил сам пророк Исайя в качестве «царя» «куманам» (болгарам) после их переселения в Нижнее Подунавье. «И тот-то царь населил хору и грады. Люди же те в некоей части были поганые. И тот же царь устроил 100 могил в земле Болгарской; тогда нарекли имя ему “100 могил царь”. И в те лета было изобилие всего. И появились 100 могил в царствование его. И тот же был первый царь в земле Болгарской, и царствовал лет 100 и 14, и

скончался». Только после этого летопись переходит к «царю Испору», то есть к правившему с 680 г. хану дунайских болгар Аспаруху^[85].

Слав «Апокрифической летописи» — явно персонаж топонимического предания, связанного с реальной местностью Сто Могил на северной, задунайской, периферии древнего Болгарского ханства^[86]. Устное предание (как и большинство преданий такого рода) не несло в себе никаких хронологических указаний. Не звучало в фольклоре, конечно, и имя библейского Исаяи. «Летописец» мог хронологически расположить Слава перед болгарскими ханами, князьями и царями именно потому, что Слав, герой местного предания, выпадал из их последовательности и казался изолированным. Таким образом, однозначно видеть здесь отражение реалий доаспаруховой, «славянской» Фракии^[87] все-таки рискованно. Историческим прототипом (или одним из прототипов) Слава, в принципе, мог быть и тот же известный нам Славун. Но, учитывая традицию «родовых» имен у славян, нельзя исключить за известным нам «архонтом» северов и после него длинный ряд князей со схожими именами. Беря в расчет становление в том же VII в. наследственной власти у других славянских племен, отрицать такую возможность не стоит.

В западной и южной частях Балканского полуострова (ромейской префектуре Иллирик) складывание славянской культуры проходило в три этапа. На первом этапе, на рубеже VI–VII вв., произошло расселение на западе Балканского Подунавья славян, относившихся к пражско-корчакской археологической культуре. Из них нам известны лендзяне в Далмации и мораване на балканской Мораве. Их древности продолжают развитие прежней культуры. Но в начале VII в. они перекрываются новым культурным типом, охватившим гораздо большие пространства — от Дуная до Фессалии включительно. Эта так называемая мартыновская культура сложилась в рамках того культурного симбиоза, который характеризует и культуру аваро-славянскую. Многими своими чертами она близка к ней. Развиваясь сначала параллельно с пражско-корчакскими древностями, затем она поглотила и сменила их. Окончательная смена, вместе с почти полным исчезновением аварского элемента, наступает на третьем этапе, который на основе данных письменных источников можно связать уже с приходом сербов и хорватов в 620–630-х гг. Именно тогда сложились и языковые особенности западной части южного славянства.

Древности первого, пражского, этапа появились на Балканах уже в VI в. В первой половине наступившего века по Адриатике и в южнославянском Подунавье отмечены немногочисленные следы принесшего их населения. Это могильники и отдельные захоронения с трупосожжениями, поселения с типично славянскими полуземлянками, расположенные в Хорватии, Сербии и Боснии. Еще один небольшой могильник с 15 трупосожжениями VII в., в урнах и без урн, найден в древнеэллинской Олимпии. Это след продвижения пражских племен на юг вместе с переселенческим потоком тех лет. Часть находок — на Неретве, в Олимпии, — сделаны среди развалин ромейских строений прежней эпохи^[88].

Жилища югославянских пражан — те же известные по всему славянскому миру прямоугольные полуземлянки. В мораванской Слатине они отапливались печами-каменками, но в лендзянском (по всей видимости) Крщце — ямным очагом^[89]. В олимпийских захоронениях есть инвентарь, отражающий и соприкосновение похороненных с ромейской культурой, и их сравнительную зажиточность. Это не только железный нож и кольцо, но также стеклянный сосуд и еще неопределенное «изделие из голубого стекла»^[90]. Почти во всех местонахождениях обнаружена лепная керамика пражских типов, но можно видеть, как ее сменяет гончарная дунайская^[91]. Это явное следствие смешения с местным населением и с другими переселенцами из Среднего Подунавья. О первом свидетельствуют и находки отдельных захоронений-кремаций на местных могильниках^[92].

Результатом смешения, собственно, и стало появление мартыновской культуры. К нему вели и новые славянские переселения, и поступательное развитие местных славян, все глубже взаимодействовавших с жителями покоренных ромейских провинций. Переход от пражской к мартыновской культуре с ее гончарной керамикой и наземными домами особенно заметен на материале боснийских поселений. Облик их на протяжении VII в. разительно изменился^[93].

В сложении мартыновской культуры, наряду с местными жителями и славянами первой волны, несомненно, участвовали и новые пришельцы из-за Дуная. Среди них и авары, но в

меньшинстве^[94]. Основную массу составляли именно славяне — как пришедшие из Нижнего Подунавья через Видинскую переправу, так и вновь переселяемые на ромейские земли по приказу кагана. Поэтому в Среднем Подунавье оказались восприняты сложившиеся в Поднепровье традиции антского искусства, давшие имя новой культуре. Поэтому же не повлек за собой заметных культурных изменений последующий приход на Балканы антских племен сербов и хорватов — к тому же так или иначе вовлеченных еще в Центральной Европе в орбиту аварского культурного симбиоза. Южнее, в Македонии, антский элемент изначально представлен как минимум сагу датами. Поселения и могильники, которые можно связывать с мартыновской или балканской аваро-славянской культурой, охватывают обширную территорию. Это земли Сербии, Боснии, Хорватии, Македонии, Греции^[95].

На севере, в Сербском Подунавье, племена мартыновской культуры еще сохраняли заметные черты древнеславянского быта. Так, обитатели селища VII в. Кула жили в квадратных полуземлянках глубиной около 70 см, площадью от 6,25 до 12,25 м², с печами-каменками в углу^[96]. Вместе с тем на боснийских селищах прослеживается смена их наземными домами. Эта смена ускорялась и знакомством с местными традициями. Только наземные дома строили в Далмации и в южной части Балкан. Впрочем, и они довольно скромны, на взгляд ромейских горожан^[97]. Нередко славяне не разрушали (как подчас на востоке) занятые поселения туземцев, а обживали их дома. Полное восприятие местного домостроительства уже после разрушения античного города демонстрирует славянское селище VII в. на острове Керкира. Здесь славяне жили в большом селении на возвышенном плато, в наземных двухкамерных домах площадью около 20 м², с кирпичными стенами, каменным цоколем и черепичной крышей^[98].

Занятия славян оставались традиционны — земледелие, скотоводство, в меньшей степени охота и рыболовство. Все эти виды хозяйствования находят археологическое подтверждение. Среди орудий труда южных славян отмечены железные серпы, косы, деревянные рала с наральниками из железа, каменные жернова, многочисленные пряслица, рыболовецкие снасти. Наряду с костями

домашних и диких животных обнаружены и кости рыб (сом, осетр). О развитии техники земледелия свидетельствует появление в Восточной Македонии больших зернохранилищ, где запасались пшеница и просо^[99]. Известно, что в Греции славяне занимались садоводством, выращивая плодовые, в том числе на продажу. Достоин замечания, что продавали они и хлеб, и овощи^[100].

Керамика мартыновских поселений — гончарная, дунайского типа, — иногда напоминает пеньковскую. Находки лепных пражских сосудов крайне редки и относятся к раннему периоду^[101]. «Чудеса святого Димитрия» говорят о наличии у славян Македонии искусных ремесленников-специалистов: кузнецов, плотников, оружейников, изготовителей осадной техники^[102]. Плотницкие орудия отмечены на поселениях^[103]. Помимо орудий труда, находят и иные вещи — железные ножи, украшения, фибулы, изредка оружие. На Керкире в женских могилах наряду с глиняными обнаружены и стеклянные сосуды^[104]. Похоже, славяне, если сами и не освоили в Элладе стеклоделие, ценили продукцию местных мастеров. Широко распространились на Балканах антские пальчатые фибулы и ювелирные изображения из цветных металлов мартыновского стиля. Самая южная из пальчатых фибул обнаружена в Спарте, самые восточные — в Малой Азии^[105]. Изделия с Балкан демонстрируют дальнейшее совершенствование умений антских мастеров. Ярчайшим памятником южнославянского искусства в век его зарождения является коллекция металлических фигурок из Велестино в Фессалии.

Велестинская коллекция позволяет, хотя и довольно приблизительно, судить о внешнем облике славян, создавших мартыновскую культуру. Мужчины носили довольно длинные, но уже не до плеч, волосы и густые бороды. Одежда их — типично славянская рубаха с узорчатой вставкой, штаны и сапоги. Один из персонажей изображен в застегнутом на груди наряде вроде кафтана или даже тулупа. Все убранство этого лица покрыто пышным узором, заставляя думать, что перед нами носитель власти. На голове у этого «князя» диадема, наподобие убора византийских императоров. Женщины прятали волосы под головными уборами, носили покрытые узорами юбки или опять же штаны^[106]. В набор украшений входили серьги, височные кольца, перстни, браслеты, бусы, гривны. Верхней одеждой

и мужчинам, и женщинам служил плащ типа корзна, застегивающийся на плече фибулой.

В могильниках мартыновской культуры безраздельно господствует обряд ингумации. На севере изредка встречаются захоронения авар с конями, кочевническим оружием и конской сбруей. Но трупоположение распространилось в славянской среде не столько под кочевническим, сколько под местным, в том числе и христианским, влиянием. Далеко не всегда речь шла о принятии славянами христианства. Просто смешение с местными жителями способствовало перениманию их обычаев. При этом, конечно, не обошлось совсем без влияния и авар. Но следует помнить, что славяне начали перенимать новый обряд еще в Норике, а антам Среднего Поднепровья (по меньшей мере антской знати) он и ранее хорошо знаком.

Осевшие в Иллирике славяне, отказавшись от обряда трупосожжения на протяжении VII в., стали погребать умерших в землю, головой, как правило, на запад. В головах и в ногах покойного нередко устанавливали камни, иногда всю могилу обкладывали камнями, и еще реже отмечены надмогильные плиты. Наибольшее влияние христианского ритуала мы можем видеть у вполне «огреченных» в быту славян Керкиры. Здесь умерших клали в примитивные саркофаги из плитняка. Как правило, славянские могилы лишены инвентаря либо инвентарь очень беден. Однако имеются и богатые захоронения, подражающие кочевнической пышности (Чадовице в Хорватии). На той же Керкире инвентарь довольно богат и разнообразен^[107].

Об общественно-политическом строе славян Иллирика мы можем судить не только на основании данных археологии, но и по письменным источникам. Если на востоке Балкан влияние авар лишь угадывается, то на западе оно не вызывает сомнений. Аварские воины-всадники присутствовали, пусть в ничтожном числе, на придунайском севере мартыновского ареала, селились (и погребались) вместе со славянами. Мартыновская культура в целом довольно близка к культуре каганата. Но дальше на юг о присутствии небольших аварских отрядов можно говорить лишь предположительно. Во всяком случае, они быстро растворились в славянской среде^[108].

Отношения местных славян с каганатом в результате строились иначе, чем в Поморавье. Аварский каган передавал славянам совместно (в основном силами славян) завоеванные земли^[109]. За это они обязывались как минимум помогать ему в войне. Славяне у самых границ Паннонии, в том числе в Далмации, платили кагану дань и считались его подданными^[110]. Новые племенные земли делились на жупы во главе с наместниками-жупанами из славянской же среды. Дальше на юг зависимость естественным образом слабела. Македонские славяне, прибегая по нужде к военному лидерству кагана, могли общаться с ним почти на равных. Их обращение к нему за военной помощью выглядит скорее «дипломатическим», чем подданническим^[111]. В этом они напоминали своих дунайских предков, которые искали в могучем кагане общего воеводу в 580-х гг. Наконец, в Греции (притом что именно тамошних славян греческие писатели именуют иногда «аварами») власть кагана вообще не ощущалась, о чем говорит и один из этих писателей^[112].

Конечно, в таких условиях не могло быть и речи о тех насилиях, которые потрясали народную память в Поморавье или на Волыни. Авары на Балканах стремились не ссориться со славянской знатью, не пытаться истребить ее, а опираться на нее. Именно с этим связано появление здесь антских древностей. Быть может, авары переселили в виде компенсации на новые, более просторные земли побежденных антских аристократов. Возможен и иной вариант — они предоставили местной знати на службу переселенных антских мастеров.

Соответственно, влияние и богатства славянских родовых «господ» и удачливых воинов-дружинников возрастали. Укреплялась и их власть. При этом дружина где-то оттесняет родовую старшину, а где-то сливается с ней. Появление новой, воинской знати находит отражение в материалах славянских могильников. Происходит оно не без подражания аварам. На Керкире некоторых мужчин, по аварскому обычаю, хоронили вместе с оружием^[113]. Нельзя исключить, что и ряд «аварских» захоронений принадлежит на самом деле подражавшим кочевническому быту славянским дружинникам. Дружинная культура у всех народов Европы вбирала в себя разноплеменные элементы, в том числе и через родственные связи.

Имущественное расслоение, конечно, ускорило распад старых общинных связей. Происходил повсеместный переход к чисто

соседской общине, создаваемой независимыми домохозяевами. Подгонялся он и межплеменным смешением. Тем не менее на западе Балкан «родовые» объединения-задруги сохранялись гораздо дольше и прочнее, чем на востоке. При этом кое-где задруга еще оставалась совместно ведущей хозяйство большой семьей^[114]. Не приходится сомневаться, что в VII–VIII вв. большая семья, пусть и делившаяся на отдельные дома, сохраняла свои права как основная ячейка соседской общины. При этом при освоении новых земель или на периферии освоенной территории, в горных областях, могли сохраняться и патронимические общины, происходившие от одного предка.

Богатства знати складывались, конечно, не только за счет освоения славянами давно окультуренных балканских земель. Гощения у только устроившихся соплеменников едва ли были выгодны, да и с точки зрения воинской этики не являлись чересчур достойным прибытком. Главным источником дохода еще долго оставалась война. Военная добыча обогащала не только знатных людей, к тому же победы сулили и приобретение новых земель.

Среди добычи, помимо скота, оружия и любимых знатью предметов роскоши, присутствовали и высоко ценились рабы. О рабах-пленниках, захватывавшихся и на войне, и в набегах, неоднократно упоминает основной источник наших знаний о славянах Македонии — собрание «Чудес святого Димитрия Солунского»^[115]. Рабов делили между участниками набегов и «использовали, как кому из них случилось, соответственно с более кротким или суровым нравом»^[116]. Между отдельными племенами развивалась работорговля, причем обращенным в рабство и проданным рисковал оказаться любой незащищенный родовым правом чужак^[117]. Раба могли выкупить соплеменники, в пору мира «недорого»^[118].

По мере нормализации отношений с ромейским населением развивался еще один источник дохода — меновая торговля. Многие предметы «римского» облика на славянских памятниках получены именно этим путем, а не как трофеи. Ромеям представлялось, что славяне в торге дешевет^[119]. Как нередко при встрече «варварской» и «цивилизованной» культур, славян больше привлекали внешняя красота и необычность той или иной вещи, чем ее реальная стоимость. Выменивали, кстати, они и захваченную на войне у самих ромеев добычу — на нечто более интересное. Наряду с меновой торговлей,

под влиянием ромеев и авар у славян развивалось и денежное обращение^[120].

Во главе воинской знати стояли вожди славянских племен. На севере в первые годы это жупаны, которых лишь формально назначал каган. Говорящий о Македонии автор Второго собрания «Чудес святого Димитрия» не слишком последователен в обозначении здешних славянских вождей, именуя их «экзархами», «риксами», «архонтами»^[121]. Сопоставление упоминаний наводит на мысль, что «архонт» и «рикс» являются синонимами, переводами славянского слова «князь». Можно было бы предположить, что «экзарх» — воевода, но также автор называет и аварского кагана^[122]. Для него это просто «военный предводитель», в том числе и тот же князь в этом качестве.

Понятие «рикс» по отношению к славянским князьям появилось в византийской книжности конца VI в., воспринятое от соседних со славянами германцев. Оно отражало возникновение у князей признаков власти, напоминающих германских королей-«рикс» — прежде всего передачу ее по наследству в пределах одной семьи. К середине VII в. в Македонии «риксами» являлись, по ромейским представлениям, и главы обширных племенных союзов, и вожди обычных племен. «Риксами» же называет позднейших сербохорватских вождей Феофан. Упоминает он притом и «экзархов» — отличая князей от жупанов или выборных воевод^[123]. Фактически власть князей приобретает наследственный характер. Это хорошо отразилось в родословных преданиях сербов и хорватов^[124]. Но формальная выборность князей долго сохранялась. Ключевую роль в выборе играли родоплеменные «господа», «старцы», кметы, те же жупаны — когда их жупы вошли в состав более крупных «княжений». Они могли и сменить, и подменить собой правящую династию^[125]. По крайней мере, теоретически князь мог избираться из числа племенной знати, «более благородных»^[126]. Тем не менее власть князей существенно укрепилась. Выразительный памятник мощи обогатившихся славянских «рикс» уже в начале VII в. — пышное «княжеское» погребение с мартыновскими изделиями в Чадавице на Драве^[127].

В основном ареале ипотештинской и попинской культур славяне составили большинство населения. При этом их древности довольно легко отделяются от туземных. В ареале мартыновской культуры славяне гораздо интенсивнее смешивались с местными жителями, но при этом преимущественно оставались в большинстве. Иная ситуация сложилась в горных областях у границы Нового Эпира и Превалитании. Славяне («аварского» потока) пришли сюда из переселенческого котла у Охридского озера. В прибрежной полосе они обосновались довольно прочно, заняв окрестности Диррахия и Диоклеи^[128]. В горах же современной Северной Албании сложилась в VII в. особая команская культура. Основное население горных областей составляли еще иллирийцы, едва подвергшиеся воздействию римской культуры, сохранявшие свой язык и — в основной массе — верность языческим традициям. Они легко смешивались с новыми завоевателями, вбирая их в свою среду.

Памятники команской культуры — могильники с трупоположениями. Умерших хоронили на них в грунт на глубину до 1,4 м, в гробах из камня на известковом растворе. Ориентация большинства умерших неславянская, по линии север — юг. В довольно богатом вещевом инвентаре (украшения, оружие, железные ножи и поясной набор) зачастую попадаются и славянские предметы. Это, прежде всего, пальчатые фибулы и височные кольца, типичные для славянских древностей Адриатики. Изучение команской культуры показывает постепенное, длившееся не один век, растворение славян в среде фрако-иллирийцев — процесс, завершившийся сложением албанской народности^[129]. В политическом отношении здешние обитатели сначала подчинялись обосновавшимся в далматинском Приморье и в Македонии славянским князьям.

Археологические материалы мартыновской и команской культур позволяют судить о восприятии славянами в пору великого расселения ряда новшеств в военном деле. В общении с аварами и ромеями для южных славян более привычны становились мечи^[130], тяжелые доспехи, конный бой. Копье и лук со стрелами перестали на Балканах считаться почти единственным оружием славянских воинов. Среди фигурок из Велестино — изображения двух воинов. Один из них вооружен массивным боевым топором, прикрывается круглым щитом. Другой — восседает верхом на коне с гораздо большим, чем у первого,

тоже круглым щитом, в шлеме, а в правой руке заносит короткий меч^[131]. Впрочем, в первой четверти века легкое вооружение все еще преобладало^[132]. Еще одной стороной развития военного дела являлось совершенствование осадной техники. Его результаты мы можем видеть по сборнику «Чудеса святого Димитрия», при описании славянских осад Фессалоники в VII в.

К середине VII в. южные славяне в Македонии имели уже развитую военную организацию. В «Чудесах святого Димитрия» упоминаются различные роды войск, слаженно действующие при осаде городских стен, — «вооруженные лучники, щитоносцы, легковооруженные, копьеметатели, пращники, манганарии, храбрейшие с лестницами и с огнем»^[133]. Упоминаются у славян и тяжеловооруженные «гоплиты» — как самая мощная и ценная часть воинства^[134]. Манганарии — инженеры осадной техники — составляли, судя по известиям этого источника, особый, привилегированный разряд мастеров в славянском обществе. При осаде вражеских крепостей на них возлагались особые надежды.

Больших успехов славяне достигли в мореплавании. По оценке Феодора Синкелла, «славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу»^[135]. Выстроенные славянскими плотниками долбленые ладьи-однодеревки («моноксилы» по-гречески) могли теперь преодолевать огромные водные пространства. От устья Дуная они доплывали до Константинополя, пересекали Эгейское и Адриатическое моря^[136]. Славяне не только совершали набеги на острова Адриатики и Эгеиды, но и селились на них. Все это свидетельствовало о появлении и бурном развитии мореходных навыков, в частности — об освоении паруса. Соленые воды перестали быть для славян краем света и неодолимой преградой.

По археологическим данным, как уже не раз отмечалось, прослеживается раннее знакомство южных славян если не с христианством как системой взглядов, то с христианскими обычаями. Однако славянская знать (по крайней мере часть ее) еще пребывала в ожесточении эпохи Аварских войн. Христианство для многих «риксов» было религией врагов, ромеев. Раз за разом вспыхивавшая война с ними мыслилась и как война с их верой. Один из славянских князей в Македонии, по утверждению описателя «Чудес святого

Димитрия», намеревался даже «воевать непрестанно и не оставить в живых ни одного христианина»^[137]. Многие ромейские перебежчики то ли славянами принуждались, то ли сами считали необходимым отступить от веры^[138]. Один из славянских племенных союзов на далматинском побережье в конечном счете принял как самоназвание романское обозначение язычников «паганы», славянское «поганые». Этим они противопоставляли себя крещеным сородичам^[139]. Как убежденных гонителей христианства рисует некоторых древних далматинских князей Летопись попа Дуклянина^[140].

Однако такая жесткость — именно сопротивление наступлению христианства — ответ на осязаемую угрозу его победы. В немалой степени — показатель слабости. Те из славянских вождей, кто искренне или относительно искренне искал дружбы с Империей, проявляли терпимость или даже интерес к христианству. В народной среде этот интерес пробуждался по мере — и в меру — смешения с местными, балканскими христианами.

Славянское же многобожие на Балканах не пустило особенно глубоких корней. Характерно, что к югу от Дуная выявлены только два славянских капища — в Костоле в Югославии (недатированное) и в Брановцах в Болгарии (уже IX в.)^[141]. Костольское капище представляет собой каменную площадку (под деревянным идолом), на которой приносили в жертву птиц. Южнославянские находки и позднейшие обряды^[142] свидетельствуют о простейших животных жертвоприношениях, сопровождавших в том числе ритуал гадания — о нем у македонских славян упоминают «Чудеса святого Димитрия»^[143].

О почитании у болгар и македонцев богов языческого пантеона Перуна (Додола) и Велеса можно сделать вывод лишь на основании топонимики и отчасти фольклора. С ними народная память связывала урочища, в которых они будто бы лично обитали. Именно в таких местах, без строительства капищ, их и почитали^[144]. Во времена становления христианских литератур боги оказались напрочь забыты. Правда, одно упоминание южнославянского языческого божества все-таки имеется — в болгарском переводе «Хроники» Иоанна Малалы имя Зевса заменено на «Поруна». Память о пантеоне сербохорватов и

словенцев (теснее связанном с северным славянским) столь же смутна^[145].

Высших богов и других персонажей славянской мифологии представляют нам фигурки из Велестино. Бородатый воин с топором и щитом — надо думать, громовержец Перун. «Князь» в богатом наряде и украшенной шапке — не предок ли славянских князей, бог Солнца? Устрашающая женская фигура в расшитой юбке, с крыльями и воздетыми когтистыми руками изображает богиню-мать в ее гневном, губительном обличье. Другие женские фигурки держат на руках младенцев. У одной из них в руке к тому же гусли. Среди 15 фигурок животных и птиц — изображения священных для славян коров, волка, некоего «лютого зверя» из кошачьих^[146]. В дружинном мартыновском быту VII в. богов знали и помнили хорошо.

В целом же создается впечатление, что переселение довольно резко оборвало развитие «высшей мифологии» и организованной религии у южных славян. Причина этому — в недостаточно большом числе, а то и в полном исчезновении среди переселенцев мужчин-священнослужителей, ведунов. Женщины-ведьмы по вполне очевидным причинам казались воинам в долгих походах гораздо меньшей обузой. Но после возникновения постоянных общин с вполне патриархальным укладом ведьмы вновь стояли особняком от них. Единственными хранителями языческих традиций, как правило, остались князья и местные «старцы» — и дальнейшая судьба религии зависела теперь от их ревностности. Степень же этой ревностности чаще всего зависела от состояния отношений с Империей или просто с соседними городами. Имелись, конечно, еще воинские братства, замешанные на языческих поверьях об оборотничестве. Но они, естественные соперники крепнущей княжеской власти, либо сливаются с дружиной, либо вырождаются в не влияющие ни на что разбойничьи ватаги^[147]. Со временем закоренелые ненавистники христианства среди славянских «риксов» превратились скорее в исключение. Но все же для этого должно было пройти несколько десятилетий, а где-то и веков.

Парадокс заключается в том, что при заметном пренебрежении к «высокому» язычеству с его богами южные славяне сохранили весьма прочные следы язычества народного. Впрочем, парадокс это кажущийся. Язычество осталось в народной толще в форме

разнящихся обычаев и поверий, не нуждающихся в княжеско-жреческом пантеоне, живущих самостоятельной жизнью. Памятником этой жизни являются «мифологические» эпические песни, сохранившиеся до Нового времени именно у южных славян. Персонажами этого эпоса, противниками или помощниками героев, являются не только духи низшей мифологии (вилы, юды, змеи, заимствованные из греческого фольклора чудовища ламии). Мы встречаем здесь и некоторых древних божеств — в первую очередь Солнце. Эпос сохраняет, например, осколки древнего мифа о «небесной свадьбе». В этом варианте рассказывается о земной девушке, похищенной Солнцем с помощью взлетевших в небо качелей и ставшей его женой. В других песнях Солнце состязается (не всегда успешно) с похваляющимися людьми^[148]. Очень древняя и восточным славянам известная песня рассказывает о споре Солнца, Месяца и Дождя — кто из них более полезен и любим^[149].

Многочисленные пережитки языческой поры веками сохранялись в обрядности. Среди них — следы брака умыканием, встречающиеся у многих южных славян^[150]. Впрочем, не приходится сомневаться, что преобладала повсеместно «чинная» свадьба. В ее обрядности у южных славян также немало древних пережитков — например, ритуальная «враждебность» родни невесты к сватам или к самому жениху^[151]. В условиях разрушения родовых и традиционных свойственных связей в годы переселения такая враждебность могла являться отнюдь не просто ритуальной. То, что ее разновидности известны разным славянским племенам, — след сходных проблем в их истории. Эти проблемы, кстати, могли способствовать и воскрешению обычая умыкания невест.

К древнейшим славянским обычаям восходят многие календарные обряды южных славян. Однако иные из них еще в дохристианскую эпоху испытали местные, балканские влияния — также еще языческие. К исконно славянским обычаям относится, например, летнее животное жертвоприношение громовержцу^[152]. К славянским обычаям восходит и качание на качелях, сопровождавшее многие календарные праздники и приносящее, по поверью, плодородие земле^[153].

Исконно славянский же по происхождению — обряд вызывания дождя посвященными громовержцу девственницами («додолами», «пеперунами»). Нагих, украшенных зеленью, их в этом обряде под

пение заклинаний щедро обливали водой, имитируя дождь. По завершении обряда участники одаривались, приносились жертвы и следовала ритуальная трапеза^[154]. Через славян этот обычай восприняли соседние балканские народы. Но и сами славяне восприняли местный, балканский обычай вызывания дождя, языческий, приуроченный в христианском календаре ко Дню святого Германа (12 мая). В нем женщины хоронили или топили фигуру «Германа», понимаемую как искупительная жертва, умершая от «засухи ради дождей»^[155]. Обычай восходил к почитанию фракийских умирающих и воскресающих богов плодородия человеческими жертвами. Но славяне восприняли его уже у крещеных фракийцев и уже в «замещенном», игровом виде.

Подобное же произошло с «кукерскими» играми — шествием ряженных «кукеров», которое вобрало в себя и исконно славянские, и балканские мотивы. Магические ритуалы и игровые бесчинства ряженных, облаченных в вычурные костюмы, завершались шуточным «убийством» и «воскрешением» их «царя»^[156]. Источники обычая — древние фракийские дионисии и сходные с ними славянские ритуалы. Именно южные славяне, встретившись с замещением и пародированием ритуальных убийств у принявших крещение балканских народов, первыми отказались от подлинных сезонных человеческих жертв. Их заменили сожжением чучел, игровыми действиями и т.д. Позднее примеру южных сородичей последуют и северные славяне. В то же время культура и самих туземцев Фракии и Иллирика еще оставалась наполовину языческой. Об этом свидетельствует, помимо прочего, грубый эротизм воспринятых у них славянами обрядов (впрочем, совершенно не чуждый и исконно славянскому язычеству). Например, «Германа» и «кукеров» наделяют подчеркнутыми мужскими признаками, каковые с азартом используются в обряде.

Среди чуть более ранних, известных и северным славянам языческих заимствований — праздник русалий (латинские розалии), совместившийся у славян с их «навьей» неделей поминания умерших, а в христианстве с праздничным циклом Троицы. У южных славян праздник русалий включал поминальные трапезы и ритуальные «целительные» омовения. Главная же часть празднования — шествия ряженных «русальских дружин», призванные обезопасить селения от

нечисти и обеспечить плодородие. У сербов и хорватов (более ранний вариант) «дружины» составляют девушки, у болгар — мужчины. Но у болгар «дружины» лучше сохранили черты языческого ритуального союза — замкнутость и строгий иерархический порядок. Ряженные обходили дома, собирая дары, распевали заклинания, вводя себя в будто бы целебный экстаз, даже устраивали между собой (при встрече двух разных «дружин») смертельные побоища^[157]. Славянские русалии, в свою очередь, «вернулись» от южных славян в обрядность неславянских народов Балкан.

Контакты южных славян с местным населением были широки и многообразны. В конечном счете именно они придали южнославянской культуре ее неповторимый облик. Это обеспечило ей уникальную роль посредника между ромейской цивилизацией и славянским миром. Роль, которую южные славяне не перестанут играть на протяжении восьми веков. И одним из важнейших достижений их в этой роли стало восприятие и передача северным сородичам христианских ценностей. Мы увидим, как уже в VII столетии начинается принятие балканскими славянами христианства. Новая культурная область, возникшая в итоге разрушительной войны на стыке византийского и «варварского» миров, как будто специально предназначалась стать первой на этом пути. Но путь — повторим еще раз — предстоял неблизкий.

Поздние анты

В то время как на южной периферии зоны аварского влияния происходило становление культуры южных славян, на востоке продолжалась история антов. Как уже говорилось, аварское вторжение в начале VII в. хотя и имело место, но не оставило в антских землях заметных материальных следов. Авары не оседали в антской лесостепи. Антские земли не подверглись масштабному опустошению. Часть населения и особенно знати истребили или увели на запад — но в целом антская культура между Прутом и Днестром продолжала развиваться без заметных изменений. Это поздняя (сахновская) стадия существования пеньковской археологической культуры.

В таких условиях антские племенные «княжения» должны были сохранить широкую автономию — хотя некоторые из них наверняка платили дань каганату. Из числа антских племен VII–X вв. нам достоверно известны тиверцы в Прутско-Днестровском междуречье, хорваты в Верхнем Поднепровье и Закарпатье, угличи в Нижнем Поднепровье за Росью. В начале того периода существовали и иные, поздним летописям неведомые. Некоторые антские племена переселились на Балканы и там приняли общее наименование словен — фракийские северы, македонские сагудаты. Другие осели к началу VII в. в Центральной Европе — западные хорваты, сербы. Они тоже в то время уже именовали себя словенами, а не антами. Все эти племена в той или иной степени вовлекались в орбиту аварской политики — хотя бы как противники каганата.

К числу противников каганата относились и восточные северы, занимавшие земли по Среднему Днепру, преимущественно на левобережье. Данных в пользу того, что сюда сколько-нибудь распространилось аварское влияние, нет. Именно здесь сосредотачивалась антская знать, оставившая мартыновские клады. И здесь же в VII в. сложилась отмеченная подобными кладами и погребениями так называемая культура днепровских ингумаций. Представители (и представительницы) этой культуры погребались только по обряду трупоположения, иногда в курганах (новых или старых), с мартыновскими украшениями. В культуре этих погребений

видно слияние кочевнических, антских и германских традиций. Восходит такое смешение еще к черняховской культуре II–V вв. В погребениях культуры ингумации видели и свидетельство сложного происхождения пеньковцев, и следы пребывания среди них особого иноплеменного населения^[158].

Явные черты этого «населения» — зажиточность, разноплеменность по происхождению, рассеянность в массе пеньковцев и одновременно обособленность от нее. Все это наводит на единственно, как представляется, верную мысль — о социальной, а не этнической природе культуры ингумации. В условиях аварского натиска в среде северов (и нескольких соседних антских племен Поднепровья) произошла консолидация дружинной знати. Это были воины-всадники изначально смешанного, алано-славянского происхождения. Подобная знать и ранее выделялась в антской среде, в том числе использованием ритуала ингумации. Однако теперь на сравнительно небольшом пространстве новая дружинная культура обрела целостность. Возглавлялись конные дружины, разумеется, племенными князьями-«архонтами», которые у антов известны с VI в.

Борьба с аварами резко ускорила этот процесс. Под аварским владычеством складывание собственной дружинной культуры у восточных антов без следов аварского влияния невероятно. Итак, можно заключить, что северы Поднепровья под главенством своих князей и их дружин отстаивали полную независимость от захватчиков. Они создали собственное предгосударственное объединение, возглавлявшееся воинской знатью. При этом в обществе выстроилась более или менее четкая иерархия — укрепившаяся в борьбе за независимость знать четко обособилась от простых общинников даже культурно.

То, что в жилах этой знати текла разноплеменная кровь (славянская, аланская, отчасти германская), ничего не говорит о самосознании. Напротив, можно не сомневаться, что языком антской аристократии любого происхождения уже в VI в. был и в VII в. оставался славянский. Но дружинная культура любого народа легко вбирала в себя внешние элементы — как древние, так и вновь привносимые. Главным направлением внешних связей для антов после разрыва отношений с отделившейся Империей окончательно стала

кочевая Степь. Отсюда время от времени приходили и новые переселенцы, вливавшиеся в антские дружины.

Главным союзником антов в Степи являлась приазовская Великая Болгария. В описываемое время ею управлял хан Куврат. Старший сын Куврата, Батбаян, носил и славянское имя Безмер^[159]. Это можно объяснить только его полуантским происхождением. Смешение антов и болгар зашло достаточно далеко, чтобы вылиться в политический союз. До середины 620-х гг. Куврат оставался врагом неожиданно вышедших ему в соседи авар. Куврат, некогда живший в Византии, восстановил в начале правления Ираклия тесные связи с Империей. В 619 г. он прибыл в Константинополь в сопровождении большой свиты и крестился, причем брат императора Ираклия выступил крестным отцом^[160].

Западными соседями независимых антов в Среднем Поднепровье являлись пока еще немногочисленные и разрозненные «роды» дулебов-полян. Об отношениях с ними сразу после распада старых антского и дулебского союзов ничего сказать невозможно. Однако не исключено, что власть антской дружиной знати отчасти распространялась и сюда. Именно объединение, созданное ею на сохранившем независимость антском левобережье, более всего подходит на роль предшественника того политического единства, что зародится позднее вокруг Киевских гор.

Племена славянского Севера

О вторжениях авар в восточные и южные славянские земли в письменных источниках есть хотя бы отрывочные сведения. Для ситуации на севере Славянского Мира мы и таких сведений не имеем. Почти единственным источником здесь, помимо отдельных косвенных данных, оказывается археология.

Развернув активную агрессию на Балканах и в Восточной Европе, каганы не забывали и о северных границах. Порабощение мораван и их ближайших соседей, расселение в Чехии дулебов должно было не только создать новые резервы для покорения придунайских земель. Авары укрепляли северные рубежи каганата против враждебных славян, а заодно и создавали более прочный тыл для вторжений в их пределы.

Авары имели на славянском севере немало союзников, самыми сильными из которых являлись ляхские племена и ободричи. Покорить их, как мораван, было едва ли возможно и полезно. Но совершать рейды через их племенные волости на врагов, создавать здесь временные станы, вовлекать славян в новые братоубийственные распри и использовать их в качестве «бифульков» — все это каганату было вполне доступно.

В первых десятилетиях VII в. именно через открытые для их проникновения ляхские земли авары совершают далекие набеги и вторжения на север.

Главными мишенями авар являлись враждебные им воинственные племена хорватов, велетов, сербов. В ряде случаев воины кагана шли на помощь славянским союзникам — например, ободричам, выдерживавшим с конца VI в. неослабный натиск велетских соседей. В других случаях они могли нести возмездие за отказ от союза — например, племенам Поморья, которые тогда же отвергли посулы авар. Северный рубеж проникновения авар на север отмечает река Обра^[161], впадающая с юга в Варту незадолго до ее собственного впадения в среднее течение Одры. Здесь, в примыкающих к Поморью с юга ляхских землях, авары не встречали серьезного сопротивления и передвигались свободно. кое-где они могли оседать и облагать славян

данью либо сливаться со славянской знатью. О том свидетельствуют и отдельные находки в польских землях аварских вещей^[162], и образование целой аваро-славянской культурной группы в Мазурском Поозерье, о чем речь пойдет позже.

В то же время передвижения и набеги авар не могли не растревожить местное население. Внедрение их на крайнем востоке в земли балтских племен судавов (ятвягов) и пруссов неизбежно вызывало ответные набеги. Направленные, разумеется, не против недосыгаемых авар, а против союзных им ляхов. Помимо же того, обострялись племенные распри. Это привело к началу пока не слишком бурного градостроительства в ляшских землях. Одним из древнейших (первая половина VII в.) и самым крупным градом суковских ляшских племен являются Шелиги.

Это укрепление возникло в начале века в Среднем Повисленье, на самом рубеже редкозаселенных славянами и балтами земель будущей Мазовии. Град площадью в 5 га расположился на берегу речки Слупянки, левого притока Вислы. В нем находили убежище во время вражеских набегов жители пяти окрестных селищ. Шелиги защищал невысокий земляной вал с крупными камнями и деревянной стеной поверху. Вдоль вала в два ряда стояли жилища — наземные избы с каменными очагами. До 15 жилых домов расположены тремя группами. Между ними, посреди града, оставили пустое пространство^[163].

Шелиги, единственный град в северо-восточных ляшских землях, являлся важным племенным центром. Об этом свидетельствует и керамика поселения. Наряду с суковскими сосудами, которых подавляющее большинство, имеются и гончарные, происходящие из земель далеко на востоке, в бассейне Одры. На поселении обнаружены не только украшения, но и детали всаднического снаряжения^[164] — верное свидетельство присутствия местной знати, а то и аварских представителей. О них заставляют думать находки пальчатых фибул. В Шелиги стекалась торговая и военная добыча с обширной территории. Через эти места аварские и союзные им славянские дружины двигались как дальше на северо-восток, в Мазуры, так и обратно на запад, в далекий обход враждебных славян.

Главным врагом каганата на Среднем Дунае являлся союз племен, возглавляемый хорватами. В него к началу VII в. входили и чехи.

Невзирая на растущую мощь каганата, хорватам, чехам и сербам все же удалось в те десятилетия отстоять свою независимость. Однако авары сильно теснили своих врагов.

В самом начале VII в. кочевники нанесли сербам и хорватам удары достаточно ощутимые, чтобы заставить сдвинуться с насиженных мест. Наибольший урон аварские набеги нанесли сербам, обитавшим в те годы где-то в верховьях Лабы. Гонимые аварами, сербы в основной массе двинулись на северо-запад, вниз по реке. С ними вместе ушла и небольшая группа хорватов^[165].

Сербы пришли в междуречье Лабы и Заале — благодатную для развития земледелия область, уже освоенную прежними переселенцами и беженцами из Чехии. Здесь к тому времени жило немало славян, носителей пражско-корчакской культуры, с которыми мирно слилось незначительное германское население^[166]. Сербы принесли в регион так называемую рюсенскую керамику, изготавливавшуюся на гончарном круге. Керамика новой рюсенской культуры — вариант серой дунайской, хорошо профилированные и богато орнаментированные прямыми или волнистыми линиями горшкообразные сосуды^[167]. Сербы, как и хорваты с чехами, быстро восприняли традиции придунайского гончарства и через пленников, и через беженцев из покоренных аварами областей. Еще одна новая черта рюсенской культуры сравнительно с пражско-корчакской — обычай трупоположения, постепенно распространявшийся среди сербов, хотя далеко еще не преобладавший^[168].

Сербы принесли в междуречье Лабы и Заале также и лучшую военно-политическую организацию. Племенной союз полабских сербов представлял в первых десятилетиях VII в. единое «княжение» во главе с общим князем — по франкской терминологии, дуксом, «герцогом». К началу 630-х гг. над сербами княжил Дерван^[169]. Сербы селились в укрепленных градах-крепостях (Фихтенберг, Кезитц, Кезигесбург и др.) различного размера, что отражало иерархию князей и панов. Стены градов, как и на юге, сложены из камня, а в отсутствие природного камня — из кирпича. Они прикрыты примитивными бастионами — форбургами^[170]. Сербы подчинили себе более слабые и разрозненные племена и общины области. Позднее сербы проживали и даже переселялись вместе с подчиненными ими другими славянами. Подчинение в целом произошло мирно, хотя обособленность сербов в

их укрепленных градах какое-то время сохранялось. Впрочем, еще в начале IX в. независимость от сербов сохраняло небольшое племя даламинцев на Лаббе^[171]. Хорошая военная организация сербов пришлась весьма кстати славянам и германцам междуречья в пору угрожающих аварских набегов.

Вместе с тем хорваты и сербы понимали, что без внешней помощи борьба с аварами будет для них затруднительна. Поэтому уже в начале VII в. их вожди заключают союз с франкскими королями. Разумеется, франки толковали этот союз исключительно как зависимость славян, и в этом имелась частица истины. Силы Франкского королевства даже в раздробленном виде превосходили славянские княжества. В пору же временного объединения при короле Хлотаре II (613–629) оно являлось сильнейшим государством Западной Европы. Вместе с тем ни о какой практической стороне «подчинения» в VII в. источники ничего не говорят. Славяне продолжали управляться собственными князьями и лишь обязались взаимно помогать франкам в войне — условие на тот момент более важное для них, чем для франков^[172].

Союз с франками открывал славянам путь расселения из междуречья Лабы и Заале в сопредельную Тюрингию. Здешние герцоги также подчинялись франкам, были заинтересованы в союзе со славянскими соседями и спокойно смотрели на переселения их небольших групп. Археологически первые такие переселенцы — сербы и подвластные им славяне пражской культуры — отмечены уже в VII в.^[173] Мирные контакты того времени с германцами, говорившими на древненемецких языках и диалектах, оставили след в славянских языках. Среди заимствований того времени — *lagu, «сосуд», *mlinaġ, «мельник» и *milnъ, «мельница», *mъть, «мера зерна»^[174]. Любопытны заимствования, связанные с переработкой зерна. Они отражают первое знакомство славян с водяными и ветряными мельницами, а также с латинской системой мер.

Главными противниками авар на северо-западе славянских земель являлись велеты. В то время они только обосновались на новых своих землях между Лабой и Одрой. Вероятной столицей велетов являлся Фельдберг в бассейне реки Иккер, защищенный валами град площадью около 4 га. В Фельдберге располагался уникальный для того времени славянский языческий храм, о котором еще пойдет речь^[175].

Где-то в тех местах позднее описывали Ретру — столицу племени редариев и святилище их бога Радогоста Сварожича. Не исключено, что Фельдберг — и есть Ретра.

До мирного взаимодействия велетов с подчиненными венедскими племенами было еще далеко. Велеты в первые десятилетия обитали за стенами своих градов, не смешиваясь с покоренным населением. Их борьба с соседними, союзными аварам, венедскими — в первую очередь с ободричами — приобрела затяжной характер.

Памятником этой борьбы являются многочисленные грады — как велетские, так и ободричские. К началу VII в. теснимые велетами ободричи заняли низовья Эльбы и прилегающее к ним с востока балтийское побережье. Здесь они закрепились, создав мощный племенной союз. Наряду со славянами, в него вошли и местные германские племена — варны на востоке, на реке Варне, у самой границы с велетами, и вагры на северо-западе, у Балтики. Оба племени, не очень многочисленные, быстро переняли славянский язык и славянскую (венедскую) культуру.

В земле вагров, в удалении от велетских границ, и возник в первой четверти VII в. старейший, судя по названию, центр ободричского союза — Старград (ныне Ольденбург). Среди первых его жителей (как и в соседнем граде в Бозау) еще имелись германцы. Около того же времени появляется и град в Форхау^[176]. Немногим позже оборонительные нужды заставили перенести резиденцию вождя и главный град-убежище на границу, к Варне.

Так еще в той же первой четверти века, около 620–625 гг., появился Велиград (Мекленбург) — позднее столица ободричей на протяжении нескольких веков, и одновременно передовой форпост их борьбы с вечными противниками. Велиград возвели посреди гнездовья неукрепленных поселений, на небольшой возвышенности, имел овалы очертания и занимал площадь более 2,5 км². Град защищался валом высотой до 7 м, более 12 м в основании. Основу вала составлял прочный деревянный остов из двух рядов деревянных брусьев, прикрытых «панцирем» из плах и досок. Такая «панцирная» конструкция, изобретение ободричей, распространилась в VII в. к сербам и далее на юг вплоть до Чехии. При этом «панцирь» мог изготавливаться и из каменных плит^[177].

Давление велетов и рост численности собственного населения все же заставляли ободричей искать и новых земель. Достигнув на рубеже VI–VII вв. побережья Балтики, венеды не остановились. Как и на юге, на севере, море перестало осознаваться как порог потустороннего мира. Ободричи в довольно большом числе переправились на прилегавший к землям варнов остров Рюген. Недаром, конечно, выселенцы происходили из пограничных с велетами земель.

На Рюгене славяне встретили довольно плотное еще германское население, принадлежавшее к древнему племени ругиев. От них восприняли и название острова (славянской Руяны), и название его жителей (руяне, раны). Латинские писатели еще долго именовали их привычно «ругиями». В условиях усиления велетов славяне-руяне и германцы-ругии поладили мирно и быстро смешались. Они жили бок о бок на одних и тех же населенных, без перерыва продолжали обработку старых полей^[178]. Славянское население пополнялось новыми беглецами от велетских войн, и постепенно германцы полностью растворились в среде руян.

Воинственность велетов между тем обращалась не только против западных соседей^[179]. Остановленные ободричами на Варне, велеты обратились на восток, за Одру. Они проникли в Поморье и обосновались там, между низовьями Одры и Вислы. Местные племена в свое время не польстились на посулы аварского кагана. Теперь, в пору усиления каганата, когда аварские отряды бродили близ их границ, они предпочли покориться хорошо организованному и прославленному ратными доблестями велетам. Поэтому в Поморье нет заметных следов разрушений и не сразу стали возводиться велетские грады. Напротив, здесь с самого начала очевидно смешение велетов и местных венедов. Под главенством вторгшихся велетов на правобережье Нижней Одры начал складываться единый племенной союз поморян.

Плодом этого смешения стала сложившаяся с начала VII в. голанчская археологическая культура. Ее основное новшество — появление в Поморье гончарной керамики, восходящей к фельдбергским велетским образцам. От пришельцев гончарный круг восприняли и местные жители, которые стали подправлять на нем лепную посуду. Типы голанчской посуды — баночные, яйцевидные, биконические, напоминающие миски невысокие сосуды^[180].

В первой половине VII в. в бассейне Шпрее — Хафеля и на Средней Одре появляются памятники торновской археологической культуры. Ее главная характерная черта — торновская гончарная керамика, связанная с фельдбергской или восходящая с ней к одному силезскому прообразу^[181]. Итак, еще одна группа велетов в те же годы сдвинулась на юг, покорив венедские племена по Шпрее и Одре, ранее отстоявшие свою независимость от тех же велетов. Поход или серия походов на юг могли быть ответом на опасное приближение аварских отрядов к велетским границам. Первый и на этот раз победоносный удар пришелся по землям союзников авар — стодорян на Хафеле.

Основные силы переселенцев, однако, пошли дальше на юг и осели между Шпрее и Одрой, выходя и за пределы этого междуречья. На юго-западе их соседями оказались сербы. На востоке торновцы достигли Повисленья. Именно их действия и остановили, вернее всего, авар за Оброй. Как и их сородичи у Балтийского моря, торновцы селились только в укрепленных градах, которые возводили посреди весей покоренных племен. Среди них хорошо исследованы Торнов в бассейне Шпрее, давший культуре название, и Форберг. Планировка их весьма похожа. В Торнове древнейший град защищен округлым валом высотой до 9 м, на деревянном решетчатом остоле, и рвом. Изнутри града к валу пристраивались хозяйственные постройки из тонких бревен. В центре града стояло столбовое здание размером 11 м². Неподалеку располагались зерновая яма и колодец. Еще одно, наземное, зернохранилище стояло у ворот. Известны и другие городища этого раннего времени, в том числе Бониково на пологом холме у Обры. Под простейшим каменно-земляным валом, охватывающим площадь до 100 м в диаметре, располагалось несколько землянок и полуземлянок^[182].

Грады являлись центрами силы и власти завоевателей. Сюда стекалась дань с покоренных племен — прежде всего зерно. Вместе с данью (и с женами из местного населения) попадало в грады некоторое количество лепной керамики. В Торнове обнаружены следы поступления урожая с 73 различных полей. Торновцы принесли в район Шпрее — Хафеля более развитую технику земледелия. В период их владычества здесь уже использовался севооборот. Возделывались рожь, пшеница и ячмень^[183].

Торновская гончарная керамика обнаруживается сначала почти исключительно в торновских градах — хотя образцы ее в результате торговли или войн известны вплоть до Шелиг. Керамика эта несколько отличалась от фельдбергской. Она представлена горшками правильной биконической формы с расширением посередине и расположенным выше орнаментом — полосами, прямыми или волнистыми линиями, штамповкой. От этих сосудов развился чуть позже другие типы — высокие, с угловатыми плечами и с более плавным профилем. Их орнамент включал, помимо волн и охватывающих черт, также пересекающиеся линии и крестики^[184].

Торновцы являлись предками лужичан — известного с IX в. сильного славянского племени, которое вместе с сербами составило основу серболужицкого народа. Однако название «лужичане» вторично по отношению к «Лужицы», которое и упоминается, кстати, «Баварским географом» как обозначение не только области, но и племени^[185]. Происходит ли название «Лужицы» от славянского «луг» или от германского племени лугиев — изначально оно обозначало страну, а не племя. В первой, более ранней части «Баварского географа» упоминается лишь одно собственно лужицкое племя — мильчане, *Miloxi*. Во второй части приводится более правильное *Milzane*, точно так же рядом с силезскими безунчанами и дедошанами^[186]. Именно мильчане и главенствовали к началу IX в. среди потомков торновцев — что, впрочем, не обязательно имело место в VII столетии.

В Лужицах и Западной Польше торновцы создали собственный племенной союз. Северные торновцы, осевшие среди стодорян на Хафеле и покорившие их, не теряли связи с велетскими сородичами. Не сразу, но они вошли непосредственно в племенной союз велетов и могли даже временами верховенствовать в нем. Племя их при этом сохраняло прежнее название — стодоряне. Германцы же называли их по реке хефельдами.

Именно велетские войны привели к выселению части венедов под главенством и покровительством авар далеко на запад, в Мазурское Поозерье. Здесь они сохранили самосознание и не исчезнувшее к тому времени еще имя «венды»^[187]. Освобождение части вендов от власти велетов и какие-то победы над грозными завоевателями отражались в русском былинном эпосе начала XIII в. Фрагменты его сохранила

норвежская «Сага о Тидреке». Здесь рассказывается о победе «русских» над «вильцинами» (велетами) после смерти грозного короля последних, покорившего все славянские страны^[188]. Велетами, волотами еще долго называли на Русском Севере великанов — свидетельство исхода предков новгородцев из полабско-поморского ареала в VII в. О таком же происхождении говорит и внешний облик ильменцев^[189]. Так что мы можем заключить, что предки словен ильменских, заселивших впоследствии Новгородскую землю, находились именно в этом потоке переселенцев^[190].

Аваро-славянский этап в истории мазурской культурной группы наступил в начале VII в.^[191] В это время в западномазурский район, до этого населенный балтским племенем галиндов и управлявшийся германской (гепидско-лангобардской) знатью, вторглись новые пришельцы. Верхушку и ударную силу их составляли авары и увлеченные ими на север анты (выходцы с низовий Дуная?). Наряду с ними в Мазурах расселились и другие славяне. Позднее на востоке Европы (как и на Балканах) известны смоляне и выходцы из Силезии лупоглавы. Как будет показано ниже, присутствовали и выселенные аварами дулебы. Прежнюю германскую дружинную знать не истребили, но существенно потеснили^[192]. В Мазурах возникло новое племенное объединение во главе с выходцами из Аварского каганата, среди которых имелись и славяне. Оплотом и перевалочным пунктом для этого вторжения, как уже говорилось, являлись Шелиги — крепость ляшских племен на балтском порубежье.

Именно то, что мазурский племенной союз превратился в северный форпост Аварского каганата, могло привести к сравнительно быстрому уходу отсюда немалой части славян. Ушли преимущественно венды, но и некоторые анты (чей путь отмечают находки пальчатых фибул). Путь дальше на северо-запад прокладывали аварские набеги, следы которых находят вплоть до литовских земель^[193].

Путь вендов и сопутствовавших им антов пролегал через северо-восточные земли пруссов к низовьям Немана и дальше в земли современной Латвии. Здесь они осели в Курземе, по реке Венте, которая именно тогда получила свое имя. Вторжение славян сдвинуло с насиженных мест балтские племена куршей, что отразилось в запустении местных могильников. Позднее между пришельцами и

аборигенами установились на какое-то время ровные взаимоотношения. Курши переняли от пришедших в их земли славян ритуал кремации умерших. Славяне отчасти уже тогда смешивались с куршами и жившими севернее финнами ливами. Однако они сохранили самосознание и самоназвание «венды»^[194]. Погребальные памятники вендов — песчаные курганы (*krievu karī* — «русские могилы» местных преданий). Курганный обрядность сложилась в тесном общении с ливами и куршами и содержит уже отчетливые неславянские (в основном ливские) элементы^[195]. Первоначально большая часть пришельцев хоронила умерших без инвентаря в фунтовых могильниках. Именно этот ритуал восприняли у них курши. Затем, однако, у вендов возобладал обычай сооружать курганы. Произойти в их среде он мог от дулебов, также увлеченных на далекий север аварским движением.

Появление вендов в Прибалтике вплотную приблизило границы западной ветви славян к северным сородичам — кривичам, доселе пребывавшим в полной изоляции от остального славянского мира. Большую часть VII в., однако, эта изоляция еще сохранялась. Кривичи продолжали населять территорию к югу от Чудского озера, рассеянно обитая также на большом пространстве среди сопредельных балтских и финских племен. Именно в описываемый период началось становление кривичского союза племен с центром в районе Плескова (Пскова), крупного славяно-финского поселения, как самостоятельной политической силы. Часть чудских общин ушла с насиженных мест, часть влилась в созданное славянами новое объединение. Их потомками являются современные сету Псковщины.

Обстоятельством, подтолкнувшим сету и кривичей к объединению под главенством последних, послужила борьба с жившими западнее предками нынешних эстонцев. «Эсты», тогда еще не носившие этого имени, являлись давними врагами сету (*сисси*), как явствует из эстонских преданий. Обе стороны совершали на земли друг друга частые набеги. Кривичи же столкнулись с «эстами» в своем расселении на запад. На восточных границах «эстских» земель возникла целая система крепостей, призванная сдерживать славянское расселение^[196].

С другой стороны, и кривичи строят в псковских землях градубежища^[197]. Напряженность по берегам Чудского озера и реки

Великой сохранялась весьма продолжительное время.

VII век отмечен бурным развитием целого ряда новых культур славянского Севера — фельдбергской, рюсенской, голанчской, торновской. Вместе с тем в регионах старых славянских культур (пражско-корчакской, суковско-дзедзицкой, длинных курганов) развитие этого века не отмечено слишком резкими скачками. Лишь на западе, где пересекалось влияние более передовых дунайской и фельдбергской культур, пражская культура отчасти меняет свой облик. Переселения племен на землях современных Польши и Восточной Германии привели к значительному, более чем вдвое, росту числа поселений^[198].

Впрочем, многие черты прежнего быта ни при каких обстоятельствах не претерпевают изменений. Так, возникшее примерно в начале VII в. сельское гнездовье Дессау-Мозигкау на реке Мульда — типичный образец славянского домостроительства. Древнеславянское «село» располагалось на высокой речной террасе. Здесь обнаружено 44 полуземлянки с печами-каменками в углу. Прослеживается вход напротив печного угла. В жилище вели наклонный пандус или вырезанные в земле, иногда крытые камнем ступеньки. Один дом на поселении — столбовой, «германского» типа. И это также не новшество на славянских поселениях западных земель, след совместного проживания с германцами. Дома группируются по 6–11 зданий; всего таких малых весей в гнездовье пять. Одну из больших по размеру весей следует признать главной. Здесь в кольце из десятка жилых домов располагалась обширная незастроенная площадка. На ней, надо думать, собиралось вече, а может, и совершались религиозные обряды^[199]. Наряду с кучной по-прежнему встречается и рядовая застройка поселений. В Лисеве (Польша) обнаружено небольшое поселение из четырех домов и трех хозяйственных построек, расположенных в два ряда^[200].

Наряду с полуземлянками площадью от 9 до 41 м², 40–60 см в глубину, господствующими на юге и юго-западе, строились и наземные дома. Некоторые из них, впрочем, имели подпольные углубления до 60 см. Таковы, например, жилые здания в Шелигах. Слишком больших домов здесь не отмечено. Размер всех — от 5 до 16 м². Такую же картину мы видим и на других поселениях, где строили наземные дома с углублениями или без. Для строительства наземных

домов в польских землях по-прежнему применяли столбовую технику^[201].

Не претерпели существенных изменений и основные занятия северных славян — земледелие, скотоводство, охота. Возделывали на юго-западе рожь, просо и пшеницу, на северо-востоке же — ячмень и полбу. Соотношение костей домашних животных из поселения Девинске Язеро (Словакия), возникшего в VII в., напоминает и прежнее словенское, и еще больше отмеченное тогда же на далеком юге, у попинцев. На первом месте в стаде (но меньше половины) — крупный рогатый скот. За ним следуют по убыванию свиньи, овцы, кони. Обнаружены кости кур и домашней собаки. Такое же соотношение выявляется по материалам поселений различных областей современной Польши VI–VII вв. Но в VII в., сначала в землях на запад от Вислы, начинается рост доли мелкого скота. Особенно бурно развивалось свиноводство^[202]. «Франкская космография» называет как важный источник благополучия славян придунайские пастбища^[203].

В то же время некоторые хозяйственные изменения в VII в. отмечены по всему славянскому ареалу. Совершенствуются ремесла. Особенно бурно развивалась обработка железа. Кузнецы овладели приемами сварки железа и стали, разнообразили способы ее получения, разработали методы закалки стальных изделий. Железоплавильный горн этого времени обнаружен на корчакском поселении Рашков I. На севере происходит распространение новых земледельческих орудий, вооруженных сошником, более пригодным для обработки свежих участков при подсеке. Развитие камнерезного дела показывает распространение наряду с глиняными пряслицами новых, вырезанных из мягкого камня^[204].

Усиливалось расслоение в славянском обществе. Первобытные нормы общежития все более отходили в прошлое, общинный строй начинал разлагаться. На севере Славянского Мира этот закономерный процесс происходил ненамного медленнее, чем на юге. Один полюс общественной жизни отмечает его появлением нового термина для обозначения богатых, знатных людей — «могут», «могутич», отражающий именно их возросшую власть^[205]. На другом полюсе появляется новое значение — «раб», «слуга» — у древнего слова *холръ, «холоп», обозначавшего раньше младшего члена семьи^[206].

Это отражает появление нового, позднее известного повсеместно обычая — обращения во временное или постоянное рабство соплеменников за долги или преступление. На первых порах статус холопов существенно выше, чем у обычных рабов-пленников. Это и потребовало появления нового термина.

Распад старого жизненного уклада, ускоряемый войнами и переселениями, находил отражение и оправдание в религиозных представлениях. Если на юге развитие славянской языческой религии, за вычетом некоторых заимствований местных обычаев, застопорилось, то на севере оно продолжалось поступательно. Примером воздействия общественных новшеств на религию славян VII в. стало появление нового термина *nebogъ, «небогатый» и одновременно «лишенный бога, удачи, божественного покровительства»^[207]. С другой стороны, древнее обращение к божеству с просьбой о помощи, удаче («дай/дажь бог!») превращается в личное имя княжеского бога-родоначальника, Солнца. Во всяком случае, это произошло у какой-то части северных славян еще до сербохорватского выселения^[208]. Сам по себе факт показательный, подразумевающий идею особой княжеской удачи, привилегированной «доли», исходящей от божественного предка. Именно княжеский предок теперь — «бог дающий», главный источник людской удачи. Но следует также иметь в виду, что вокруг нового имени Солнца складывается определенная мифология, объясняющая возникновение княжеской власти.

Дажьбог (Дабог) воспринимается как первый государь, безраздельно правивший всем земным миром, прообраз власти всех позднейших людских вождей — прежде всего своих славянских потомков^[209]. Этот миф укреплял сакральную, да и политическую власть князей. Он существенно возвышал элитарную общность воинов-кузнецов, «потомков» Дажьбога, к которой причислялись князья, — но собственно княжеские роды возвышал и над нею. Вообще, усиление опиравшихся на дружину князей постепенно сводило на нет влияние ритуальных и воинских союзов. В то же время к северу от Дуная княжеская власть оставалась в VII в., не только формально, выборной^[210]. В каких-то племенах выбирали не князей, а временных воевод. В таких случаях сохранялись некие формы коллективного правления — например, упоминаемый в польских

преданиях^[211] совет из 12 «наиболее знаменитых и богатых людей», которые и выбирали воеводу. Но и воевода со временем мог превратиться в князя, закрепив власть за своим родом. Еще одним признаком усиления, зримого отдаления княжеской власти от племенной массы стало появление фигуры мечника — княжеского «придворного»-меченосца^[212]. Функцией такого рода лиц в первобытном обществе являлось устрашение «подданных» и подчеркивание особого, священного статуса власти вождя. Укрепление княжеской власти и появление первых устойчивых династий породило в славянской устной «литературе» новый жанр — родовой перечень князей. Существование таких перечней нельзя исключать и ранее. Однако самые древние из сохранившихся восходят к VII или даже — в большинстве случаев — к VIII в. Перечень начинался с предания о происхождении рода и закреплял его права на власть. На перечисление правивших родичей нанизывались при желании эпические предания о самых заметных событиях племенной истории. Такие сказания — прозаические или песенные, — имеющие конкретную историческую основу, прослеживаются также с VII в. Они создавались подчас по образцу древнего «великанского» эпоса. Но теперь речь шла о деяниях не мифических, а реальных героев, племенных вождей и дружинников. С самого начала в этом героическом эпосе сплетались мифологическое и «реалистическое» видения мира^[213].

С процессом начавшегося размежевания «аристократической» и «народной» религии связано появление в пантеоне еще одного нового лица. От громовержца Перуна частично обособилась его ипостась — умирающее и воскресающее божество, связанное с буйными, не всегда благими, но животворящими силами природы. Имя нового персонажа, присутствующего в основном в чисто народных календарных празднествах, произведено от эпитета громовника — «яровитый», «ярило». Взаимосвязь поморского Яровита, русского, белорусского и сербского Ярилы, древнерусского Яруна не вполне ясна, но сродство всех этих персонажей и их функции в целом понятны. Ярилой именовалась также жертва (замещающая либо еще человеческая, мужская), приносившаяся на Ярилин день. Последний сначала приурочивался к летнему солнцестоянию. Этот праздник еще и на пороге Нового времени у восточных славян носил характер буйный, «разнузданный», эротический — и включал магические обряды^[214].

Еще один новый персонаж, появившийся в славянской мифологии в канун выселения сербов и хорватов на юг или вскоре после этого, — Мокошь. Имя этой позднейшей верховной богини Руси X в. известно и на западе, а также у сербов, хорватов и словенцев. Однако там это скорее дух «низшей», народной мифологии. Имя Мокоши связано с древнеславянским корнем *mok-, отражая ее связь с водной стихией^[215]. Изначально имя это оставалось лишь эпитетом Матери Сырой Земли, старейшей верховной богини славянского пантеона. Прозвание Мокошь отражало ее власть над источниками земных вод и перекликалось с наименованием постоянным — Сыра.

Достоин замечания, что в VII в. окончательно складывается облик славянского языческого капища. Оно в этот период представляло собой округлую площадку, подчас на естественной возвышенности, окруженную рвом или ямами (иногда ямами во рву). Во рву сжигались жертвоприношения, а посреди площадки стоял деревянный идол. Таких капищ, существовавших или предположительно возникших в VII в., известно три в разных концах Славянского Мира. Зааринген расположен в бассейне Хафеля, Радзиково — в Польше, Хотомель — в Полесье. Самое крупное из них и дольше всего (до XIV в.) просуществовавшее капище в Радзикове имеет еще каменные и ямные жертвенники на самой площадке — там стояло несколько идолов^[216].

Иной тип славянского святилища встречается только в велетских землях. Здесь в VII в. построен использовавшийся и подновлявшийся до X столетия храм в Фельдберге. Не исключено, что именно Фельдберг — Ретра, стольный град племени редариев, поклонявшихся солнечному богу Радогосту Сварожичу. Каким образом божество получило известное с VI в. «княжеское» имя — неясно. Град Ретра именовался еще Радгощем, и не исключено, что изначально Радогост — основатель града, как часто у славян, слившийся в предании с мифическим прародителем. Деревянное двухкамерное здание прямоугольной формы площадью 50 м² (5 x 10 м) располагалось на выступающем мысу. Славянские строители, по обычаю, окопали непривычный храм не очень глубоким (60 см), но широким (2 м) рвом. В центре храма находился типичный для славян ямный жертвенник. Храмы, подобные фельдбергскому, со временем распространяются на северо-западе Славянского Мира. «Авторство» их идеи, несомненно,

принадлежало велетам, воспринявшим частицы наследия кельтского друидизма^[217]. По тогдашним славянским меркам, фельдбергское здание являлось весьма величественным и просторным. Появление подобных сооружений, как и однотипных открытых капищ на других территориях, — еще один показатель продолжавшегося развития славянской языческой религии.

Славяне против Ираклия

5 октября 610 г., на следующий день после жестокой расправы с тираном Фокой, императором Восточного Рима избрали победителя — Ираклия, родом армянина из Каппадокии, сына экзарха провинции Африка. Гражданская война завершилась. Однако продолжались войны внешние, и они-то превратились для нового государя в неизбывную и тяжкую заботу.

Ираклий ставил своей целью воссоздание хотя бы тени былого имперского величия, пусть на новых основах. Но в первые месяцы, даже в первые годы его правления задача казалась непосильной. Наследство досталось дурное. На Востоке персы хозяйничали по всей Сирии, Армении и в Малой Азии. О мести за Маврикия и восстановлении законной власти они уже не вспоминали. Хосров Парвиз теперь открыто провозгласил своей целью захват как минимум азиатских провинций, присоединение их к Персии и насаждение зороастризма. В Европе же немногие уцелевшие провинциальные центры оказались островками в «варварском» море. Вестготы теснили ромеев в Испании, лангобарды — в Италии, авары и славяне — на Балканах.

Ираклий в целом справедливо, но вынужденно считал главной заботой Персидскую войну. При наличных же силах Империи вести еще и войну в Европе не имелось никакой возможности. Многие пали в гражданской войне, целые провинции лежали в руинах, имперскую военную знать истребил Фока. Ираклий искал пути к миру с Аварским каганатом — но не находил. Аппетиты расплзшегося на всю Восточную Европу кочевого государства резко возросли и не удовлетворялись откупам скудеющей византийской казны. Оставалось предоставить европейские провинции самим себе. Это Ираклий, не без колебаний, и сделал, закрепившись в Константинополе. За пределами столицы единственным надежным оплотом Империи на Балканах осталась Фессалоника, столица Иллирика.

Дела на дальнем Западе Ираклию удалось выправить лишь ценой потерь. Забросив испанские провинции, новый император практически

сдал их вестготам. Зато в Италии в 611 г. он сумел заключить мир с лангобардами. Жестокое разорение аварами Фриуля в 610 г. создало в Европе совершенно новую политическую ситуацию. Преданный каганом, но заключивший союз с баварами и франками Агилульф резко сменил свою политическую линию. Теперь германские королевства вместе с Империей противостояли аварским завоевателям. Это несколько облегчало положение Ираклия. Но не исправляло дел по существу. Ни лангобарды, ни бавары, ни тем более франки, вынужденные оборонять от авар собственные земли, не могли даже при желании оказать помощи балканским провинциям.

Давление славян на уцелевшие ромейские владения, разумеется, со вступлением Ираклия на престол не прекратилось — как не прекращалось оно и до того. Незначительная передышка, имевшая место между двумя этапами славянского нашествия, завершилась в 611 г. Тогда альпийские славяне, доселе союзники лангобардов против Империи, дали свой ответ на мир короля Агилульфа с Ираклием. Славяне вторглись в Истрию и разорили ее «самым плачевным образом... перебив воинов»^[218].

Вторжение в Истрию — лишь один эпизод развернувшегося второго этапа величайшего славянского нашествия на Империю. Одновременно с Истрией вторжение произошло в Далмацию. Сюда устремилось два потока славян — из междуречья Савы и Дравы, родственные уже действовавшим там лендзянам, и с юга, из перенаселенного «охридского котла» Македонии. События, развернувшиеся далее, отразились и в славянских, и в романских далматинских преданиях Средневековья^[219].

В средневековой Хорватии сохранялось предание, доставшееся хорватам по наследству от покорителей Далмации, лендзян. Согласно этому преданию, отраженному в Летописи попа Дуклянина, нападению на Истрию предшествовала битва в местности Темплана. Современной науке место это совершенно неизвестно. Однако эпическое предание хорватов вполне могло запомнить битву, важную для местной истории, но оставшуюся незамеченной в современных хрониках. Завоевав «Паннонскую область», «готы» (здесь — славяне) «с могучим множеством достигли Темпланы». Против них объединились «короли» Далмации (сидевший якобы в Салоне) и Истрии.

Превращение правителей провинций в «королей» и описание Салоны как «великого и дивного града» — черты народного эпоса, который с охотой преувеличивает силу побежденного противника.

После встречи войск «на протяжении восьми дней, поскольку от лагеря до лагеря было близко, с обеих сторон выходили воины, рани и убивая друг друга в поединках. В восьмой же день все с обеих сторон — христиане и язычники — вышли вооруженные и сошлись в великой битве, длившейся от третьего часа дня до самого заката. И судом Божиим, коего никто не дерзнет предсказать, свершилось так, по неким сокрытым великим прегрешениям христиан, что победу одержали жестокие готы; и христиане пали, и убит был король Истрии, и многие тысячи христианского люда умерли от меча, и огромное множество было уведено в плен. Однако король далматинский с немногими могучими воинами ушел и бежал в свой град Салону». Вслед за тем одно войско «готов» вторгается в «Истрию и Аквилею», второе же — в «Иллирийскую провинцию». Командование первым хронист, возводящий правящий род Дукли к «готам», приписал Тотиле, а предводительство вторым, более закономерно, — предку дуклянских князей Остроилу^[220].

С уничтожением имперских гарнизонов прежней жизни в Истрии настал конец. Славяне заселили большую часть полуострова. Многие античные поселения легли в развалинах. Славяне, завоевавшие Истрию, остались чужды и враждебны христианству. В городах они не раз разрушали церковные здания. Вместе с тем полного опустошения и повального бегства жителей не произошло. Иногда славяне селились вместе с истрийцами и лангобардами, если те придерживались языческих верований. С другой стороны, от местных жителей славяне переняли обычай трупоположения. Среди смешанного населения ходила ромейская монета. Продолжали рядом со славянами существовать и общины истрийских христиан. Хотя и в общении со славянами, под их влиянием, они сохраняли свою веру и хоронили умерших на особых кладбищах^[221].

Как раз в 611 г. среди альпийских славян решил было проповедовать христианство известный ирландский миссионер Колумбан, проживавший тогда в Брегенце. Но, повествует написанное его младшим современником Ионой житие, «явился в видении ангел Господень и в виде небольшой окружности, как обычно сжато

изображают круг вселенной, показал мироздание. “Ты видишь, — сказал он, — что весь мир остается пустынным. Иди направо или налево, куда выберешь, дабы вкушать плоды дел своих”. Тогда понял тот, что нелегко у этого народа успех веры, и остался на месте»^[222].

Ромеи были бессильны воспротивиться славянскому завоеванию Истрии. Чуть позже удалось перейти в наступление на славян лангобардам. Произошло это, правда, существенно западнее, в самых верховьях Дравы. Где-то в начале 610-х гг. герцоги Фриульские Тазо и Какко, сыновья павшего от рук авар герцога Гизульфа, совершили поход на здешних славян, союзников кагана. Удалось покорить часть населенных ими земель по текущей вдоль южного склона Карнийских Альп реке Зилье, правому притоку Дравы. Область так и называлась — Зилья (Зеллия). Далеко не вся Зилья подчинилась братьям-герцогам, низовья реки за древним римским укреплением Медария (по-славянски Мегларье) остались независимыми.

Остальные же славяне Зильи, побежденные, согласились платить фриульским герцогам дань^[223].

Немногим позже славяне из близлежащих областей по Верхней Драве столкнулись с баварами герцога Гарибальда II. Битва произошла под стенами занятой славянами римской крепости Агунт. Гарибальд пытался выбить их из Агунта, но потерпел поражение. Славяне в ответ вторглись в пределы Баварии и подвергли их разору. На своей земле, впрочем, баварам удалось разбить славян, изгнать их и отнять награбленную добычу^[224].

В Далмации же славян вообще не сдерживал никто. Позднее романское предание, говорящее о давлении славян на далматинцев, подчеркивает, что к тому времени Салона пришла в упадок, да и «способного правителя» город не имел^[225]. Других же центров сопротивления нашествию в провинции не было. Романцам и остаткам ромейской армии оставалось отсиживаться за крепостными стенами — при их наличии. Но теперь и эти стены уже не останавливали славян. Напротив — они стали главной целью завоевателей. Все их силы были брошены именно на захват и разрушение прибрежных городов. Нехватка земли остро требовала от славян покончить с последними оплотами вражеского сопротивления и тем закрепить за собой обживаемую территорию.

Прижатые к морю далматинские общины были атакованы по всей прибрежной полосе. Примерно в 614 г. после серии разорительных набегов пал Эпидавр — одна из главных крепостей на юге Далмации. Славяне разрушили город, часть его жителей перебили, часть обратили в рабство. Уцелевшие обосновались в соседних крепостцах Спилан и Градац, где продолжали сопротивляться завоевателям. Позже они переселились на расположенный неподалеку остров Раусий (Рагузу), где выстроили крепость, положившую начало Дубровнику. Какая-то часть беженцев перебралась затем оттуда на побережье Юго-западной Италии, в Амальфи^[226].

На следующий год^[227] пришел черед столицы Далмации — Салоны. Здесь славяне-лендзяне прибегли к помощи авар — или авары навязали им свою помощь. Нападение на Салону, по Фоме Сплитскому, возглавил «готский предводитель (dux), стоявший во главе всей Славонии». Почему бы и действительно не сам каган? Фома передает местное предание об осаде Салоны — выглядящее в основных деталях вполне достоверно. С «большим конным и пешим войском» аварский вождь внезапно подступил с гор к городу. Свой лагерь он разбил с восточной стороны Салоны. К западу, «над морем», однако, встал по его приказу один из аваро-славянских отрядов. Начался обстрел стен — из луков и дротиками. Взобравшиеся на нависающую над стенами скалу, славяне из пращей осыпали защитников градом камней. Под прикрытием стрелков сомкнутым строем к воротам пошли воины с таранами. Однако первый приступ смело защищавшиеся салониты отбили. От стрел и снарядов их защищали стена и щиты. Город не знал недостатка в своих лучниках, на подступающих к стенам «сбрасывали огромные камни». К тому же в постоянно ожидавшей нападения Салоне имелась оборонительная техника. В стрелков врага летели не только стрелы, но и снаряды камнеметов и баллист.

Безуспешные штурмы продолжались «много дней». Ежедневно к стенам приступали новые и новые воины. Обладая большим войском, каган попросту изматывал противника за счет жизней славян — и в конечном счете преуспел. В лагере осажденных, «обессиленных и измученных», не ждущих подкреплений, начались разногласия. Стоявшие в не перекрытой врагами гавани корабли открывали

заманчивой путь к бегству — по крайней мере для кого-то заманчивой.

В конечном счете часть «городских богачей» втайне отправила свое имущество к кораблям. Напуганное «простонародье», прознав о погрузке, хлынуло в порт беспорядочной толпой. Люди, среди которых была масса женщин и детей, многие без всяких пожитков, в сутолоке рвались на корабли и в лодки, тонули. Паника охватила и стоявших на стенах — так что славяне и авары ворвались наконец в Салону. Начался разор захваченного города. Разгневанные длительным стоянием и торжествующие благодаря почти бескровному последнему штурму, «варвары» меньше пеклись о добыче, чем о самом опустошении. В Салоне запылал пожар. Вскоре город со своими дворцами и храмами превратился уже в «грудю развалин и пепла». Многие из разбегающихся граждан погибли или попали в плен. Столпившиеся в порту уже не заботились о гибнущем городе — думая лишь о себе, они «торопили отход кораблей». «Отступавшие первыми не дожидались последних: кто был последним, не могли держать бегущих. Как хмельные или безумные, лишь в бегстве видя спасение, они не знали, какой более надежный путь им выбрать. О, сколь печально было зрелище несчастных женщин, рвавших волосы, бивших себя в грудь и по лицу! Сколь громки крики и рыдания не ведающих, от чего им спастись — от огня или меча», — заключает Фома свой рассказ о гибели древней Салоны^[228].

Так закончилось противостояние славян с властями ромейской Далмации, начавшееся за полтора десятка лет до того разбойничьими набегами далматинских пограничников на лендзянские селения. Провинция Далмация больше не существовало. Война, однако, не завершилась. Оставались далматинцы, не желавшие, разумеется, уступать врагу земли предков, — и славяне, надеявшиеся теперь на обустройство в добытой мечом стране. Это противостояние, то затухая, то вспыхивая, продолжалось еще много веков, определяя всю историю прибрежных земель Восточной Адриатики.

После разорения Салоны славяне на время обосновались в ее развалинах, совершая оттуда набеги на близлежащие земли. Постепенно большая часть далматинцев бежала в защищенные природой прибрежные крепости или на острова, оставив свои уголья завоевателям. Немногие отступили в высокогорье. Со временем те, кто

остался на большой земле, покорились славянским вождям и стали смешиваться со славянами^[229].

Беженцы из Салоны обосновались в основном на лежащих южнее города островах — Шолте, Браче, Хваре, Висе, Корчулах. Здесь они осели, используя доступные для обработки земли и торгуя с соседями. Некоторые знатные салониты переселились к беженцам из Эпидавра на Раусий и возглавили здешнюю общину. Молодежь с островов начала, используя уцелевшие боевые корабли-либурны (легкие, маневренные суда, родиной которых была как раз пиратская Далмация), совершать набеги на самих победителей. По словам Фомы, «ежедневно они устраивали поистине такую резню и грабеж, что никто из славян не отваживался спускаться к морю»^[230].

Благодаря этому, а также морским источникам пропитания прибрежные крепости и острова сохранили во враждебном окружении независимость. Так начиналась история далматинских городских коммун и их непростых, а в ту пору еще прямо враждебных отношений с окрестными славянами. После нашествия славян романских городов в Далмации осталось семь — Декатеры (будущий Котор), Раусий, Тетрангурин (Трогир), Диадоры (Задар), Арва (Раб), Векла (Крк), Опсары (Црес)^[231]. Из них Котор, Трогир и Задар — старые крепости, устоявшие перед нашествием. Остальные, как и поселения салонитов, располагались на прибрежных островах, заселенных далматинскими беженцами.

Нашествие затронуло не только Далмацию, но и прилегавшую к ней с юга Превалитанию. Наряду с вторгавшимися с разных сторон славянами, сюда после падения Салоны перешли основные силы авар во главе с самим каганом. Основные центры провинции — Скодра и Диоклея — пали. Немалую часть населения каган угнал в Паннонию. Спасшиеся жители Диоклеи бежали к скалистому побережью, где основали город-крепость Бар (или Антибари, по противоположащему итальянскому городу Бари)^[232].

Одновременное Далмацией в 614–615 гг. нашествию подверглась и южная часть Иллирика до Ахайи включительно^[233]. Сюда вторглись племена из плотно заселенных славянами земель «охридского котла». Места здесь явно всем не хватало. Более пяти племен, осевших в Македонии, объединились в союз для завоевания новых территорий. На первом месте среди них стояли дреговичи, расселившиеся в южных

областях Македонии, к западу от Фессалоник. Отдельные их общины, впрочем, жили к востоку от города. Вторыми идут сагудаты, их ближайшие соседи и союзники, также расселившиеся на юго-западе Македонии. Неизвестны тогдашние места обитания велеездичей и войничей — судя по дальнейшему, более других заинтересованных в новых захватах. Наконец, берзичи занимали основную часть «охридского котла» — внутренние области Македонии от Охрида до Прилепа^[234]. Помимо названных, однако, в нашествии участвовали и «другие народы», остающиеся неизвестными.

Освоившись уже с мореходством, славяне решили атаковать греческие провинции по морю. Это существенно ускорило передвижения, а главное, являлось совершенно неожиданным для противника. В низовьях македонских рек, выходящих в Эгеиду, и на Адриатике в берзичских низовьях Дрина выстроили огромный флот из ладей-однодеревок. Выйдя в море, славяне атаковали побережья на огромном пространстве, стремительно пересекая воды Эгеиды и Иониды. Опустошая и захватывая те или иные земли, изгнав, перебив или пленив местных жителей, они затем перевозили свои семьи и обосновывались на новых местах.

Такому опустошению подверглись «вся Фессалия и острова вокруг нее и Эллады, еще и Кикладские острова, и вся Ахайя, Эпир»^[235]. Повсеместно происходили разрушения ромейских городов — возможных оплотов сопротивления. Славяне вновь разорили Афины и Коринф, овладели ими, прошли войной вдоль всего восточного и южного берега Эллады^[236]. В результате они прорвались на Пелопоннес, вполне открытый для них с моря, и встретились со своими сородичами, обосновавшимися в Лаконии еще в 580-х гг. Отдельные отряды славян переправились через Эгеиду и разорили «часть Азии». Другие же отправились в иные области Иллирика — в том числе чтобы принять участие в освоении Далмации и Превалитании.

Империя не имела сил сопротивляться. На востоке бушевала Персидская война, войска шаха как раз завоевывали Сирию и Египет. В эти же годы авары (не без участия местных славян) уничтожали остатки ромейской власти в придунайских провинциях. Последние крепости Северного Иллирика не выдерживали напора завоевателей. Потоки беженцев оттуда устремлялись на юг, к Фессалонике^[237].

Георгий Писида, описывая в поэме «Ираклиада» первые годы правления своего императора, скорбно вспоминает: «А кроме того, фракийские тучи// принесли нам бури войны: // с одной стороны питающая скифов Харибда// прикинувшись молчаливой, встала на дороге, как// разбойник, с другой же стороны внезапно выбежавшие волки-славяне// перенесли на землю морскую битву.// И с их кровью смешавшись,// поток сделался красным от убийства.// А с третьей стороны, словно пытаясь соперничать в воинственности// прямо против вас невыносимое зрелище// явилось Горгоны Персеевой// и весь мир пришел в замешательство... И часто, желая натянуть лук// и поразить Харибду, — ты против Горгоны// превращавшей в камень образ зрящих,// обращался и удерживался от готового обрушиться удара.// Но и от нее, пуская со своей стороны в вас стрелы// отвращали вас любящие разбой волки...»^[238] Поэт-панегирист достаточно четко выражал главную дилемму политики первых лет Ираклия — воевать в полную силу с аварами и славянами означало отдать персам Азию и открыть им путь на Константинополь. Попытки же примирения с Хосровом ничего не давали.

Результатом победоносного нашествия для славян стало заселение большей части греческих земель. Власть Империи в Иллирике к концу 615 г. ограничивалась одной Фессалоникой. Фессалию заняли велеездичи^[239]. В Старом Эпире обосновались войничы. Какие-то еще славянские племена заняли Новый Эпир, окрестности Диррахия. Они состояли в обширном союзе, который возглавляли войничы и земли которого на востоке простирались до Афин^[240]. Славяне надолго стали если не основным населением, то хозяевами положения на землях Македонии, Эпира, Эллады (включая Пелопоннес)^[241]. На Пелопоннесе, где главными являлись племена милингов и езеричей в Лаконии, славянское население в VII в. резко возросло. С востока и юга полуострова они без столь заметных потрясений позже проникали на северо-запад, до Олимпии. Здесь отношения с греками складывались более мирно^[242]. Во время нашествия или позже славянские общины появились и на Керкире в Ионическом архипелаге^[243].

Славяне завоевали Адриатическое побережье и большую часть Эллады. Им оставалось лишь нанести ромейскому владычеству в Иллирике последний, смертельный удар. Фессалоника, давняя цель

славян, продолжала привлекать их взоры. Участвовавшие в морском нашествии племена приняли решение — покончив с подчиненными Фессалонике провинциальными городами, теперь завоевать и заселить саму столицу Иллирика.

Вторая осада Фессалоники

В 616 г.^[244] славяне вновь, во второй уже раз, подступили к стенам Фессалоники. К берегу под стенами подошло «огромное число» славянских однодеревок. Высадившись, славянские моряки разбили здесь главный лагерь. С востока, с севера и с запада к городу подтянулись племенные ополчения, взяв его в плотную осаду. Вместе с воинами пришли и их «роды вместе с их имуществом». Город рассчитывали не разрушить до основания, а занять^[245]. Более других в завоевании Фессалоники были заинтересованы жившие в ее округе дреговичи, сагу даты и берзичи. Однако все их союзники во главе с велеездичами и войничами приняли участие в походе, как прежде македонские славяне помогли им в завоевании Эллады.

Нашествие возглавлял вождь («экзарх» — князь или воевода) по имени Хотун. Неизвестно, к какому племени он принадлежал сам. Скорее всего, к дреговичам, которые постоянно называются первыми. Перед походом Хотун «по своему обычаю захотел узнать через гадание, сможет ли он войти» в Фессалонику. «Ему было сказано, что можно войти, но не было раскрыто, каким образом». Как бы то ни было, Хотун принял ответ за добрый знак^[246].

Еще до подхода славянских войск город, ослабленный разорением округи и почти лишенный собственного флота, охватила паника. Ее усугубили перебежавшие от славян рабы-пленники, поведавшие о «жестокости их войска». Славяне изготавились к штурму. Однако их предводители не осмелились подводить хрупкие однодеревки прямо под защищенные метательными орудиями стены. Решив защитить суда перед приступом, они отложили его. Однодеревки отвели в узкую гавань Келларион в 4 км к востоку от крепостной стены и занялись их оснащением. Ладьи покрывали сверху досками и сырой кожей, призванной защитить их от зажигательных снарядов. Одновременно осаждавшие город с суши готовили камнеметы. Передышку для подготовке к бою, однако, получили и солунские граждане^[247].

Работа шла три дня. В течение этого времени отдельные славянские суда плавали на расстоянии пары миль (около 3 км) от стены, не подходя ближе. Славяне следили за развернувшимися

оборонительными приготовлениями горожан, а заодно высматривали слабые места в защите. Два таких места приметили — оба у гавани, близ церкви Святой Богородицы. Участок перед самым храмом вообще оставался не укреплен со стороны моря, а западнее, под «башней у церковной лестницы», располагались «небольшие ворота». Мнения нападавших разделились. Одни сочли наилучшим войти в город через неукрепленный участок. Другие, в том числе сам верховный вождь Хотун, не доверяли кажущейся простоте решения и предпочитали вломиться через малые ворота. В конце концов решили атаковать оба места^[248].

Славяне, однако, просчитались. Горожане не теряли времени даром, и не все их приготовления разведчикам удалось отследить. Вход в гавань перегородили цепями на бревенчатом основании, утыкав образовавшуюся плотину кольями и клиньями. За нею возвели второе заграждение — сцепленные якорями тяжелые грузовые корабли. В водных укреплениях оставили лишь небольшой проход. Неукрепленный участок у храма — и этого-то славяне не углядели издали — защитили рвом и прикрытыми досками ямами с кольями на дне. На молу, также неукрепленном, выстроили деревянную стену, невысокую — в половину человеческого роста^[249].

На четвертый день осады приступ, наконец, начался. С восходом солнца славяне со всех сторон города издали боевой клич и ринулись на штурм. На стену обрушились камни из метательных машин. Под прикрытием камней и стрел, которые летели «подобно снежным облакам», одни славяне приставляли лестницы к стенам, другие пытались запалить городские ворота. «И было странно, — повествует солунский автор, — видеть это множество, которое затмевало лучи солнца; как туча, несущая град, так закрыли свод небесный стрелами и камнями»^[250].

Но главные силы нападавших во главе с вождем всей рати подступали с моря. Однодеревки, защищенные покрытием от стрел, огня и камней, устремились через оставленный проход к усмотренным слабым местам у храма Богородицы. В проходе, естественно, образовалась сутолока. С ней славяне на первых порах как-то справлялись, но при высадке «равномерное движение судов... стало неуправляемым». В этот самый момент, как говорит автор «Чудес святого Димитрия», «многие ясно видели защитника, любящего свое

отечество Димитрия, преславного мученика в белой хламиде, который сначала обошел стену, а затем шел по морю, как по суше. Это видели не только многие просвещенные святым крещением, но и невинные дети евреев в так называемой части Врохтонов». О том, что именно это стало причиной сумятицы среди высаживающихся славян, согласно «Чудесам», рассказывали и они сами. Потерявшие управление ладьи начали сталкиваться друг с другом и переворачиваться. Подходившие следующими однодеревки прижимали шедших впереди к берегу. Люди с перевернувшихся судов хватались за борта других и нередко переворачивали и их. Это привело оставшихся на ладьях в панику. Некоторые начали рубить тонущих мечами и колоть копьями^[251].

На берегу дела пошли не лучше. Высадившиеся среди такого беспорядка славяне вовремя не заметили рва и тем более закрытых ям. Многие попадали в них, другие остановились в нерешительности. Тогда некоторые горожане стали совершать вылазки, отгоняя врага от города. У малых ворот завязался бой — солунцы не стали ждать приступа Хотуна и сами напали на него. Славян разбили, а их вождь попал в плен и был уведен в город^[252].

Наконец, большинству ладей удалось развернуться и выйти из гавани. Но вдруг, в неожиданно раннее время, в восьмом часу утра, с моря подул встречный ветер. Многие ладьи разбились, другие еле ушли вдоль берега к осадным лагерям на востоке и западе. Множество трупов выбросило на берег. Когда ладьи удалились, к берегу вышли солунские гоплиты. Пройдя вдоль всего южного побережья, они покончили с остатком высадившихся славян и обезглавили доставшиеся им трупы. Головы соплеменников выставили напоказ осаждавшим город с суши. Те, и без того повергнутые в уныние вестями от бежавших мореходов, отступили от стен. После пленения Хотуна, перед лицом грозных сил, как будто поднявшихся на защиту Фессалоники, продолжать осаду славяне не решились. «В большой печали» они ушли от города, бросив многочисленные осадные орудия и захваченную в предместьях добычу. Воспользовавшись растерянностью славян, находившиеся в их лагерях рабы восстали и бежали под защиту стен Фессалоники. С собой они прихватили и изрядную часть имущества хозяев^[253].

Что касается Хотуна, то он ненадолго пережил снятие осады. Городская знать («некоторые из первенствующих города»), замышляя

завязать собственные отношения со славянами, забрали Хотуна у воинов и скрыли его в каком-то богатом доме. Фигура славянского вождя лучше всего подходила для того, чтобы обеспечить безбедное и выгодное существование в окружившем Фессалонику Славянском Мире. Но для только что переживших страх осады горожан в подобном поведении богачей виделись только «какая-то корысть и неблагоприятные цели». Городские женщины толпой ворвались в дом, где скрывался Хотун, выволокли его оттуда и, протаскив с собой по городу, забросали затем камнями^[254].

Третья осада Фессалоники

Итак, вторая осада Фессалоники кончилась для славян «великим горем». «Позорным» было поражение в войне после впечатляющих успехов предшествующих лет. Еще более позорной и требующей отмщения была смерть Хотуна. Наконец, помимо гибели многих воинов, славян разгневали унижение и ущерб, причиненные восстанием бежавших из осадного стана рабов. Страх перед таинственным быстро ушел. В то же время, сознавая долг мести, славяне не рисковали добиваться ее лишь своими силами. Они решили обратиться к аварскому кагану, воевавшему тогда с ромеями на севере Иллирика. Туда он перешел после разорения Превалитании. Теперь разгрому подвергались Дакия, Дардания, Мезия. Их жители толпами угонялись в земли каганата, в район Сирмия, где каган решил расселить пленных ромеев. В войске авар, разумеется, сражались и действовавшие в этих местах славяне^[255].

С богатыми дарами послы дреговичей и их союзников отправились в ставку кагана. Они обещали «дать еще больше денег сверх того, что они предполагают в будущем захватить» в Фессалонике, «если для этого окажет им помощь в войне». Славяне сулили повелителю авар «легкий захват города». Он «будет взят», уверяли они, «не только потому, что окружен ими, но и потому, что все города, зависимые от него, и области они сделали безлюдными, он же один... находился в их окружении и принимал всех беженцев из дунайских областей, Паннонии, Дакии, Дардании и остальных провинций и городов, и в нем они укреплялись»^[256].

Славяне, таким образом, указывали кагану на опасность Фессалоники для его собственных действий в северных провинциях Иллирика, в бывшем диоцезе Дакия. Каган, конечно, и сам сознавал эту опасность, а потому «охотно поспешил выполнить их просьбу». Продолжая разорять Дакию и Дарданию, он вместе с тем стал понемногу собирать подвластные племена для похода к Фессалонике. В результате в придунайских землях скопилось «неисчислимое войско». В него собрались «все славяне» — по крайней мере, жившие в Паннонии, на севере Балкан и собственно в Македонии. Вместе с

ними шли подвластные каганату паннонские болгары, а также другие «многочисленные народы»^[257].

С набранными полками каган, прежде всего, подавил последние очаги сопротивления ромеев в Дакии. Один за другим после осад пали города Наисс и Сердика (столица Внутренней Дакии). Беженцы оттуда, как и предполагал каган, нашли убежище в Фессалонике^[258]. Наконец, поздним летом или в начале осени 618г. аварская орда с примкнувшими к ней славянскими дружинами двинулась на столицу Иллирика.

В авангарде каган послал отряд «отборной конницы», закованной в броню. Ей он приказал разгромить отряды, прикрывавшие Фессалонику, и как можно сильнее ослабить город, а затем ожидать подхода главных сил. С собою, не собираясь (в отличие от славян при обеих прежних осадах) тратить время на месте, каган вез осадные машины. Конница кагана появилась в предместьях Фессалоники в первой половине дня, около 11 часов. Большая часть граждан находилась вне стен города, на жатве. Авары не в первый раз использовали внезапность нападения на занятых земледельческим трудом ромеев. Многие солунцы погибли, другие попали в плен. Конникам кагана досталось «множество стад» и земледельческие орудия. Уцелевшие граждане, увидев истребление и пленение массы соотечественников, а через некоторое время прослышав о приближении главных сил врага, пришли в ужас. Находившиеся в городе беженцы вдвойне оплакивали свою долю. Тем не менее жители, воодушевляемые архиепископом города, пламенным проповедником и одаренным писателем Иоанном, изготовились к обороне^[259].

Через несколько дней после нападения конников авангарда к стенам подошли главные силы во главе с самим каганом. Вновь враги обступили Фессалонику полукольцом от моря до моря, «по всей суше». «Когда он окружил весь город, — повествуется в “Чудесах святого Димитрия” о приходе кагана, — можно было видеть повсюду только головы, и земля не выдерживала тяжести их наступления, а воды из водоводов, ближайших рек или колодцев не хватало для удовлетворения их и их бессловесных животных». «Невиданное множество» воинов кагана носило железные доспехи. Со всех сторон города, выше зубцов стены, поднялись громады привезенных аварами камнеметов. Авары и их союзники занялись осадными

приготовлениями — «одни готовили так называемых черепах из плетенки и кож, другие у ворот баранов из огромных стволов и хорошо вращающихся колес, третьи — огромные деревянные башни, превосходящие высотой стену, наверху которых были вооруженные сильные юноши, четвертые вбивали так называемые горпеки [колья для раскалывания ворот?], шестые выдумывали воспламеняющиеся средства». Столь огромное войско Фессалоника у своих ворот еще не видела^[260].

Наконец, с обстрела стен штурм начался. Стена Фессалоники вновь испытала град камней — даже, как виделось горожанам, «не камней, а гор и холмов». Со стен отвечали камнеметы солунцев. «Чудеса» повествуют, как один из горожан «написал на небольшом камне имя святого Димитрия и бросил его, воскликнув: “Во имя Бога и святого Димитрия!”». Этот камень столкнулся в воздухе с гораздо большим («более чем в три раза») камнем из аварского камнемета и обрушился вместе с ним вниз. Упав в кабину аварской осадной машины, камни убили всех находящихся там во главе с обслуживавшим орудие манганарием^[261].

В первый день осады стена выдержала натиск. Около полудня внезапно произошли мощные подземные толчки. В городе началась паника. Осаждающим же показалось, будто рухнула «вся стена», и они всей массой устремились к городу. Однако стена устояла, и авары откатились, обстреляв ее напоследок из луков. Иоанн, находившийся среди защитников города, провозглашал особую Божью милость к Фессалонике и открыто явленную помощь святого Димитрия. Большинство горожан воодушевилось произошедшим, но другие оставались в отчаянии^[262].

Осада и приступы тем не менее продолжались. Первые неудачи не остановили кагана. Он понимал, что город не ждет подкреплений и почти истощен. Тем не менее вождь авар не решился после славянской неудачи осадить Фессалонику и с моря. По морю продолжали подвозить «хлеб и другие различные припасы» на множестве судов, которым благоприятствовали морские ветры. Приплывавшие корабли, оснащенные камнеметами и другими орудиями, тревожили противника с моря. Пытаясь объяснить происходящее своим войскам, уверившимся в полной изоляции Фессалоники, вожди осады распустили слух, будто «жители города посылали корабли ночью,

чтобы днем казалось, что они приходят». Солунцы же и сами капитаны кораблей объясняли происходящее Божьим чудом^[263].

Однако осада тянулась, и постепенно паника из города переходила на стены. Воинов, напряженно ожидающих очередного приступа, поминутно охватывал «невыразимый страх», так что они едва не бросались друг на друга. Отбивать приступы становилось все труднее. Положение спас прибывший в город по морю только что назначенный префект Иллирика Хариан. Ираклий, занятый Персидской войной, не знал об осаде Фессалоники, но, наудачу для горожан, отправил на разоренный Запад нового правителя. Сойдя на берег в городской гавани и оказавшись неожиданно для себя в осаде, энергичный Хариан лично отправился на стены Фессалоники. Под его умелым руководством горожанам вновь удалось отбить несколько приступов, а заодно повредить осадную технику авар. Когда воины под защитой «черепашек» подступали к стене, то защитники сдирали их прикрытие заостренными жердями. После этого лишенных защиты «варваров» обстреливали из луков. Самая крупная из подведенных к стенам осадных башен, наконец, сама сломалась при движении и рухнула. Внутри погибли воины. Страх в среде горожан сменился насмешками над противником^[264].

После этих неудач каган решил снять осаду. Судя по дальнейшему, немалую роль в этом сыграла ненадежность местных славянских вождей. Они уже отказались от мыслей о мести и были готовы поладить с горожанами миром. Каган предложил осажденным откупиться. Но, вдохновленные успехами, те отказались. В ответ каган приказал поджечь все храмы и дома вне стен города. Горожанам он заявил, «что не уйдет отсюда, но привлечет — на собственную гибель — множество других народов к союзу». Осада продолжалась на тот момент уже 33 дня. Поняв, что напрасно подвергают себя гневу «варвара», и решив не испытывать судьбу, солунцы постановили принять условия. Получив откуп, каган утвердил мир города с окрестными славянами и ушел восвояси^[265].

После нашествия

По окончании осады Фессалоники между соседними славянскими племенами и городом действительно установился мир. Славяне осели «в близости», но более не нападали. Более того, они выменивали у горожан «недорого» и захваченных ранее пленников, и «различные вещи». У стены открылся небольшой торг. При этом вчерашние противники солунцев признавали, «что город спасен Богом и что во время землетрясения произошло чудо со стенами, и то, что против явления действие их орудия и машины оказались бесполезными и негодными, хотя раньше они были испытаны ими различными способами, казались им полезными и необходимыми, во время же нападения на город оказались негодными и бесполезными, по заступничеству явившихся им святых»^[266]. Можно сомневаться, насколько точно автор-христианин передает донесенные до него людьми старшего поколения речи славян-язычников. Но ясно то, что и они приписывали спасение Фессалоники некоему высшему заступничеству.

Вскоре после осады и последовавшей за ней смерти архиепископа Иоанна в городе и окрестностях все же случилось по-настоящему крупное землетрясение. Земля дрожала несколько дней. Никто из горожан не погиб, но часть зданий рухнула, и жители бежали из города, бросив ворота открытыми. Славяне в своих скромных жилищах от бедствия не пострадали. Увидев поднявшуюся над Фессалоникой пыль, они взбежали на окрестные холмы. В первый момент показалось, что город разрушен. Тогда славяне, прихватив кирки, отправились разобрать завалы и поискать уцелевшее имущество. Ничего дурного горожанам они не замыслили — просто сочли их всех погибшими. Приблизившись, однако, и увидев стоящие стены, славяне удалились — тем паче что на стенах, как им показалось, «видны воины охраны». Когда горожане обнаружили незначительность потерь, славяне присоединились к их празднику и «торжествовали, провозглашая наше спасение», — пишет автор «Чудес святого Димитрия»^[267].

Прочный мир, установившийся в Македонии, подвел черту под славянским нашествием. Новорожденное южное славянство вполне удовлетворило — пока — свой земельный голод. Воевать с ромеями больше было не за что. Напротив, требовалось укреплять мирные, даже добрососедские отношения — там, где это возможно. Здесь интересы славян и даже славянской знати коренным образом разошлись с вожделениями аварского кагана и его окружения. Для кочевых аристократов, загнанных судьбой в центр Европы, война превращалась в неизбежное средство наживы, а само наличие рядом возможных противников — сколько-нибудь сильных оседлых государств — неприемлемой угрозой. И каган хотя и отступил от Фессалоники, но войну с Империей прекращать не собирался.

Ираклий принимал свои меры. В 619 г. он заключил союз с болгарским ханом Кувратом. Визит Куврата в Константинополь и его крещение там создавали непосредственную угрозу каганату на востоке. Каган сделал ответный ход. Он тогда воевал при поддержке союзных славян во Фракии^[268]. Некоторые ромейские города здесь (например, Истрия в Скифии) продержались даже до этого времени^[269], и каган разрушал их. Узнав о визите Куврата, аварский вождь запросил у Ираклия мира — чего император, собственно, и ожидал. Но каган планировал иное. Когда Ираклий с щедрыми дарами вышел навстречу врагу для торжественного скрепления договора, то чуть не оказался пленником. Преследуя бежавшего императора, каган опустошил Фракию до Длинных Стен и перешел их. Угроза захвата нависла над самим Константинополем, однако штурмовать столицу Империи каган после неудачи под Фессалоникой не посмел. Разочаровавшись в попытке покончить с Империей и ее главой разом и не желая войны в далеком Поднепровье, он все же согласился заключить настоящий мир. На этот раз, естественно, обошлось без личных свиданий. Послы Ираклия уговорили кагана на формальное «раскаяние» и принятие мирных условий.

Это дало возможность императору наконец перебросить войска из Европы на Восток. Отправляясь в поход на Кавказ в 622 г., Ираклий даже вручил кагану вместе с огромным откупом еще и опекунов над своим незаконнорожденным сыном. Однако ромеи искали и других, более надежных союзников — причем среди кровных врагов авар. Прибыв на Кавказ, император первым делом отправил посольство ко

двору хазарского ябгу-кагана, второго лица в тюркютской иерархии после «малого кагана» западных тюрков. К этому времени тюркюты восстановили свой каганат и уже вновь подчинили хазар, которыми управлял теперь представитель тюркской династии Ашина. Тюркюты с радостью согласились на предложение Ираклия о союзе, сулившем им богатую добычу в Закавказье и Иране.

Выводом основной массы войск Империи на Восток не преминули воспользоваться какие-то славяне, жившие близ македонского или греческого побережья. Вознамерившись повторить успех сородичей 614–615 гг., они атаковали с моря «Крит и другие острова». Во время опустошения Крита, среди прочих подданных Империи, погибло около 20 монахов из сирийского монастыря Кеннешрэ^[270]. Именно тогда славяне впервые вышли в воды Средиземного моря. Тогда же, следует думать, они на западе достигли Сицилии, где небольшая славянская община обосновалась на какое-то время близ Сиракуз^[271].

Нападение на южные острова — последний всплеск самостоятельной активности славян в пору великого нашествия. Подлинные интересы и масс славян, и славянской знати уже состояли не в завоевании ромейских земель. Завоевание это разрешило свою задачу — обеспечить славян местами для жительства, обогатить их, укрепить положение знати. На юге обеим сторонам теперь требовался мир. Иное дело — отношения с аварами. Интересы авар и их славянских «подданных» окончательно и бесповоротно шли врозь. Каганат, принуждавший славян к продолжению войн с ромеями, ограничивавший их свободу, а кое-где прямо выступавший врагом и угнетателем, превращался в главного противника. И недаром, весьма символично, последняя крупная акция славян на южных морях совпала по времени с развернувшимися в Поморавье событиями. С грозными для авар событиями, которые в итоге покончили с их игом над славянскими племенами.

Восстание Само

К началу 620-х гг. недовольство аварским гнетом в славянских землях по Среднему Дунаю достигло предела. Авары притесняли простых славян и в мирное время, и в своих захватнических войнах. Уцелевшую часть славянскую знати — родовых старшин и жупанов — они лишили прежних привилегий и так же втягивали в свои военные предприятия. Чем дальше, тем меньше были в этих войнах заинтересованы сами славяне. В новых землях мораване, расселенные в Чехии дулебы и лучане перестали нуждаться гораздо раньше, чем южные сородичи.

Старую славянскую знать авары предполагали заменить новой, произведенной на свет от насильно взятых во время зимовок славянских женщин. Из этих полукровок аварские отцы выращивали себе наместников. Они унаследовали культуру и быт кочевой знати^[272]. Но при этом их положение в иерархии каганата все равно оставалось униженным по сравнению с полноправными аварами и болгарами. Воспитанные все-таки на родине, в славянской среде, «сыновья гуннов» жили чаяниями материнской родни. Когда первое их поколение возмужало, именно они особенно остро восприняли аварское иго. И, возмущенные «злостью и притеснением», стали предводителями первых восстаний против завоевателей^[273].

Авары, занятые до 620 г. войной на юге, мало внимания уделили происходящему на северной окраине каганата. Это позволяло недовольству разрастись. Тем не менее первое время речь шла лишь об отдельных очагах сопротивления. Подобные очаги возникали вокруг славянских градов в дулебских, лучанских и мораванских землях.

В 623–624 гг. некто Само, купец из Сансского округа в Северной Галлии, «увлек с собой многих купцов» из Франкского королевства и во главе этого каравана отправился в славянские земли. О прошлом этого человека ничего не известно. Судя по имени, родом он скорее не франк, а кельт — галл или галлоримлянин^[274]. Само, без сомнения, рассчитывал завязать с освобождающимися от власти авар славянами выгодные торговые сношения — повстанцы нуждались во многом из того, что мог привезти им купец. Однако события вовлекли

предприимчивого галла в свой водоворот. Вскоре после его прибытия «виниды», среди которых Само поселился, выступили в поход против авар. Само, владевший, разумеется, оружием и сопровождаемый вооруженной охраной, присоединился к ним — то ли всецело по своей свободной воле, то ли выполняя долг гостя.

Сражение с врагом оказалось успешным. «Огромное множество» авар погибло в бою. Само отличился в битве особенно. По словам Фредегара, «столь большая доблесть проявилась в нем против гуннов, что было удивительно». Молва о доблести франкского купца распространилась среди восставших славян. Среди многочисленных жупанов борющихся с аварами племен и тем более среди молодых еще полукровок, составлявших боевой костяк восставших, не могло на тот момент отыскаться общепризнанного вождя. Прославившийся герой-чужак пришелся кстати — как подходящий военный вожак и незаинтересованный арбитр, способный объединить разрозненные жупы повстанцев. Пришедший в нужное время и выказавший неожиданную от купца доблесть, он мог предстать в глазах славянам посланцем богов. Препятствием к такому признанию могло стать разве что его христианское исповедание. Однако Само оказался язычником^[275].

Итак, славяне избрали Само князем («королем») и общим предводителем в войне с аварами. Само оправдывал ожидания, мужественно и умно защищая вверившиеся ему племена^[276]. В племенной союз, объединившийся вокруг фигуры удачливого галла, на первых порах вошли восставшие против авар славяне Среднего Подунавья — мораване, дулебы, зличане и их соседи. На севере королевство Само граничило с сербскими землями^[277], а значит, включало и лучан с сопредельными им племенами. Что касается земель к востоку от Моравы, Словакии, то здесь аварское господство поколебать не удалось^[278].

Само являлся для своих славян верховным военачальником и судьей, ведал общими для всех внешними делами^[279]. На первых порах, когда Само сплотил лишенные собственных князей племена Среднего Подунавья, он являлся единственным князем всего небольшого еще союза. Но в «подвластных» ему землях сохранилось аварское территориальное деление на жупы. А следовательно, и власть жупанов, которые теперь окончательно превратились в выборных

вождей малых племен. Связь Само с этими племенами осуществлялась посредством княжеских браков. Такие браки, заключавшиеся у славян в период гощения, символизировали священную власть князя над отдельными «родами», связь его с населяемой ими землей. Стоит обратить внимание на «священное» число жен Само. У короля к концу его долгого правления насчитывалось «12 жен из рода славян»^[280]. Он первый известный нам славянский князь-многоженец. До того времени, скорее всего, князья были скромнее — как скромнее были по размерам и владения большинства из них. Впрочем, нам ничего не известно о количестве жен, например, бужанского «Маджака». Само же подражал в величии, влиянии — и в повадках — побежденному им кочевническому кагану. Любопытно, что около того же времени в славянских языках появляется слово «наложница»^[281].

Опорой власти Само являлись воины-всадники полуаварского происхождения, ранее главные зачинщики восстания. Теперь эти люди переняли многие черты быта своих изгнанных аварских отцов — в том числе ритуал погребения с конем или с конской сбруей. При Само они составляли дружину — но, конечно, пользовались влиянием в родных местах и посредничали между князем и своими материнскими родами.

Само — первый вождь славян, о котором у нас есть более или менее подробные сведения. Со страниц пусть единственного, но довольно броско рисующего его источника — хроники Фредегара — перед нами предстает образ яркий и неоднозначный, достоверный для той мятущейся эпохи. Само являлся авантюристом, притом храбрым — более храбрым, как ясно дает понять Фредегар, чем положено при его роде деятельности. К этому добавлялись природный ум и известная образованность. При всем том он на родине или вовсе не принял побеждающего христианства, или принял его лишь внешне.

В ту смутную пору всякий купец был отчасти воином, отчасти даже разбойником. Но Само родился определенно для большего. Прибытие к славянам дало ему реализоваться так, как он того действительно заслуживал. И Само служил своему новому роду со всей искренностью, свято блюдя его интересы даже против своих вчерашних соотечественников.

Жизнь и деятельность Само станут лучше понятны, если мы признаем его галло-римлянином. В условиях, когда «варвары» франки завладели его родиной и стали над ней королями, предприимчивый

Само счел себя вправе создать наудачу свое королевство среди других «варваров». И управлять им на совесть, оберегая его независимость и свою власть.

Имеет смысл повторить: Само — первый вождь славян, о котором у нас есть сколько-нибудь подробная информация. И это наложило отпечаток на восприятие его личности и королевства в науке. Королевство Само нередко оценивается как «государство»^[282]. Однако по сути оно не обладало еще ни единым признаком государственности. Да, «держава» Само охватывала обширные пространства. Как и дулебский племенной союз VI столетия. В этом смысле Само мало чем отличался от неизвестных нам по личным именам дулебских «Маджаков». Просуществовало, заметим, созданное Само образование меньшее время, чем их великое княжение. У Само, конечно, имелась дружина — как у любого славянского князя. Но о каких-либо признаках государственного аппарата не известно ровным счетом ничего. Местное управление, унаследованное от авар, быстро вернулось на привычные круги племенного устройства. Жупаны у славян VII–IX вв. отнюдь не являлись княжескими чиновниками — скорее сами полунезависимыми (а то и независимыми) князьками. В таких условиях ни о каких устоявшихся границах «страны» не было и речи. Само разве что принимал присягу от тех племенных князей, кто хотел перейти в его подданство. О каких-либо правовых мерах Само тоже ничего не известно. Ему вполне хватало традиционного для славян суда по обычаю. В писаном законе славяне еще не нуждались — как обходились и без письменности. Итак, по всем признакам «держава» Само оставалась союзом племен.

Правда, это все-таки довольно большой союз племен, позднее включивший в свой состав и другие, меньшие союзы. В этом, более сложном, устройстве — отличие от старых дулебов, но и залог грядущего распада. Само являлся выходцем из Франкского государства и представлял себе систему управления им. Став вождем славян, он хотел видеть себя королем (*rex*), а свое «владение» — королевством. Так что королевством, по самоопределению, и следует называть это предгосударственное образование. Но при этом надо помнить, что на практике Само королевства вроде Франкского так и не создал. Для этого недостаточно было сил сколь угодно одаренного одиночки. Даже если ему бы пришло в голову не просто наслаждаться полученной

властью и оберегать ее, а заниматься всерьез «государственным строительством». «Строительство» и правда шло — но шло снизу, из славянских племенных градов, в которых сидели зависимые от Само жупаны. И строительство это только спустя два века приведет к появлению подлинного государства, Великой Моравии. У самих франков и покоренных ими галлов, к слову, оно протекало бы не быстрее — не будь римского наследия. Королевство же Само так и останется кратким, пусть и заметным эпизодом в ранней истории западных славян.

Заслуги Само перед славянством не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Не Само поднял восстание против авар, не он был его причиной и главным движителем. Но он оказался в нужное время в нужном месте — и сумел организовать славянские племена на общее сопротивление врагу. Идея избрания Само общим вождем принадлежала не ему — но с возложенной миссией такого вождя справлялся он сам, и весьма успешно. Тем самым он содействовал освобождению не только избравших его славян. Возникновение независимого славянского королевства на Среднем Дунае нанесло мощный удар Аварскому каганату и возбудило к движению против него другие племена. Под знаком существования «державы» прошло несколько десятилетий славянской истории — так что вполне правомерно говорить даже об «эпохе Само». И все же его королевство, сыграв свою роль, быстро сойдет с исторической сцены. Сделав все необходимое для славянской истории, Само исчезнет не только с ее страниц, но и из самой памяти большинства славянских народов. Падение аварского ига было предопределено. Ускорить же ход истории Само не мог, да и не пытался. Здание славянской государственности и славянской цивилизации продолжало поступательно возводиться руками самих славян.

Битва за Константинополь

Между тем на востоке Империи бушевала Персидская война. Византийская армия успешно действовала против персов на Кавказе. В то же время персидские войска совершали глубокие рейды в глубь имперских земель и хозяйничали в немалой части Малой Азии. Осенью 625 г. император Ираклий вместе с союзными тюркютами вторгся в персидские владения в Закавказье. Одновременно персидский шах Хосров, решив нанести врагу смертельный удар, послал войско под командованием одного из лучших своих полководцев Шахрвараза напрямик к Халкидону — с приказом по возможности попытаться захватить саму столицу Империи. Ираклий, связанный кавказским театром военных действий, не мог сам оказать помощь Константинополю, а посланные им вспомогательные отряды отстали от быстро передвигавшейся армии Шахрвараза.

Хосров понимал, что в одиночку воплотить дерзкий план Шахрваразу не удастся — хотя бы потому, что персы действовали с азиатского берега Босфора. Потому Хосров приказал своему полководцу привлечь к участию в осаде авар^[283]. Персидский шах не верил в искренность дружественных отношений между аварским каганом и Ираклием — и был, конечно, прав.

Приблизившись к Халкидону, Шахрвараз застал на противоположном материке ситуацию для себя весьма сложную. Между предполагаемыми союзниками по войне с Империей властвовало несогласие. Славяне повсеместно восставали против Аварского каганата. На Среднем Дунае уже возникло самостоятельное славянское королевство. Восстания славян вызвали брожение или даже отпадение от каганата в среде населявших Потисье вместе с ними гепидов^[284].

Персидский военачальник проявил себя недюжинным дипломатом. В течение нескольких месяцев он совершил, казалось, невозможное — приостановил развал Аварской державы. Шахрваразу удалось убедить славянских вождей (по крайней мере часть из них) и гепидов выступить под предводительством кагана в новой войне. Только невероятная смелость персидского замысла и фантастические перспективы в случае победы могли вдохновить придунайские

племена оставить борьбу с аварским игом. Взятие Константинополя — несбыточная мечта только самых дерзких степных завоевателей — обретала благодаря появлению мощного персидского войска у Халкидона реальность. Каган недолго думал, прежде чем нарушить мир с Византией и презреть все щедроты Ираклия. Столь же недолго думали и возмущившиеся было против него подвластные славяне и германцы, прежде чем примкнуть к нему вновь.

В войске кагана, конечно, имелись прямо ему подвластные паннонские, все еще признававшие его власть альпийские и потисские славяне. Но поддержали его и племена вниз по Дунаю^[285] и во Фракии, через которую лежал его путь. В конечном счете в воинство кагана вступили представители почти всех балканских славянских племен. На это указывают и огромная численность нападавших, и очевидная для всех южных славян выгода от окончательного сокрушения Империи. С другой стороны, каган едва ли выступил бы в далекий южный поход, оставив северные границы открытыми для нападений и восстаний, организуемых Само. Приходится заподозрить, что и с Само (а может, в первую очередь с Само как с новоявленным вдохновителем славянского движения) «привели авар в согласие» персидские послы. Если объединенные Само славяне и не поддержали прямо новое нашествие на Империю, то не мешали ему. Доля в ожидавшейся громадной добыче служила веским аргументом для самых лютых противников авар. Доказал это и заключенный при посредничестве Шахрвараза союз с болгарами.

Сближение Ираклия с тюркютами не могло не беспокоить и не сердить болгарского хана Куврата. Тюркский каганат был для приазовских болгар таким же давним, угрожающим врагом, как и Аварский. Если не больше — тюркютам все-таки удалось некогда подчинить оногуров, родное племя Куврата, и отстранить от власти его род Дуло. То же обстоятельство, что Ираклий обратился к ябгу, а не к Куврату, в Персидской войне, лишало болгар всяких выгод от союза с Византией. Об искренности и глубине христианского обращения Куврата и окрещенной вместе с ним знати говорить не приходится. Так что по наущению Шахрвараза он согласился на союз с персами и аварами, суливший несомненную выгоду в случае захвата Константинополя. У себя в Великой Болгарии Куврат принял представителей кагана с аварским вооруженным отрядом, формально

признавая старшинство авар. На Балканы же в помощь аварам он отправил своего сына Альцека, который стал предводителем всех болгар на аварской службе и фактически вторым лицом в Аварском каганате^[286]. Присоединение, пусть на словах, ханства Куврата вознесло каганат на вершину могущества — на миг, перед грядущей катастрофой.

Поход на Константинополь, кульминация Аварских войн, замышлялся под стать поставленной цели. Огромное войско кагана двинулось в начале лета 626 г. к столице Империи через Фракию, не встречая нигде существенного сопротивления. От низовий Дуная по Черному морю шел к столице Империи большой флот из славянских ладей-однодеревок с «бесчисленными и превышающими счет» полчищами в них^[287]. Это были главные силы славян, посланные своими племенами в помощь кагану. Он, как общий воевода, вновь принял верховное предводительство над всеми союзными полками. На азиатском берегу Босфора, у Хрисополя, дожидалась подхода союзников персидская армия Шахрвараза.

29 июня 626 г. авары приблизились к Длинным Стенам. Их попытались остановить на подступах, но безуспешно. 31 июня произошли первые столкновения ромейских отрядов с аварским авангардом. Наконец, 8 июля авары приблизились к городу. Сам каган пока только двигался к нему. Передовые отряды расчищали путь, а он тем временем соединился с подошедшим к Босфору славянским флотом. Ладьи вытащили на берег и дальше везли посуху, а славянские «полчища» пополнили войско авар. По пути каган жег пригороды вражеской столицы. С помощью сигнальных огней он наладил связь с Шахрваразом^[288].

29 июля основные силы авар подступили к стенам Константинополя. Больше суток ушло на устройство осадного лагеря. 31 июля 80-тысячное разноплеменное войско двинулось на первый приступ. На двухкилометровом участке Феодосиевых стен Константинополя сосредоточились главные пешие силы осаждающих. Первый ряд составляли легковооруженные славяне, а за ними, под их прикрытием, к стенам шли воины в тяжелом вооружении — авары, болгары и гепиды. Таким образом, каган применял многократно опробованную уже тактику «бифулька». Славяне также располагались, устрашая осажденных, но не идя на приступ, вдоль всей остальной

стены города, от моря до моря. Штурм стен продолжался до пяти часов пополудни. Однако это была лишь подготовка, призванная измотать осажденных. Вечером каган вывел к Феодосиевой стене по всей ее протяженности осадные машины и приготовил для нового приступа укрытия-«черепахи». Однако горожане все же отбили врага. Несколько орудий кагана сгорело, еще некоторые сломались сами. Попытка же спустить на воду славянские ладьи не удалась из-за бдительности прикрывавшего город флота. После этих неудач управлявший столицей в отсутствие императора магистр Бонос предложил кагану, как обычно, взять откуп и удалиться. Но на этот раз авары пришли не ради этого. Каган прямо потребовал сдать ему Константинополь^[289].

1 августа в устье впадающей в залив Золотой Рог реки Варбис, у перекинутого через нее моста Святого Каллиника, кагану удалось подготовить к спуску ладью. На тамошнем мелководье ладья свободно перемещалась, тогда как военные корабли ромеев пройти не могли. Но ромейский флот выстроился в Золотом Роге, перегородив ладьям выход в море. За невозможностью прорваться славяне и не рискнули^[290].

В субботу, 2 августа, в лагерь кагана вновь прибыли послы от Боноса. В посольство входил и пресвитер храма Святой Софии Феодор Синкелл, один из главных источников наших сведений об осаде. Одновременно к вождю авар прибыли с того берега и посланцы от Шахрвараза с щедрыми дарами. Каган, вдохновленный этим, вновь потребовал от ромеев капитулировать. Указывая на персидских послов, он заявил, что те пришлют ему подкрепление в три тысячи воинов, что «они заключили соглашение о том, чтобы были посланы славянские моноксилы и в них персидское войско из Халкидона пересекло море». Каган несколько не заботился о тайне и безопасности предприятия — как и о самом персидском подкреплении, в коем мало нуждался. Ему важно было лишь устроить ромеев, и этого он вполне достиг^[291].

Впрочем, к переправе он готовился всерьез. В ночь со 2 на 3 августа славянские ладьи перевезли с Варбиса в Халы, на самом берегу Босфора. Там их спустили на воду. Поутру туда прибыл сам каган, рассчитывая встретить персидское пополнение. Ромеи, однако, действительно напуганные такой перспективой, спешно приняли свои меры. Персидских послов удалось при возвращении из каганской ставки перехватить и убить. Вечером 3 августа, когда каган как раз

закончил приготовления в Халах и место переправы стало известно в Константинополе, наперерез однодеревкам вышло около 70 ромейских кораблей. Вопреки встречному ветру, они достигли цели. Все умение славянских мореходов оказалось тщетным. В тот день переправа так и не состоялась^[292].

С рассветом 4 августа славяне попытались, наконец, вырваться в открытое море. Однако дозорные корабли оказались бдительны. Ромеи атаковали хрупкие славянские челны. Многие славяне потонули или были убиты ромейскими моряками. Каган вынужден был отказаться от идеи перевозки персов^[293].

Теперь, полагаясь лишь на собственные силы, он готовился к решающему штурму. Вновь строились и ремонтировались осадные машины. Ладьи опять расположили на Варбисе. Каган задумал прикрыть приступ с суши морским сражением. По его замыслу, когда авары взойдут на стены, то на укреплении Птерон, прикрывавшем северо-западный район столицы, Влахерны со знаменитым храмом Богородицы, разожгут сигнальный огонь. Увидев его, славяне всей массой, с громким боевым кличем, должны двинуться на свет сигнала к городу. Появление огромной флотилии, по мысли авар, должно довершить панику горожан и позволить штурмующим ворваться со стен в город. Понесших потери славян на челнах каган укрепил «другими свирепыми племенами», «разноплеменными народами» — в первую очередь «огромным множеством» тяжеловооруженных болгар^[294].

Утром 7 августа, с громогласных боевых кличей, начался штурм. Однако с самого начала планы кагана пошли прахом. Многие из подготовленных осадных машин сломались или были сожжены на самых подступах к стене. Воины кагана гибли и в них, и на самих стенах. У их подножий к концу боя лежали груды трупов. «Столько повсюду погибло неприятелей, — говорит о сражении на суше Феодор Синкелл, — что варвары не смогли даже собрать и предать огню павших»^[295].

Бонос прознал через предателей или лазутчиков обо всем плане кагана устрашить осажденных нападением с моря. Чтобы покончить с этой угрозой, он задумал предупредить врага. По приказу магистра большие боевые суда — диеры (с двумя рядами весел) и триеры (с тремя) скрытно подошли к Птерону. Другая группа диер встала на

северном берегу Золотого Рога, чтобы ударить по славянам с тыла. Затем, когда стало ясно, что аварская атака с суши захлебывается, Бонос приказал отряду армян, защищавшему Птерон, зажечь сигнальный огонь вне стен, на портике храма Святого Николая. Там они должны были остаться на случай высадки неприятеля^[296].

Увидев сигнал, славяне немедленно вышли в залив и устремились к Влахернам. Готовясь к нападению, «варвары» связали по несколько челнов между собой, что добавило им устойчивости. Использовали они и плоты. Слаженный выход славянского флота в Золотой Рог в первый момент действительно потряс ромеев, хоть те и были к нему готовы. Теперь в бой шли действительно все пришедшие с Дуная ладьи. Боевой клич славян глушил корабельщиков. Казалось, что заполненный связанными ладьями и плотами, битком набитый людской массой залив стал сушей. Расчеты Боноса едва не провалились. «Первый же натиск» славян заставил строй ромейских кораблей дрогнуть. Моряки готовы были «поворотить корму и открыть врагам легкий доступ». Славянские ладьи прорвались к берегу против храма Богородицы, тогда не прикрытого стеной.

В этот момент море внезапно взволновалось — не во вред тяжелым ромейским судам, но достаточно для не слишком прочных славянских конструкций. Ладьи стали переворачиваться, воины в них — тонуть. Увидев это, ромеи собрались с духом, окружили врага и атаковали. «Думаю, что одна лишь Родившая без зачатия, // — повествует Георгий Писида, — натягивала луки и ударяла в щиты // и, незримо вступив в бой // стреляла, ранила, раздавала ответные удары мечом, // опрокидывала и топила челны // делая прибежищем для всех морскую пучину». Славян и их союзников охватила паника. Многие бросались в воду в надежде спастись вплавь. Были такие, что пытались в воде притвориться умершими, но захлебывались и тонули. Иные прятались от ромейских мечей и стрел за киями как будто пустых ладей — и шли на дно или разбивались вместе с ними. Среди погибших ромеи позднее обнаружили и тела славянских женщин-воительниц.

Кое-кому из славян удалось достичь берега у храма Святого Николая. Они все еще не могли понять замысла Боноса и надеялись, что сигнальный огонь зажгли побеждающие авары. Однако встретили они не союзников, а врагов — заготовленный Боносом как раз на этот

случай отряд армян. Всех выбравшихся в этом месте перебили. Другим — пока — повезло больше. Они добрались до северного берега Золотого Рога и, никем не преследуемые, бежали в горы. Некоторые из спасавшихся вплавь обессилели и попали в плен. Так закончилось морское сражение в Золотом Роге под стенами Константинополя. По словам Феодора Синкелла, «весь этот залив заполнился мертвыми телами и пустыми моноксилами, которые носились по воле волн, плавали бесцельно, если не сказать бессмысленно... весь залив сделался сушей от мертвых тел и пустых моноксил, и по нему текла кровь»^[297].

Победив, ромеи начали извлекать из вод залива тела убитых и вражеские ладьи, чтобы сжечь их. Всего на эту работу ушло несколько дней. Но уже первым извлеченным врагам отрубили головы и насадили их на колья — ради воодушевления все еще сражавшихся на стенах воинов и устрашения противника. В битве на суше ромеи уже одолевали. Узнав же о победе на море, защитники пошли на вылазку — и заставили кагана отвести войска от стен. Каган тоже получил известие о гибели славянского флота. Поняв, что замысел захвата ромейской столицы проваливается, он вернулся в лагерь и велел увезти от стен уцелевшие машины. Его воины принялись разбирать осадные башни и заграждения.

За этим делом аварского вождя застали «немногие» спасшиеся от гибели на море славяне. Ярость кагана немедленно нашла выход. Он приказал своим воинам перебить потерпевших поражение моряков, не задумываясь о последствиях. Это сразу вызвало возмущение среди славян, сражавшихся на суше и остававшихся в лагере. Сил для битвы с каганом на месте у них уже не осталось, да она и неразумна бы была в виду вражеских стен. Но «сняться и уйти», бросив вероломных союзников, — это они могли. Это и сделали. Уход славян окончательно подкосил силы кагана. В ночь на 8 августа он поджег свой лагерь и не до конца разобранные осадные башни, «содрал шкуры с “черепак” и ушел». На следующий день авары, выжегши столичные предместья, удалились за Длинные Стены. «С великим стыдом», — отмечается в «Хронографии» Феофана. Продолжавшаяся десять дней осада Константинополя закончилась для кагана ничем. Еще оставался на азиатском берегу Босфора Шахрвараз — но с мечтой о погибельном ударе по Византии ему пришлось распрощаться^[298].

Возвращавшихся из-под Константинополя славян все еще преследовали несчастья. На беду себе, жители Подунавья решили возвращаться так же, как пришли — по морю. Благо у них еще осталось какое-то количество переживших морское сражение челнов. Однако в Черном море на славянские суда обрушилась буря. Остатки флотилии погибли. Лишь немногие спаслись и вернулись в родные места^[299].

Битва за столицу Империи завершилась. Яркий символизм этого события вполне соответствует его подлинному значению. Византия выстояла у самых стен Второго Рима. Отступление ромеев еще не вполне завершилось — из аравийских пустынь поднималась новая угроза. Но под валом Великого переселения народов Восточная империя не сгнула. Кончились многолетние Аварские войны, кончилось и лишившее Империю на время Балканского полуострова славянское нашествие. Последняя волна разбилась о стены города святого Константина. Битва в то же время надорвала силы всех причастных к ней врагов Византии — будь то авары, персы или славяне. Державе Сасанидов вскоре придет конец. Первый Аварский каганат тоже отсчитывал последние десятилетия своей истории. Бросок к столице Империи стал для обеих враждебных ей держав последним значимым историческим действием. Славяне же, изнуренные десятилетиями непрерывных завоевательных войн, решительно обратились к обустройству и защите приобретенного. Здесь ослабленная Империя могла скорее оказаться союзником, а порабощавший славян каганат становился очевидным и бесспорным врагом. На смену минувшему веку нашествий на юг шла иная эпоха.

Глава вторая.
ЭПОХА САМО

Краh аварского владычества

После осады Константинополя о союзе славян с аварами и тем более о покорности завоевателям не шло уже и речи. Повсеместно вспыхивали восстания против власти кагана. Главные события развернулись на севере, где войну возобновило королевство Само. У славян под его предводительством произошли «многие битвы» с кочевниками. «Совет и доблесть» талантливому вождю неизменно приносили его подданным победу^[300].

В результате этих побед и новых славянских восстаний границы королевства Само уже к началу 630-х гг. далеко раздвинулись на юг. Само подчинились славяне Норика, в том числе обитатели будущей Нижней Австрии на Дунае. В Восточных Альпах, на землях нынешних Словении и Каринтии, возникла подчиненная Само «марка» — особый племенной союз во главе с собственным вождем, носившим титул «владыка». Это полунезависимое владение, возникшее в борьбе с аварами, стало прямым предшественником будущего Хорутанского княжества^[301]. Освобождение славян Норика от аварского владычества ускорило вторжением с севера хорватов. Они оставили здесь след в местных названиях^[302]. Хорваты, используя восстание Само, стремились и найти новые места для поселения (в первую очередь), и нанести удар своим главным врагам.

Истощенный войной с Византией каганат не имел сил для действенного сопротивления. Повсюду под ногами авар горела земля. Тем более рушилось аварское господство в отдаленных северных и восточных областях, где авар было меньше, а самостоятельность славян — больше. Из бужанских земель авары просто бежали — или постепенно вымерли во враждебном окружении, без связи с разваливающимся каганатом и без всяких подкреплений. По крайней мере, позднейшее волынское предание всецело приписывало их гибель Высшему суду: «Бог истребил их, и не осталось ни одного обрина». На Руси до XII в. дожила поговорка: «Погибли, как обры», то есть без потомства^[303].

У северных ляшских племен между Вислой и Одером не было особых причин выступать против каганата. Но слабый союзник —

союзник бесполезный. К тому же общение с каганатом вполне могло теперь навлечь на ляхов месть со стороны его усилившихся врагов — велетов, хорватов, сербов или самого Само. Лендзянские племена также отложились от каганата в конце 620–630-х гг., не без внутренних несогласий. Около этого времени или немногим позже погиб центр аварского присутствия в ляшских землях — просуществовавший лишь несколько десятилетий град Шелиги^[304]. Созданный под патронатом авар вокруг него племенной союз распался. Аварские выселки в Мазурах оказались в изоляции и потеряли связь с каганатом.

Распад ляшского племенного объединения вызвал межплеменные войны. Вместо погибших Шелиг строятся десятки местных племенных градков. Такие небольшие укрепления — резиденции племенных князьков и убежища для народа — возникают во всех областях Польши. В полянской Великой Польше это были Грондзке, Глисно, Смольно, Уйсьне, а также заново укрепленный Бискупин. Преимущественно они сосредоточены в западных, примыкающих к Силезии областях Южной Любутчины. Возникли в это же время и будущие великопольские столицы — Гнезно на горе Леха и Крушвица — правда, пока как неукрепленные поселения. На самой границе с Поморьем и малонаселенной Мазовией, у изгиба Вислы на ее левобережье, строятся Едвабно и Замчыско. Первые грады возникают и в землях вверх по реке вплоть до вислянского юга — Страдув, Ходлики, Щеворыж, Ленчица, Серадзь. В Ленчице, например, существовавшее уже издавна селение обнесли вместо прежнего плетня палисадом. Грады располагались, как правило, у рек и озер, на возвышенных местах^[305].

За разворачивающимися событиями пристально следили соседи катящейся в пропасть кочевнической державы. Подданные Само, хорваты и сербы в своей борьбе с каганатом опирались на союз с франками^[306]. При дворе короля Дагоберта, правившего владениями франков на северо-востоке, в Австразии, а в 629 г. занявшего престол в Париже, война между аварами и славянами вызывала живой интерес. Герцоги приграничных германских племен рассчитывали, что она позволит им в союзе с франками существенно расширить свои владения на восток, покорить земли «вплоть до Империи»^[307]. На тот момент, однако, Дагоберт предпочел воздержаться от открытого

вступления в военные действия. С аварами справлялись славяне, а воевать с самими славянами пока не имелось причин.

Зато западное духовенство в лице одного из ярких своих представителей действительно попыталось воспользоваться новой обстановкой для христианского просвещения славян. В 629 г. близкий тогда ко двору Дагоберта и поддерживаемый им в миссионерских трудах безместный епископ Аманд отправился из Фландрии к альпийским славянам. Для проповеди здесь имелась наиболее благодатная почва. Аманд надеялся либо обратить какую-то часть жителей здешних мест в христианство, либо «достичь пальмы мученичества». Аманд встретили достаточно благожелательно. Он какое-то время безопасно странствовал по освободившимся от авар задунайским землям и «во всеуслышание проповедовал язычникам Евангелие Христово». Христианство теперь не воспринималось местными жителями как религия врага. «Немногие» даже крестились — но Аманд понял, что «плод для него еще совсем не созрел». С тем он возвратился во Фландрию, где его проповедь была гораздо более успешной^[308].

За разгоравшейся славяно-аварской войной, перекинувшейся после 626 г. на юг от Дуная, наблюдали и в Константинополе, не без откровенного злорадства. Георгий Писидя в 629 г. удовлетворенно восклицал: «Парфяне сжигают персов, скиф же// убивает славянина, а тот убивает его.// Они залиты кровью от взаимных убийств,// и их великое возмущение выливается в битву»^[309].

Этот панегирик слагался после возвращения Ираклия с Персидской войны, и приведенный пассаж начинается как раз с упоминания ее исхода. Разбив Хосрова в генеральном сражении, император затем пустил в ход испытанное оружие византийской дипломатии — интриги. Ему удалось настроить против Хосрова его собственных полководцев и придворных. В итоге на шаха поднялся собственный сын. В Персии началась междоусобица, стоившая Хосрову жизни. Последующие распри почти полностью развалили управление некогда могущественной державой. На время император мог быть спокоен за восточные рубежи.

Теперь требовалось по возможности восстановить рубежи западные, и аваро-славянская война открывала здесь широкое поле возможностей. Ираклий решил призвать себе на помощь славян

антского происхождения из Центральной Европы — кровных врагов авар и союзников христианского Франкского королевства. Нельзя полностью исключить, что с потомками антов он и сам пытался когда-то наладить связи. Однако хорваты («один из родов») самостоятельно вторглись в Далмацию во время войны с аварами. Так говорит об этом более раннее предание. Вторжение произошло из Норика, где хорваты не смогли найти себе места ввиду плотного славянского заселения. Ираклий лишь воспользовался ситуацией и официально обратился к хорватам за помощью в борьбе против авар, послав новым пришельцам свое «веление». Хорваты обрушились на захвативших Далмацию кочевников. Что касается обитавших в провинции славян лендзянского корня, то они или сразу примкнули к хорватам, или, во всяком случае, не слишком противились их вторжению. «Несколько лет они воевали друг с другом, — согласно хорватскому преданию X в., — и одолели хорваты; одних авар они убили, прочих принудили подчиниться». После победы, «по воле василевса Ираклия» — то есть с его формального согласия, — хорваты осели в Далмации^[310].

Хорватский «род», переселившийся в Далмацию, со временем разделился на семь «родов», выведивших себя от вождей переселения. По преданию, переселенцев возглавили братья Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и сестры их Туга и Вуга^[311]. Изначальное деление далматинских хорватов и слившихся с ними лендзян на семь родов помнилось до XIII в.^[312] «Роды», возводившиеся к сестрам, на деле включали, следует полагать, принятых в хорватский союз лендзян. Восьмым «родом» числились покорившиеся хорватам и примкнувшие к их племенному союзу остатки авар. Они стремительно славянизировались^[313], но сохранили самоназвание и историческую память^[314].

Деление на семь родов, однако, не определяло территориальное устройство возникшего на Балканах хорватского княжества. Хорваты унаследовали от Аварского каганата деление на округа-жупы. Хорватия в X в. подразделялась на 14 жуп во главе с жупанами^[315]. Однако, поскольку деление на жупы не совпадало с родовым, на первых порах единство страны было прочнее, чем, допустим, в королевстве Само. Родовые связи сплетали автономные жупы между собой в единую сложную систему. Некоторую обособленность сохраняли лишь влившиеся в союз авары. Они населяли три

отдельных жупы. Над их жупанами стоял общий вождь с древним аварским титулом баян (бан) — второе лицо в Хорватском княжестве после князя^[316]. Общий князь у хорватов имелся изначально — в этом сходятся и более древнее, и более позднее, подчеркивающее наследственную княжескую власть средневековое предание. Власть князя, которому подчинялись бан и жупаны, передавалась по наследству^[317]. С другой стороны, конкретное лицо из числа наследников выбирали князем жупаны^[318].

Обосновавшись в Далмации, хорваты, разумеется, присвоили ее себе, а не восстановили над ней имперскую власть. Тем не менее они пребывали в союзе с Константинополем, и Ираклий какое-то время мог не беспокоиться о происходящем в этой области. Помимо того, переселившиеся на юг хорваты сохранили союзные связи и со своими северными родичами, а также с франками. Франкам они, как и Ираклию, формально — теперь уже чисто формально — «подчинялись»^[319].

Разгром авар в Далмации привел к их бегству и из других областей ниже по Дунаю^[320]. Местные славяне — пока не очень многочисленные — освободились от аварского владычества. Ираклий воспользовался обстановкой. Византийский наместник вновь появился на самой границе каганата, в давно разоренном аварами Сингидуне. Местные славяне называли этот город Белградом. Отстроенный, он стал важным центром общения ромеев и славян^[321]. В то же время район Сирмия так и остался — еще на десятилетия — под контролем авар. Здесь они расселили так называемых сирмисиан — пленников, увезенных в первые десятилетия VII в. из ромейских провинций^[322].

Чтобы прикрыть здешнюю границу должным образом, у Ираклия сил все-таки не хватало. Поэтому он ухватился за возможность использовать сербов, двинувшихся на юг по следам хорватов. Вести о возможности осесть на разоренных Балканах вновь, как и в конце VI в., привлекали северных славян. Вместе с хорватами или сербами пришли на юг, например, и силезские лупоглавы, и какая-то группа лучан^[323].

Сербское переселенческое предание дошло только в законченно «княжеской» версии, но в двух вариантах. Первый, X в., сообщает Константин. Второй, довольно похожий, передает Летопись попа

Дуклянина. Дуклянин, впрочем, добавляет сюда в качестве персонажа готского короля Тотилу и довольно умело вплетает хорватское сказание о битве при Темплане. Тем самым он сливает предание о приходе сербов с воспоминаниями об аваро-славянском нашествии начала VII в. [\[324\]](#)

Общий момент обеих версий — исход с севера. После смерти сербского князя (у Дуклянина «король Сенубальд» — Всеволод?) у него осталось двое сыновей [\[325\]](#). Они разделили народ поровну. Старший (Брус у Дуклянина) остался править княжеством отца. Младший (у Константина — «архонт Серб», у Дуклянина — Остроил) отправился искать новые земли. Дальше версии расходятся диаметрально. Более поздняя, соединяя разнородные предания, рисует нашествие и войну с ромеями, решившуюся битвой при Темплане. Более ранней следует и более доверять.

Согласно ей, князь переселенцев «попросил убежища у Ираклия». Ираклий сначала пожелал с помощью сербов укрепить оборону Македонии и предоставил им земли в окрестностях Фессалоники. С сербами предание связывало название города Сервии к юго-западу от Фессалоники [\[326\]](#). Однако в Македонии сербы не задержались — надо думать, столкнувшись с враждебностью уже расселившихся здесь дреговичей. Отдельные группы сербов, впрочем, остались и отсюда (судя по местным названиям) проникали дальше на юг [\[327\]](#). Большинство же с разрешения Ираклия отправилось в «свои места». Однако при переправе близ Сингидуна сербов охватило «раскаяние» — явно вызванное нежеланием пробиваться вместе с семьями через занятые еще аварами земли. В пределы Империи они пришли через территорию союзных хорватов. Дальнейшие передвижения происходили при содействии имперских чиновников. Обратный путь Ираклий мог определить с умыслом.

Через наместника Сингидуна сербы вновь обратились к Ираклию с просьбой предоставить другую землю. Ираклий, понимая и неизбежность ввиду своей слабости, и возможные выгоды такого решения, предоставил им разоренные аварами «безлюдные» пространства диоцеза Дакия — от Дуная до самой Адриатики. Эти земли сербы могли спокойно заселять в течение нескольких десятилетий, не вступая в конфликты с Империей. К тому же не были они и столь уж безлюдными. Здесь жили и славяне (как минимум

мораване к востоку от Сингидуна, лендзяне в Далмации к югу от Салоны, какие-то племена в Превалянии), и остатки романцев. Объединение их под своей властью потребовало от сербских князей еще сколько-то времени и сил, не мешая в то же время прикрывать рубежи Империи и сам Сингидун от авар.

Итак, сербы расселились на огромном пространстве от придунайских земель вокруг Сингидуна^[328] до Адриатического побережья бывших провинций Преваляния и Новый Эпир. Устройство сербского племенного союза было более четким, чем у хорватов. Отдельные «роды»-племена образовали собственные жупы во главе с жупанами, подчинявшимся сербскому князю. Тем не менее в этой четкости присутствовал и очевидный залог хрупкости — власть жупанов в пределах жупы не ограничивалась ничем, и автономия жуп оказалась гораздо больше, чем в Хорватии. Особенно это касалось отделенных горами областей Приморья. Там возникли племенные жупы требинцев, конавличей (обе между Котором и Рагузой), захлумов (захумцев, от Рагузы до реки Неретвы), неретвлян (в X в. три жупы между реками Неретвой и Цетиной). Они фактически были самостоятельны, хотя и входили в VII–VIII вв. в сербский племенной союз^[329].

Особое место среди возникших на побережье Адриатики славянских племенных областей занимала Дукля. Племя дуклян, возглавлявшееся собственным князем, занимало в X в. побережье от Элисса (ныне Лежа), минуя Элкий (Улцинь) и Бар, до Котора, к юго-западу от требинцев и конавличей. С северо-востока Дуклю, как и приморские жупы, отделяли от сербского Загорья (Рашки) горные хребты^[330]. На юге соседями дуклян являлись берзичи в долине Дрина и эпирские славяне, населявшие окрестности Диррахия. В пограничной зоне обитали смешанные славяно-фрако-иллирийские общины, часть которых признала власть дуклянских князей.

О происхождении дуклян Константин Багрянородный, излагающий славянские предания X в., говорит нечетко. «Порабощенная также аварами, — пишет он об окрестностях Диоклеи, — и эта страна запустела и была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлумов, Тервуния и страна Канали»^[331]. О сербских корнях дуклян или связи их с «архонтом Сербом» здесь — ни слова.

Племя дуклян возникло в результате смешения продвинувшихся на юг сербов с местными славянами. Любопытно, что в XII в. сербское Приморье, Дуклю и земли на юг до Диррахия именовали еще Червонной Хорватией (в отличие от собственно Хорватии — Белой) [332]. Название «Червонная» может восходить к древнему племени червян — легендарным предкам лендзян. Именно эти славяне ранее овладели Скродой и Диоклеей и разорили их. Теперь же, после хорватского вторжения, они освободились от аварской зависимости. Под влиянием сербов дукляне заключили пакт с Ираклием, но в сербский племенной союз не вошли. В дальнейшем Дукля, при тесных связях с сербскими племенами, сохраняла полную независимость. В смысле этноса и языка дукляне были — или стали со временем — сербами [333]. Различия в языке, духовной и материальной культуре незначительны во всем сербохорватском ареале. Правда, о единой средневековой народности на всем этом пространстве говорить до рубежа X–XI вв. трудно.

Диалектная карта сербохорватского языка мало поможет в определении племенных границ. Четыре диалекта — кайкавский во внутренних районах Хорватии, чакавский на ее побережье, штокавский по всем сербским и частично хорватским землям, включая Боснию и Черногорию, торлакский на границе с Македонией — сложились рано. Но нынешнее их распределение связано с историческими событиями уже позднего Средневековья [334]. Можно с достаточной определенностью, во всяком случае, связывать штокавский диалект с древними сербами, а чакавский и кайкавский — с хорватами. Кайкавский и в меньшей степени чакавский диалект до XI в. составляли единство не столько со штокавским, сколько с хорутанским в Словении — так называемая альпийско-славянская группа [335]. Альпийские славяне вплоть до IX в., а отчасти и позднее оставались обособленными от других южных славян, в чем-то более относились к западнославянскому миру. Можно угадывать, что кайкавский и хорутанский восходят к межплеменному языку-койне южных рубежей Аварского каганата. Чакавский же (позже основа хорватской глаголической литературы) — к диалекту самих хорватов. Он, конечно, не остался с VII в. чужд воздействию этого койне. Сербы же, поглотившие местные племена, в ту пору не имели существенных диалектных отличий. Их диалект (предок штокавского)

распространился по всем сербским землям — и в Рашке, и в Приморье, и в Дукле, и в Боснии.

Слияние сербов с местными славянами, пришедшими через Далмацию и враждебными Византии, нашло отражение в дуклянском предании. Автор «Книги Готской», которая легла в основу Летописи попа Дуклянина, с легкостью соединил сербское и хорватское предания в своем сказании об Остроиле. В результате нарисовалась картина единого «Королевства славян», будто бы существовавшего с незапамятных времен. Сам Остроил, чья гибель помещается Летописью на землях Превалитании, — герой дуклянского эпоса. Это легендарный родоначальник местного княжеского рода. Имя князя-строителя, в связи с отразившимся и у Константина обычаем не произносить имена предков, произведено от глагола «устроить». Но, будучи местным героем Дукли, Остроил вобрал в себя черты и Константинова «архонта Серб» (зачин рассказа о нем), и завоевывавших Далмацию аваро-славянских вождей (битва при Темплане).

Дукля стала союзником Империи, ромеев-христиан, тогда как Остроил — главная тема сказания о нем — их противник. Но это не должно смущать, Во-первых, преданность и славянских князей, и ромеев такому союзу являлась весьма условной. Во-вторых же, союз с Константинополем в Адриатическом Приморье вовсе не означал союза с местными романцами. Некоторые из них после изгнания авар стали налаживать совместную жизнь со славянами. Но большинство оставалось враждебно, видя в хорватах, сербах и дуклянах таких же врагов, как в аварах и лендзянах. Тем более что авары и лендзяне влились в новые племенные общности. Беженцы из Салоны продолжали свои разорительные набеги на славян с островов, не давая им закрепиться на побережье. Точно так же, конечно, вели себя и в Превалитании беженцы из Диоклеи, обосновавшиеся в Баре. Они вовсе не собирались признавать за дуклянами право на свои земли, на самое свое имя. В эпосе средневековых дуклян эти стычки, естественно, воспевались и преувеличивались, превращаясь в основное содержание древней истории. Ведь и позднее отношения между славянами и далматинцами не раз осложнялись.

Память о вражде с романцами сохранялась, кстати, и у живших севернее неретвлян, впоследствии прославленных пиратов Адриатики.

Согласно позднему местному преданию, утверждению славян на Неретве предшествовало победоносное сражение в устье этой реки с далматинским флотом. Славяне будто бы притворным бегством выманили далматинцев в море, а с наступлением темноты атаковали их там, выплыв из-за острова Корчулы. В итоге далматинцы были разбиты, несмотря на численное превосходство, а земли по Неретве остались за славянами^[336].

Отчасти подобную дуклянам самостоятельность сохраняли вплоть до IX в. и придунайские мораване. Смещение их с сербами, как мы видим на примере с Дуклей, этому не препятствовало. Но мораване жили почти под стенами связанного с сербами Сингидуна и потому все же вошли в сербский племенной союз — как особое княжение. Вообще же северные земли какое-то время оставались для Сербии периферией. Основной территорией Загорья являлась собственно Рашка — сербский юг, в районе Косова Поля граничивший с берзичами.

Материальная культура славян Адриатики после изгнания авар не претерпела серьезных изменений. Основные археологические памятники хорватов — их могильники, использовавшиеся с первых десятилетий VII в. на протяжении нескольких веков. К концу VII в. в населенных ими областях окончательно утвердился ритуал трупоположения. Вместе с хорватами на одних поселениях жили и пользовались их некрополями и местные далматинцы, и смешавшиеся со славянами авары^[337].

Характерной чертой культуры сербов явилось распространение так называемых громил — невысоких курганного типа насыпей из земли и камней. В громилах находят кости животных, керамику, реже иные предметы, а иногда, крайне редко, — человеческие останки^[338]. Описание находок говорит скорее не о погребальных памятниках, а о каком-то специфическом ритуале языческих жертвоприношений. Хоронили же сербские племена умерших в VII в. еще не только через трупоположения. Вероятна связь с сербами славянских урновых кремаций Подунавья^[339]. Единая сербская культура только начинала складываться из мартыновских и пражских элементов, в смешении с местными славянами.

Переселение хорватов и сербов на Балканы имело огромное историческое значение — и на тот момент, и в перспективе. Разгром

авар и освобождение от них земель Иллирика нанесли каганату мощный удар, от которого он уже не смог оправиться. Авары навсегда перестали представлять сколько-нибудь серьезную угрозу и для южных славян, и для Византии. На более или менее подвластных им ранее южнославянских землях возникли новые славянские союзы племен. Так появились на политической карте самые первые из будущих славянских государств Средневековья — Хорватия и Сербия. Их жизнь на этой территории уже не прерывалась. События VII в. с полным правом могут считаться началом истории сербохорватской государственности. В этом смысле они гораздо значимее, чем кратковременное существование в центре Европы королевства Само. По большому счету, возникновение Сербии и Хорватии явилось главным, наиболее прочным историческим итогом борьбы славян против аварского ига. Наряду, разумеется, с самим крахом Первого Аварского каганата.

Крах этот последовал не в долгом времени. В 631 г. умер аварский каган. Законных и бесспорных наследников он не оставил. Притязания на престол выдвинули некий авари и болгарин Альцек. Между аварами и болгарами в Паннонии разразилась кровавая междоусобица. В конечном счете после упорной борьбы, в которой участвовало «множество людей» с обеих сторон, аварам удалось все-таки одержать победу и посадить на каганский престол своего претендента. Разгромленный Альцек увел болгар — девять тысяч воинов с женами и детьми — прочь из пределов каганата^[340]. Дальнейший путь привел его в славянские земли, о чем еще пойдет речь.

Весть о гражданской войне в каганате и бегстве оттуда Алыдска в свой черед дошла до восточноевропейских степей. Примерно в 634 г. хан Куврат отложился от авар. Союз с каганатом не принес ему никаких ожидаемых выгод. Империя, напротив, продемонстрировала крайнюю живучесть. Тюркский каганат раздирали собственные, роковые усобицы между претендентами на власть. Союз Византии с тюрками и хазарами, неприятный болгарам, распался. Так что возобновлению связей с Константинополем препятствий не было. Пришло время вспомнить и о своем крещении, и о дружбе с Ираклием. Куврат «восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до

конца своей жизни. [Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия»^[341].

Усобица и вызванное ею отпадение Куврата нанесли прежнему могуществу авар последний удар. Ни о каком продолжении завоевательной политики речи идти не могло. Авары еле удержали власть над самой Паннонией. Здесь Первый Аварский каганат существовал еще несколько десятилетий — до обновления в существенно более скромном виде. Влияние в Восточной Европе ушло вместе с болгарами Куврата. Не вызывает сомнений, что зависимые от авар антские племена если не отложились раньше, то теперь последовали за болгарами. Рухнуло владычество авар на Балканах, в Восточных Альпах, Поморавье, в лендзянских и дулебских землях — всего за нескольких лет. Могучая кочевая держава исчезла с политической карты, как и возникла на ней, — почти во мгновение ока. Имевшие грандиозные последствия войны с Империей не оставили каганату сил. Как будто предназначение прежней Аварии состояло в том, чтобы проложить для славян путь на Балканы, навстречу византийскому влиянию, а затем сгинуть.

Впрочем, собственно Авария еще оставалась. Под властью каганов находились Паннония и Потисье, в их руках остались окрестности Сирмия, населенные сирмисианами. На востоке сохранился опорный пункт в дельте Дуная — на так называемом «острове Певка». Пока это было так, авары могли держать в напряжении если не Империю или победоносное королевство Само, то отдельные южнославянские племена. Не прекратившиеся, однако, с уходом Альцека межплеменные распри не позволяли аварам играть сколько-нибудь существенную роль хотя бы на местном уровне.

Но победителям рано было успокаиваться. С крушением аварского владычества борьба западных славян за свою независимость не закончилась. На повестку дня вставала новая угроза. Границы Франкского государства, несколько десятилетий раздвигавшиеся на восток, давно уже остановились у двигавшихся навстречу славянских пределов. Пока отношения между врагами авар оставались дружественными.

Но после начала гражданской войны в каганате они продержались — самое большее — считанные месяцы. Война между Само и Дагобертом вспыхнула в тот же год.

Война с Франками

Западная граница королевства Само начиналась где-то в районе Рудных гор, к северу от Огрже, где встречались земли его северных соседей, белых сербов, и зависимого от франков Тюрингского герцогства. Дальше на юг земли, населенные славянами, охватывали всю долину Огрже и глубоко заходили на Верхний Майн. Трудно с уверенностью сказать, подчинялись ли все славяне по Майну Само. Если в его владения действительно входил район Кнетцгау, то его королевство довольно глубоко врезалось между Тюрингией и Алеманией (Швабией). Дальше на юг соседями Само являлись алеманны и бавары. Неясно, проходил ли здесь рубеж по большому Богемскому лесу, как в позднейшие времена Чехии, или западнее. Но в любом случае здесь граница резко забирала к востоку, обходя Баварию. Между Баварией и аварской Паннонией довольно узкая полоса земли в нынешней Нижней Австрии, по обе стороны Дуная, связывала северные владения Само с «маркой винидов» в Альпах. Местному владыке подчинялись большинство предков словенцев — кроме обитателей платившей дань фриульским герцогам Зильи. Истрия принадлежала, скорее, хорватам, и на подступах к ней земли Само заканчивались.

Вдоль всей приграничной полосы уже несколько десятков лет шло оживленное общение славян и германцев. В целом оно носило дружественный характер. Народы торговали, смешивались между собой. Случались, однако, и конфликты. В пору аварских нашествий и последовавших славянских восстаний на восточных рубежах германских королевств стало тревожнее. Впрочем, вину славян здесь едва ли можно усмотреть.

С приходом к власти Само проблемы разом не исчезли — хотя в Париже на это надеялись. Само в свое время лично прокладывал торговый путь в глубь земель «винидов». Но и при нем в приграничье на фоне мирной торговли и союзных отношений тем не менее периодически возникали какие-то «раздоры». Нередко (если не в большинстве случаев) виноваты бывали франки — и вину эту признавали^[342]. Едва ли торговля между сторонами всегда велась

честно, да и пограничные споры могли случаться, особенно теперь, по достижении славянами независимости.

В 631–632 гг. один из конфликтов завершился трагически. Славяне перебили «большое множество» франкских купцов и «разграбили добро». О причинах франкский хронист предпочитает умолчать, но, судя по дальнейшему, погибшие сами были не совсем без греха. Дагоберт отправил к Само послом некоего Сихария, дабы тот потребовал «справедливого возмещения» за жизнь и имущество купцов. Само, однако, отказался принять посла Дагоберта — у него были собственные причины для обид на прежних соотечественников. Сихарий переоделся в славянина и со своими сопровождающими проник-таки пред лицо славянского короля. Здесь он изложил ему требования Дагоберта. Само в ответ предложил «устроить разбирательство, дабы в отношении этих и других раздоров, возникших между сторонами, была осуществлена взаимная справедливость».

Это франкского посла совершенно не устроило. Заметим, что и Фредегар, осуждающий дальнейшее поведение Сихария, приписывает логичное предложение Само «язычеству и гордыне порочных». По мнению хрониста (и франков), Само должен был просто заплатить то, чего от него требовали. Разозленный же Сихарий просто вышел из себя и обрушился на Само с упреками. В довершение «неразумный посол» стал грозить и утверждать, что «Само и народ его королевства должны-де служить Дагоберту». Фредегар особо подчеркивает, что ничего такого Сихарию «не было поручено говорить». Но, несомненно, подобные речи не раз звучали и при австразийском, и затем при парижском дворе франкского короля.

Само, встретив вслед за неумной навязчивостью еще и откровенную наглость, начал закипать. С отчетливой угрозой, но внешне более чем учтиво он произнес: «И земля, которой мы владеем, Дагобертова, и сами мы его, — если только он решит сохранять с нами дружбу». Но забывшийся Сихарий не унялся. «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами», — заявил он. Само решил закончить разговор. «Если вы Богу рабы, а мы Богу псы, — изрек славянский король, — то, пока вы беспрестанно действуете против Него, позволено нам терзать вас укусами». С этими словами он велел выставить франка вон^[343].

По большому счету, Сихарий легко отделался. Славяне соблюли право послов и обычай гостеприимства, невзирая на запредельную дерзость и самоволие посланца франков. Тем не менее этой милости разгневанный придворный не оценил. Дагоберту он передал весь разговор, рисуя, разумеется, поведение Само в черном цвете. Впрочем, Дагоберт был солидарен со своим посланцем в главном — Само должен был попросту возместить «ущерб», а не рассуждать по этому поводу. Равноправным «другом» франкский король славянского видеть не желал.

Дагоберт повел себя, даже по оценке франкского хрониста, «надменно» — без дальнейших разбирательств постановил начать войну. Франкский король не рассчитывал в собственном смысле слова захватить славянские земли. Его поход преследовал цели чисто разбойничьи — взыскать «ущерб», разграбив пределы королевства Само, и нанести тому максимальный урон^[344].

Вторжение предприняли с трех сторон. Главные силы по приказу Дагоберта составили его австразийцы. Они двигались по Майну и Огрже. По центру, дулебским краям в районе Богемского леса, удар наносили швабы во главе с герцогом Алемании Хродобертом. Наконец, с юга, из Фриуля в Норик, при франкской поддержке и за франкские деньги вторглись лангобарды. Одновременное и по сути внезапное нападение франков и их союзников застало Само врасплох. Он не мог организовать должное сопротивление сразу на всем огромном открывшемся фронте. Лангобардам и алеманнам на своих участках удалось одержать победы над славянами, «и большое количество пленных из страны славян увели с собой алеманны и лангобарды»^[345].

На пути главного, австразийского войска, встала славянская крепость Угоштыград (по-германски Вогастисбург). Ее довольно трудно отождествить с конкретным пунктом из известных ныне — но все указывает на долину Огрже или верховья Майна, где несколько подобных названий известны^[346].

Град не являлся «столицей» Само — но резиденцией одного из подвластных ему лучанских жупанов, по имени коего (Угост) и был назван. Не исключено, что здесь находился центр земли лучан. Защищал преграждавшую франкам путь крепость «многочисленный отряд стойких винидов».

С налета град захватить не удалось. Австразийцы окружили его и попытались взять приступом. Бои продолжались три дня. Славяне сражались храбро и стойко. Австразийцы же, раздраженные поведением своего короля после переезда в Париж, участвовать в его завоевательной войне не слишком хотели. В итоге боевой дух славян взял верх над многочисленным франкским войском. Когда «многие» франки погибли, их соратники бросились в бегство, прочь от неприступного града. Славянам они оставили «все палатки и вещи, какие имели». Поход, успешный для союзников Дагоберта, для него самого кончился грандиозным провалом^[347].

Подданные Само защитили свои главные земли. Однако одной победы мало — и Само это понимал, особенно с учетом поражений на юге. Потому он не стал прекращать борьбу, а перешел в наступление. По всему пограничью теперь запылала война. Причем франки оказались в положении обороняющихся. Теперь-то они сполна познали цену посольского «неразумия» и королевской «надменности». Славянские отряды совершали набеги на все пограничные области, опустошая их. Особенно страдала от этих набегов зависимая от франков Тюрингия.

Агрессия Дагоберта против славян Само встревожила другие, доселе союзные франкам славянские племена. Победа же лучан и последующие набеги воинов Само на франкские земли вселяли уверенность, что за «королем винидов» сила. Князь белых сербов Держан уже вскоре после начала войны разорвал союз с Дагобертом и «предался со своими людьми королевству Само». В итоге владения Само сильно расширились к северу, охватив междуречье Лабы и Заале. Опасность же для Тюрингии, вся восточная граница которой превратилась теперь в край войны, резко возросла^[348].

Сумел Само укрепить и только что пострадавшие южные рубежи своей державы — правда, с помощью не зависевших от него обстоятельств. Уже говорилось о том, что в год начала войны в Аварском каганате разразилась междоусобица. Болгарский хан Альцек, потерпевший поражение в борьбе за каганский титул, увел с собой вниз по Дунаю 9000 болгарских воинов с семьями.

Сначала Альцек попросил приюта у Дагоберта, видя в нем врага авар. Дагоберт расселил болгар на зиму в зависимой от себя Баварии. Однако он не доверял кочевникам. К тому же на восточной границе

бушевала новая война, теперь уже со славянами. Ссориться с новоявленным каганом, сколь бы тот ни был ослаблен, Дагоберт не собирался. Потому «по совету франков» король приказал баварам коварно истребить болгар. Бавары, отягощенные постоем кочевников, с готовностью повиновались. Разведенные по домам болгары были в одну ночь перебиты хозяевами. От резни спасся лишь сам Альцек с семьей сотнями воинов. Вместе с уцелевшими женщинами и детьми они бежали из пределов Баварии к врагам Дагоберта — славянам. Только что претерпевший от лангобардского вторжения владыка (Walluc у Фредегара) альпийской «марки винидов» охотно принял беглецов. Альцек, исполненный справедливой ненависти к франкам, оказался для него надежным и полезным союзником. «Много лет» он со своими воинами провел среди здешних славян, поддерживая их^[349].

В 632/3 г. славяне «войском» обрушились на пределы Тюрингии. Находившийся в Австразии Дагоберт, получив эти вести в здешней столице Меце, спешно собрал свою рать и двинулся к границе. Ненадежное австразийское войско Дагоберт укрепил отрядом знатных воинов из Нейстрии (западной части королевства) и Бургундии. На переправе у Майнца короля, однако, остановило посольство саксов, плативших тогда франкам дань. Саксы предложили Дагоберту в обмен на освобождения от дани прикрывать границу и воевать с «винилами». Дагоберт согласился и прекратил свой поход. Но саксы просто использовали обстоятельства — против Само они то ли ничего вообще не предприняли, то ли не слишком старались предпринять^[350].

В следующий год царствования Дагоберта, 633/4, Само организовал еще несколько набегов на Тюрингию и лежащие к югу от нее земли. Славяне в ту пору «сильно неистовствовали» по всей пограничной полосе. Тогда Дагоберт решился, наконец, удовлетворить чаяния обиженных на него австразийцев и назначить им собственного короля. Таковым стал его сын Сигиберт — под контролем местной знати. Это действительно дало некоторые результаты. Во всяком случае, австразийские аристократы стали больше внимания уделять защите восточной границы. Само уже не удавалось нанести на этом участке такой ущерб, как прежде^[351].

В 634–635 гг. со славянами повел ожесточенную борьбу франк Радульф, поставленный герцогом Тюрингии. После «многих» битв ему удалось наконец разгромить отряды Само и Деврана, доселе

безнаказанно пересекавшие тюрингскую границу. «Виниды» бежали и больше не беспокоили герцогство^[352]. С этого времени о набегах славян не упоминается. Поражение в Тюрингии и укрепление австразийской границы заставили Само удовлетвориться достигнутым. Франков достаточно проучили. Однако ни о какой «дружбе» речи, конечно, идти больше не могло. Славяне Само и франки оставались врагами.

Война Само и Дагоберта, разумеется, не оставалась тайной для остальной Европы. За ней должны были пристально следить и из Константинополя, особенно с учетом выдающихся достижений славян за последние годы. В то время как Дагоберт терял союзников в Славянском Мире одного за другим, Ираклий предпринимал решительные меры к тому, чтобы теснее привязать славян к Империи.

Хорваты в пору войны с Само сохранили верность союзу и с франками, и с Византией. Желая закрепить этот союз, Ираклий через некоторое время после переселения их на Балканы затребовал из Рима проповедников христианства. Отправил их папа Гонорий (умер в 638 г.). Причины обращения Ираклия за священниками для славян в Рим понятны. Далмация всегда относилась к римской юрисдикции, да и сношения с Константинополем через Фракию и Македонию были теперь едва возможны. Ираклий организовал в балканской Хорватии церковную иерархию, назначив из числа прибывших архиепископа и епископа. Союзная ромеям хорватская знать благосклонно приняла проповеди римлян и крестилась. Ей последовал народ — или немалая его часть. Затем от тех же римских священников, доверившись убеждениям Ираклия, приняла крещение и большая часть балканских сербов во главе со своим князем^[353]. Таким образом, свершилось первое обращение целых двух славянских племенных княжеств в христианство.

Событие это может считаться поворотным пунктом в истории славянства, и действительно, значимость его весьма велика. Однако переоценивать глубину этого первого обращения сербов и хорватов не следует. Впереди еще были целые века борьбы христианства и язычества, колебаний и массовых отступничеств. Сербская и хорватская знать, тем более массы народа, едва ли восприняли истины новой веры глубоко, едва ли отринули сам факт существования своих языческих богов. Для князей и жупанов крещение, обращение к Богу

«греков», пока являлось просто еще одним знаком союза с Империей. Но было здесь и важное на будущее — преклонение перед явленными богатствами ромейской культуры, стремление к ее восприятию, сомнение в ценности язычества. Здесь со временем открывалась дорога к христианству истинному.

При крещении хорватов, по преданию, папа потребовал от них клятвы, что они «никогда не отправятся в чужую страну и не будут воевать, а, напротив, будут хранить мир со всеми желающими». Среди хорватов веками сохранялась легенда об особой молитве, полученной ими «от самого римского папы» — «если какие-либо иные народы выступят против страны самих хорватов и принудят их воевать, то Бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу»^[354]. Во времена войны Само с франками и стычек в Далмации такая клятва являлась весьма уместной.

В 640 г. на римский папский престол взошел папа Иоанн IV, родом далматинец. Поборник ортодоксии, он не поддерживал сношений с Ираклием, искавшим компромисса с монофизитами под флагом так называемого монофелитства — учения о «единой воле» Христа. В то же время Иоанн не оставлял свою новую балканскую паству. Заботило его, правда, положение собственных соплеменников, далматинцев, ютившихся на островах и продолжавших воевать со славянами. Иоанну удалось добиться выкупа далматинских пленников и некоторой взаимной терпимости между хорватами и далматинскими беженцами. Сразу после восшествия на престол Иоанна в Далмацию и Истрию отправился специальный представитель папы — аббат Мартин. Ему было поручено выкупить на папские деньги пленников, захваченных славянами в здешних городах. Мартин нашел в опустошенных провинциях немало святых мощей и отвез их папе, поместившему их в римских соборах. Аббату удалось выкупить у славян многих рабов-христиан и вернуть их родне. Римский аббат оставил по себе добрую память у далматинцев^[355].

После прекращения военных действий кое-кто из салонитов вернулся в окрестности родного города. Но в самом городе они селиться не стали, боясь врагов. Следует иметь в виду, что южную часть округа занимали неретвяне, на которых папа никакого влияния не имел. К тому же из всех городских зданий к тому времени сохранился только театр в западной части Салоны. Многие сапониты

перебрались далеко на север, в Задар, превратившийся теперь в столицу романского побережья. Славяне, в свою очередь, их не беспокоили^[356].

Между тем мир установился и на севере славянских земель. Причиной тому стали смуты в среде самих франков.

Одержав победу над славянами и завоевав популярность среди тюрингов, герцог Радульф стал проявлять все больше самостоятельности. Когда в 639 г. умер Дагоберт, Франкское государство вновь оказалось поделено на части. Радульф отказался подчиняться малолетнему австразийскому королю Сигиберту и в 641 г. начал открытое восстание. Сигиберт, которому исполнилось лишь 11 лет, выступил против мятежника. Однако его попытки командовать самому вкупе с прямой изменой военачальников привели к поражению на реке Унструт. Король едва спасся.

После этого Радульф провозгласил себя независимым королем тюрингов. Хотя он и признавал «власть» над собой Сигиберта, но теперь это выглядело довольно издевательски. Одним из первых действий короля Радульфа стало заключение мира и союза со славянами Само^[357]. Война в Тюрингии, приостановленная некогда полководческим талантом Радульфа, теперь закончилась благодаря его мятежу. Тюринги могли окончательно успокоиться насчет славянских набегов. Сербы же вновь получали возможность мирно расселяться в отныне независимом Тюрингском королевстве. После этого франки, занятые внутренними распрями, надолго оставили славян в покое. Само же, не начинавший эту войну, едва ли добивался чего-либо другого. Так что победа осталась за ним.

Война за Фессалонику

Война славян с франками и лангобардами не могла совсем не повлиять на события, происходившие дальше на юге, на Балканах и Адриатическом побережье. Она подтолкнула усилия по крещению хорватов и сербов. Однако, умиротворяя славянских соседей, Ираклий преуспел не вполне. Это стало ясно уже сразу после его смерти в 641 г. Славянские племена в течение нескольких лет активизировались на огромном пространстве от далматинских берегов до Халкидики.

Причины происходящего были достаточно очевидны. Вызрело новое поколение, родившееся уже на Балканах и не заставшее войн с Империей в сознательном возрасте. Это давало и значительный прирост населения — а развернуться в балканских горах было гораздо сложнее, чем на вдовину безлюдных просторах Восточной и Центральной Европы. Особенно это касалось плотно заселенных Македонии и Греции, где свободной земли острее всего не хватало. Взоры молодых воинов, строивших собственные семьи и надеявшихся пропитать их, невольно обращались к сочтенным их отцами за неприступные богатым ромейским городам и полям вокруг них. Стоит отметить, что владения славян во Фракии в ту пору уже подступали к самым предместьям столицы — город Виза примерно в 90 км к северо-западу от Константинополя считался пограничным^[358]. С другой стороны, однако, — и это показали дальнейшие события, — часть имперского чиновничества и знати, особенно на местах, сама была готова спровоцировать войну. Империя в Европе, как надеялась эта партия, понемногу восстанавливала силы. Славяне же консолидировались, что само по себе внушало тревогу.

Южные славяне к этому времени и вправду стали лучше организованы. Не только союзные Империи сербы и хорваты создали мощные союзы племен. По всему Балканскому полуострову к югу от Дуная возникали славинии — славянские племенные княжества с довольно четкими границами^[359]. Где-то славиния представляла собой племенной союз. Где-то — отдельное большое племя.

На западе такими славиниями являлись Сербия, Хорватия и Дукля. В Македонии сложилось к середине VII в. два мощных

племенных объединения — ринхины к западу от Фессалоники и струмляне к востоку от нее. Вместе они составляли союзные «части» «всего народа славян» в Македонии^[360]. Названия союзов родились уже на месте и происходили от обтекавших Халкидику рек. Струмляне, или стримонцы, обитали на Струме. Главенствующим племенем здесь позже являлись смоляне. Поселения струмлян охватывали Фессалонику и с севера, ближайшее находилась в Литях, примерно в 12 км от города^[361]. Ринхины жили по Вардару^[362]. Среди них главными были дреговичи, в свою очередь, делившиеся на несколько племен со своими князьями-«риксами»^[363]. Из их числа выдвигался общий «рикс» (великий князь?) ринхинов — в середине VII в. им был Пребуд^[364]. В тот же племенной союз вошли и близкородственные дреговичам берзичи. Что касается их соседей сагудатов, то они сохраняли от ринхинов самостоятельность, хотя постоянно поддерживали их^[365]. Славян Фракии объединял союз Семи родов во главе с северами. Велеездичи и другие расселившиеся в Элладе племена образовывали собственные славинии. Определение границ славянских княжеств, конечно, приводило к новым конфликтам с «греками».

Момент для нового наступления на уцелевшие осколки имперских провинций был подходящий. Империя вновь подверглась нашествию с Востока — на этот раз арабскому.

Вдохновляемые только что провозглашенным исламом, арабы стремительно расширяли пределы новой мировой державы — мусульманского Халифата. Под их натиском уже рухнули границы Сирии, Палестины, Египта. Ираклий, искавший поддержки на Востоке за счет уступок монофизитам, только добавил к внешней войне внутреннюю смуту. Его внук Константин II, вступивший на престол в 641 г., тщетно пытался остановить натиск нового врага.

Есть, впрочем, все основания думать, что воздействие на южных славян оказал и пример Само. Вступление лангобардов в войну Само с франками — даже без его усилий — вызывало цепную реакцию дальше на юг, по Адриатике. А нет оснований предполагать, что Само никаких усилий для отвлечения сил лангобардов не предпринимал. Активные и несколько поспешные меры Ираклия в Сербии и Хорватии указывают, что император ромеев ощущал некоторую угрозу. Во всяком случае, активизация южных славян началась именно с

Адриатического побережья, и первыми ощутили ее последствия именно лангобарды.

Когда сербы принимали крещение, три приморских племенн-жупы между реками Неретвой и Цетиной отказались креститься и сохранили верность старым богам. Они составили полунезависимый племенной союз неретвлян, или поганых (от латинского *pagani* — «язычники»)^[366]. Хорошо освоившие мореходство, потеснившие со временем далматинцев на прибрежных островах, неретвляне стали жить не только обработкой своих угодий или морскими промыслами, но и пиратством. Главной целью морского разбоя стал захват рабов. Примеру неретвлян вскоре последовали некоторые южные соседи — союзные Византии, но не крестившиеся вместе с сербами дукляне, войничы в Эпире, велеездичи в Фессалии.

Об их образе действий позволяет судить эпизод с африканским епископом Киприаном, имевший место как раз в 640-х гг. Отправившись в Константинополь, он на корабле «приблизился к берегам Эллады» с эгейской стороны, в принадлежавшей велеездичам Фессалии. Здесь на судно напали «дикие славяне». Главной их целью был захват рабов. Всех находившихся на корабле взяли в плен и поделили между победителями. Пленников, в том числе и Киприана, славяне увели в «свои места» — примерно в восьми днях пешего пути от Фессалоники. Отсюда епископ спасся по чудесному заступничеству святого Димитрия Солунского^[367].

Со временем славяне перестали ограничивать себя налетами на проплывавшие корабли. Теперь они старались уже закрепиться на островах или даже на противоположном лангобардском берегу Адриатики. Первые сведения об этом появляются сразу после смерти умиротворявшего здешних славян Ираклия.

В 642 г. «множество кораблей» славян (неретвлян или дуклян) появилось у побережья Беневентского герцогства. Они высадились близ города Сипонта (ныне Манфредония на полуострове Гаргано). Отсюда славяне двинулись на юг вдоль побережья и разбили лагерь у реки Офанто. Стан свой они защитили от возможной конной атаки «скрытыми ямами». Вскоре те пригодились — герцог Беневентский Айо во главе своей дружины напал на разбитый в его землях славянский стан. Славяне не вышли в поле, Айо же, ринувшись на штурм, угодил со своей кавалерией в ловушку. Когда лангобардские

всадники провалились в ямы, славяне бросились на них и перебили в «немалом числе». Вместе с прочими погиб и сам герцог.

Вскоре после гибели Айо победители-славяне столкнулись с отрядом под командованием Радоальда, его названного брата и наследника. Радоальд приходился младшим братом покойным фриульским герцогам Тазо и Какко — тем самым, что взяли дань с Зильи. Потому он владел славянским языком и, вступив в переговоры с вождями напавших, сразу заговорил с ними по-славянски. Неожиданно зазвучавшая из уст врага родная речь усыпила бдительность славян. Они доверились Радоальду и отложили битву. Поняв, что славяне не ждут нападения, Радоальд внезапно бросил своих воинов в атаку. В происшедшем бою славяне подверглись «большому избиению», уцелевшие бежали к своим кораблям и покинули Италию^[368].

Перешедшее и на Эгеиду пиратство вызвало растущее беспокойство в Фессалонике. Город почти три десятка лет поддерживал мир с окрестными славянами, и славянская знать свободно бывала в его стенах. Ринхинский князь Пребуд ходил в «одежде ромеев» и свободно владел греческим языком^[369]. Но многие горожане полагали, что мир соблюдается «только внешне». Наместник Фессалоники, обеспокоенный соседством, решил обезглавить славян. Стремясь заручиться в этом деле поддержкой императора, он в 645 г. ^[370] отправил ко двору письмо. В нем он доносил, будто Пребуд «с хитрым умыслом и с коварным намерением злоумышляет против нашего города». Ничего достоверного наместник не знал, а оклеветал Пребуда, исходя из собственных представлений о славянской злокозненности^[371]. Пребуд вряд ли являлся беззаветным другом ромеев, но, во всяком случае, ценил их культуру и перенимал их привычки

Констант, готовившийся к тяжелой войне с захватившими Египет арабами, встревожился. В ответном письме епарху Фессалоники он приказал каким-нибудь способом захватить Пребуда и прислать его связанным в Константинополь. На свою беду, ничего не подозревавший Пребуд в тот момент находился в стенах Фессалоники. Епарх созвал на тайный совет согласных с ним представителей городской знати, и вместе они порешили захватить славянского вождя немедленно. Императорский приказ был исполнен. Пребуда внезапно захватили, заключили в оковы и спешно отправили в столицу^[372].

Предательство ромеев и коварный захват князя, естественно, всколыхнули славянскую округу. Впрочем, ринхины и струмляне пока не собирались воевать. Знать Фессалоники не была едина в нарушении договора. Большинство горожан совсем не хотело подвергать Фессалонику опасности уже четвертой славянской осады. В конце концов, под давлением славян разум в городе взял верх. Солунцы вместе с ринхинами и струмлянами отправили к Константу посольство. Его составили знатные славяне и «опытные» в пробивании городских интересов при дворе солунские граждане. Послы просили Константа ни в коем случае не убивать Пребуда, а «простить ему грехи и отослать к ним». Константин, занятый подготовкой к морскому походу в Египет, отделался от послов обещанием освободить славянского князя «после войны»^[373].

Удовлетворяя требованиям послов, император приказал снять с Пребуда оковы, «предоставить ему одежду и все необходимое для повседневных нужд». Узнав от вернувшихся посланцев об этом, славяне отказались от мысли начать военные действия — при условии, что Пребуд будет освобожден^[374]. Однако Константин еще даже не успел отправить свою экспедицию, как события вышли из-под его контроля.

Императору служил и был любимцем, как его, так и многих среди столичной знати, некий толмач, владевший имением во Фракии близ города Виза. Тесно общаясь со славянами, а может, и сам будучи славянином, он проникся сочувствием к судьбе Пребуда. Вместе они замыслили побег князя. Пребуд должен был, используя открывшуюся свободу передвижений, бежать в имение толмача, а оттуда тот его через несколько дней заберет и проводит в Македонию. Первая часть плана прошла вполне успешно. Пребуд, одеждой и языком неотличимый от ромеев, покинул Константинополь через Влахернские ворота и тайно поселился в условленном месте^[375].

Констант, узнав о случившемся, пришел в ярость. Отвлеченный от своих приготовлений император расправился и с правыми, и с виноватыми. Охранников Пребуда долго пытали, некоторых затем зарубили, а особо заподозренных четвертовали. Другие отделались довольно легко — их всего лишь отстранили от должностей. В эту опалу попал и епарх Константинополя, сосланный в Фессалонику. Отправив с ним боевой корабль-дромон, император «заботливо» велел тамошним жителям в связи с побегом Пребуда готовиться к войне —

«позаботиться о своей безопасности, а также о запасах съестного». Повергнув Константинополь в панику, Константин запер все ворота, закрыл городскую гавань и разослал на поиски беглеца конников и корабли. Тщетный розыск продолжался посменно около сорока дней^[376].

Пребуд в эти дни скрывался в тростниках близ имения толмача, подкармливаемый его женой. Имение располагалось не так уж далеко от столицы — неудивительно, что в итоге князя все-таки обнаружили. В принципе, Пребуд за время розысков мог бежать к соседним фракийским славянам, но его подвели то ли нерешительность, то ли верность данному слову. Рассерженный на так и не явившегося толмача или пытаясь отвести вину от себя, Пребуд по доставке в Константинополь сразу выдал сообщника. Толмача с женой и детьми убили. Пребуда же Константин вновь заключил под стражу, обещав, правда, потом отправить в Фессалонику^[377].

Обещания, однако, Константин не сдержал — или сдержать его не было суждено. Императору донесли, что Пребуд снова замышляет побег. Константин, предупредив бегство, велел провести «тщательное расследование». Обозленный и отчаявшийся, Пребуд заявил, что «если вернется в свою землю, то совершенно не сдержит слова о мире, но, собрав все соседние племена, ни на суше, ни на море, как говорится, не оставит в конце концов места, не охваченного войной, а будет воевать непрестанно и не оставит в живых ни одного христианина». Удовлетворенный Константин велел убить славянского князя^[378].

Война началась немедленно. Ринхины, сагудаты и струмляне договорились о совместном нападении на Фессалонику. Было решено, что славяне окружат город и будут тревожить его каждодневными атаками. С востока и с севера взялись нападать струмляне. Запад взяли на себя ринхины и сагудаты.

Кроме того, они же обязались посылать каждый день по три-четыре «соединенных корабля» из связанных ладей, чтобы отрезать горожан с моря и атаковать гавань^[379].

Четвертая, самая долгая, осада Фессалоники славянами началась поздним летом 645 г., вскоре после отправки экспедиции в Египет. В 11 часов дня славяне одновременно и внезапно атаковали окрестности Фессалоники с востока и с запада. Они жестоко опустошили предместья. После этого ринхины и их союзники каждый день, сменяя

друг друга, приближались к стенам то с одной, то с другой стороны. Они захватывали скот, не давали солунцам работать на полях, вконец разрушили предместья, заперли непрерывными налетами гавань, «непрерывно убивали и брали в плен». Вскоре славяне добились ожидаемого результата. В городе начался голод. Собственно говоря, произойти этого было не должно. Константин заблаговременно направил в Фессалонику припасы. Непредусмотрительные и корыстные городские чиновники, однако, тайно сбывли императорскую поставку заезжим купцам. Как раз вечером перед нападением ушел последний транспорт^[380].

Констант, чьи основные силы связала безуспешная кампания на Востоке, смог выслать — правда, «сразу же» — на помощь Фессалонике лишь 10 боевых кораблей. На них приплыли не только воины, но и дополнительные припасы. Однако ведавшие их распределением императорские чиновники оказались ничем не лучше — пожалуй, и хуже — местных. Они продавали или обменивали хлеб несчастным втридорога, в буквальном смысле сдирая с них последнюю рубашку, а то и обращая граждан в рабство. Защищаясь от конкуренции, новые хозяева города велели своим солдатам повсюду разыскивать спрятанный хлеб и убивать прячущих^[381].

Нападение помешало горожанам собрать урожай, скот же в городе скоро кончился. Голод вынудил граждан запираť ворота перед спасающимися бегством жителями предместий. Понятно, что беженцы только усугубляли голод. Горожане поедали ослов и лошадей, считавшиеся несъедобными растения. Понимая их положение, желавшие взять город измором славяне травили и выжигали пригородные поля. Когда некоторые из граждан Фессалоники рисковали выходить за ворота на поиски съедобных трав, их поджидали засады. Славяне между приступами скрывались в стенах пригородных храмов, нападали оттуда, «грабили, захватывали и убивали» злосчастных солунцев^[382].

Между тем как «соединенные корабли» славян то и дело налетали на городскую гавань, ладьи-однодеревки укрывались «между скал или в скрытых местах». Всякое судно, вышедшее в море, подвергалось нападению. В результате после прибытия императорской помощи «прекратилось отсюда мореплавание». Те из горожан, кто пытался все-таки добыть пропитание на море, погибли от рук осаждающих^[383].

Осада с беспрестанными тревогами тянулась и тянулась месяцами. Положение усугубила наставшая засуха. Вскоре славяне дождались перебежчиков. Многие граждане, полностью отчаявшись, бросали свои семьи, даже отрекались от христианства и переходили к осаждавшим. Когда, однако, перебежчиков за долгое время набралось «множество», славянские вожди обеспокоились. Большое число греков в их селениях внушало тревогу. Предводители осады решили продать перебежавших солунцев в рабство своим северным славянским соседям. Лишь некоторым удалось бежать обратно в город — и принесенные ими вести остановили поток перебежчиков^[384].

Вскоре осаждающим удалось существенно ослабить и воинские силы Фессалоники. «Некие славяне» уверили руководителей обороны, что намерены предать соплеменников и выступить на стороне города. На северную сторону, к дюнам, на соединение с ними был послан «цвет сильнейших». Ромеи попали в засаду и были поголовно перебиты^[385]. Славяне продолжали платить коварством за коварство.

Изматывающая осада длилась уже почти два года. Последнее пропитание в Фессалонике заканчивалось, «всякое человеческое искусство и выдумки стали бессильны»^[386]. Тогда горожане решили отправить все уцелевшие суда и лодки со всеми пригодными к бою людьми на юг, в Фессалию. Они должны были попытаться купить хотя бы сушеные плоды для пропитания у велеездичей. Те пока ничем не выказали враждебности к городу и как будто соблюдали мирный договор. Все оставшиеся в городе («слабые и беспомощные») не должны были ни под каким видом выходить за ворота до возвращения флотилии^[387].

Славяне не рискнули воспрепятствовать большому флоту — тем более что осознали, какую выгоду предоставляет уход почти всего боеспособного населения. Поняв, что в городе осталось лишь сравнительно небольшое число вконец обессиленных людей, князя дреговичей вдохновили союзников на решительный штурм. Среди дреговичей имелись искусные мастера осадного дела, заверившие своих вождей в том, «что в любом случае возьмут город». Теперь в распоряжение славян находились не только камнеметы и «черехахи», осадные башни и тараны, но и «огненосные орудия». Славянские мастера осваивали ковку мечей и совершенствовали стрелы. Они соревновались между собой в изобретательности, «стараясь казаться

более сообразительными и более усердными в помощи племенным вождям»^[388].

Один из славянских инженеров, «умевший достойно держать себя, дельный и разумный», имевший большой опыт в осадном деле, обратился к новому верховному «риксу» с предложением. Он попросил помощи в сооружении «великолепной башни из крепко соединенных бревен» «на колесах или каких-нибудь катках». Башню он предполагал покрыть, как и положено, свежими шкурами, вдобавок же «установить сверху камнеметы и оковать с двух сторон». Башня задумывалась трехэтажной, «чтобы в ней помещались лучники и пращники», между зубцами же должны были стоять тяжеловооруженные воины. С помощью такой конструкции, утверждал мастер, славяне «обязательно возьмут город»^[389].

Судя по реакции славянских «архонтов», древнегреческий гелепол был для них (как, кстати, и для обитателей Фессалоник^[390]) в новинку. Впрочем, придумщик действительно несколько усложнил конструкцию, увеличив ее разрушительную силу. «Архонты» потребовали от него «изобразить на земле устройство указанной машины». Мастер немедля сделал подробный чертеж. Тогда поверившие князья предоставили ему «много юношей» в помощь для сооружения башни. Однако, когда «огромное стечение» людей взялось за работу, мастера внезапно охватило безумие. Он бросился прочь от собравшейся толпы. Его попытались силком вернуть к работе, но он вырвался и вновь убежал. Догнать его не сумели. Потеряв всю одежду, он скрылся «в труднопроходимых горах». Из-за этого работу над гелеполом прекратили^[391]. В распоряжении славянских князей и без того имелось достаточно техники.

25 июля 647 г. славяне всем войском приблизились к Фессалонике. На море вышло «бесчисленное множество судов». С запада к городу подступили ополчения ринхинов и сагудатов. Однако в этот момент неожиданно предали струмляне — подойдя к городу на три мили, их войско внезапно повернуло назад. Похоже, их вожди в итоге решили выждать и не класть головы своих воинов на стенах Фессалоники ради мести за ринхина Пребуда^[392]. К слову, такую же позицию, только с обратным знаком, заняли и велеездичи. Когда к ним прибыли солунцы, они решили продать им продовольствие — но если узнают о взятии города сородичами, то всех перебить. Они

внимательно следили за происходящим и не желали подставлять себя из-за греков гневу ринхинов^[393].

Несмотря на измену струмлян, сил ринхинов и их союзников вполне хватило, чтобы оцепить город со всех сторон от моря до моря. По морю же курсировали «соединенные корабли». Славянские разведчики на суше, а корабельщики с моря высматривали слабые места в обороне. Дреговичские манганарии принялись за обустройство своей военной техники. «Осадные сооружения» устанавливались «вдоль всей стены». За прошедшие почти два десятилетия горожане отвыкли от вида смертоносных машин под своими стенами — одно зрелище славянских приготовлений повергло оставшихся в городе в отчаянную панику^[394].

Подступив к городу на рассвете, славяне занимались только подготовкой к приступу. Большая часть воинов набиралась сил. Свои надежды славянские князья возлагали на штурм всей стены с использованием приготовленных орудий. На рассвете 26 июля под «единодушный» боевой клич, от коего «земля сотряслась и стены зашатались», везя осадные машины, ринхины и сагудаты правильным строем двинулись к стенам. Отдельными, согласованно действующими отрядами шли на приступ «лучники, щитоносцы, легковооруженные, копьеметатели, пращники». Славяне приставляли к стенам лестницы и подносили огонь к воротам. К берегу Фессалоники подплыли «соединенные корабли». На город обрушилось «подобное зимнему или дожденосному облаку бесчисленное множество стрел, с силой рассекавших воздух и превращавших свет в ночную тьму»^[395].

Наибольшего успеха осаждавшие добились у малых ворот на севере Фессалоники, на участке, где не было внешней стены. Они подпалили ворота, поддерживая огонь дровами, — пока копья, камни и стрелы штурмующих не давали немногочисленным защитникам даже «высунуться за стену». Деревянные конструкции ворот дотла сгорели, и когда огонь потух, славяне ринулись на штурм. Но их глазам открылось поразительное зрелище — железные опоры ворот спаялись от огня и превратились в трудноодолимую преграду. Напуганные славяне отпрянули. «Тогда, — пишет автор “Чудес святого Димитрия”, — избавитель наш и помощник, великомученик Божий, явился не во сне, а наяву... Он шел пешком, был одет в хламиду и в руке нес жезл. И когда через эти вышеуказанные ворота славяне хлынули в город, он

изгонял их и, ударяя жезлом, говорил: “Бог привел их на злосчастье — так что здесь делаю я?” Вот так он выгнал их из города через указанные малые ворота... Другие также видели сего мученика и спасителя города, бегущего по стене...» Как бы то ни было, в город славянам войти не удалось. Им «незримо было причинено множество побоев, ран и убийств не только в этом месте, но и по всей суше и у моря»^[396].

Следующие три дня упорные приступы продолжались. Славяне пытались ворваться в город на других присмотренных заранее участках. Однако горожане, вдохновленные передававшимися из уст в уста слухами о чудесных явлениях, защищались мужественно. К 29 июля славяне отчаялись взять город. Одни князья были ранены, иных внезапно свалила какая-то болезнь. Другие племена обрушились на дреговичей с обвинениями: «Не вы ли говорили нам, что в городе нет никого, кроме нескольких стариков и немногих женщин? Откуда же взялось в городе такое множество людей, противостоявшее нам?» Разлад между осаждавшими покончил с осадой. Славяне, «враждуя друг с другом», разошлись восвояси. При этом они бросили уцелевшие осадные машины, которые затем солунцы выставили напоказ в городе^[397].

Узнав о поражении ринхинов и сагудатов, велеездичи устыдились и признались находившимся у них солунцам в своих замыслах. Славяне сами рассказали им о поистине чудесном спасении их города. «Они и сами стали восхвалять Бога, который спас немногих, укрепил слабых и наказал гордых». Искупая вину, велеездичи продали горожанам отнюдь не только «сушеные фрукты» — солунцы вернулись в родной город спустя несколько дней после окончания осады «с хлебом и овощами»^[398].

Вскоре после окончания осады в Фессалонику явился с гор упоминавшийся выше изобретатель-славянин. Рассудок к нему вернулся, и он поведал о происшедшем с ним следующее: «Когда он начал работу, он увидел какого-то огненного мужа в прекрасных одеждах, который ударил его рукой по щеке. И с тех пор он потерял рассудок и память». Во всяком приближающемся ему чудился неведомый «огненный муж». Потом мастер «снова увидел его, и тот вернул его из пустыни и сказал ему, чтобы он не боялся, а шел в город искать его». Уверившись, что ему являлся святой Димитрий, славянин

«возвестил всем о вышесказанном чуде» и немедленно крестился^[399]. Безотносительно к судьбе этого мастера, очередное поражение у Фессалоники внушило многим окрестным славянам трепет перед Богом христиан. Это видно и на примере велеездичей.

Все же на протяжении еще некоторого времени ринхины с сагудатами продолжали терзать Фессалонику набегами. Ежедневно они появлялись в окрестностях города. Горожан, беспечно выходявших за стены, захватывали в плен из засад. Однако без поддержки струмлян эти действия долго продолжаться не могли, и к концу года ринхины их прекратили. После этого, однако, оба племенных союза, возобновив свои сношения, занялись прибрежным пиратством. Опасность для города отступила, но он оставался в блокаде^[400].

Длившиеся два года бои под Фессалоникой, конечно, возбудили многие славянские племена. Те же велеездичи воспользовались ситуацией, чтобы захватить и разрушить один из последних имперских центров в Фессалии — Новый Анхиал^[401]. В то же время или чуть позднее на Пелопоннесе славяне окончательно завладели Аргосом, изгнав местных жителей^[402].

Где-то в середине VII в. славянские пираты (велеездичи или жители Аттики) вновь, впервые со времен великого нашествия, переправились в юго-западную Малую Азию. На этот раз они не ограничились опустошением побережья, внедрившись в поисках рабов в горы. На одно из горных селений они напали в воскресенье и ворвались в церковь во время службы. Они дали священнику закончить причащение христиан, а затем потребовали дать пресуществленные хлеб и вино и им. Священник отказался. Славяне насмешливо спросили: «Зачем вы так надеетесь на это, неужели это Бог ваш?» В ответ прозвучало: «Это плоть Того, Который распялся за нас, Иисуса Христа, Спаса нашего, Который есть истинный Бог». — «Неужели не стыдно вам, — расхохотались славяне, — уповающим на то, что после переваривания станет калом?» «Да не будет этого пред Богом, никогда не поверим, что это так», — твердо ответил священник. «Когда те выслушали это, — рассказывал о происшедшем живший тогда поблизости монах Феодор, — заставили его съесть все частицы и сразу после этого распороли ему, еще живому, живот, но ничего из тех частиц не нашли там. Увидев это, они удивились этому воистину

чудному из чудесных явлению, вышли из деревни той и, не уведя с собой никого, спешно удалились оттуда. Истинный же пастырь тот отдал душу свою Господу и благодарил Того, Который удостоил его мученической смерти»^[403].

Не спадала в те годы напряженность и на западе, у Адриатики. Тем же временем при желании можно датировать описанную в Летописи попа Дуклянина гибель родоначальника дуклянских князей — Остроила. По дуклянскому преданию, Остроил (предстающий здесь как властитель всех сербских и хорватских земель) после покорения Превалитании отправил своего сына завоевывать Загорье. Сам же князь остался в Скодре («Превалитанском городе»). «Император Константинополя», узнав о том, что Остроил лишь с «немногими» находится там, отправил против него войска. Остроил, захваченный врасплох с небольшой дружиной, «будучи мужем твердого духа, изготовился и вступил в бой». Но ромеи взяли числом — Остроил погиб, а его соратники после этого бежали. Добыча славян досталась императорским войскам. Когда сын Остроила, Сенудслав (имя в летописи явно испорчено; Всеслав?), узнал о смерти отца, то, не догнав посланцев императора, стал люто мстить христианам из «приморских городов». Он якобы 12 лет владел огромным королевством «от Вальдевина (т.е. хорватского Винодола) до самой Полонии», включая «приморские и загорские земли»^[404].

Всего от гибели Остроила до князя Владина, при котором пришли на Дунай болгары, прошло 33 года^[405]. Таким образом, Остроил мог бы пасть в 647 г. Однако и 33, и 12 — типичные не только для славянских преданий «эпические», округленные сроки. Цена им как точным датировкам невелика. О 33 годах в дуклянском предании, скорее всего, действительно говорилось как о сроке, отделяющем действие сказания об Остроиле от прихода болгар. В том смысле, что приход болгар имел место спустя много лет после пришествия дуклян и сербов. Итак, с точностью мы датировать гибель Остроила не можем. В предании много и других недостоверных деталей, обычных для эпоса преувеличений. Дукляне в VII в. не представляли единства ни с сербами, ни с хорватами. А значит, картина великой державы «от Вальдевина до Полонии»^[406] с Загорьем — вымысел.

Но это не значит, что предание о гибели Остроила — тоже вымысел. Подобные сюжеты не рождались на пустом месте. За

фигурами Остроила и Сенудслава, вне сомнения, стоят конкретные исторические лица VII в. Более того, историческую основу предания надо искать именно в событиях середины этого столетия, когда отношения Империи со славянами вновь обострились после пактов Ираклия. С Ираклием дукляне поддерживали мир — следовательно, гибель их первого князя должна была случиться позднее. Не исключено даже, что «загорский» поход Сенудслава отражает какое-то вмешательство дуклян в события на землях Македонии. Не обязательно, правда, делать столь далеко идущие выводы, как и связывать конец Остроила с подлинной карательной экспедицией из Константинополя. Князь дуклян мог пасть и жертвой столкновения с местными романцами из Бара, которых преувеличенное предание за века превратило в «императорские войска».

Правда, карательный поход имперской армии на славян в середине VII в. действительно состоялся. И подвел черту под новой чередой конфликтов. В 650-х гг. пиратство ринхинов и струмлян напрямую затронуло интересы Константинополя. Их суда плавали по всей Северной Эгеиде. Славяне перехватывали транспорты с доставлявшимся в столицу с островов урожаем в самом Мраморном море и Геллеспонте. Они совершили несколько налетов на императорские таможни, захватив стоявшие у причалов корабли и всех, кто там находился. Получив теперь в руки «множество» уже ромейских судов и начиная осваивать управление ими, они возвращались к себе^[407].

Когда Констант понял, что дело не ограничивается угрозой для Фессалоники, то решил наконец вмешаться лично. В 658 г. император во главе войска «выступил против славинии», к Фессалонике. Армия двинулась по направлению к Струме через фракийские земли. Струмляне «заняли теснины и укрепленные места», отправив просьбы о помощи к князьям ринхинов и других славян. Неясно, подошла ли помощь, или славяне решились защищаться поодиночке. Во всяком случае, на этот раз им не помогло умение делать засады в горах. Войска Константа одержали несколько побед и прорвались в окрестности Фессалоники. В боях погибли самые сильные воины струмлян, многие знатные люди, они лишились тяжелой пехоты. Славяне бежали от победоносного императора. Застигнутых ждали смерть или рабство. Некоторые тайно пробрались в Фессалонику, а

разоблаченные, открыли горожанам, что полные припасов поселения оставлены без охраны. Изможденные многолетней блокадой, безоружные и едва одетые солдаты огромной толпой бросились к Лите и разграбили славянские хижины, унеся оттуда пропитание^[408].

Еще одновременно с выступлением на струмлян Константин отправил некоторое количество хлеба для поддержания Фессалоники. Затем, не доверяя бравадным реляциям городского начальства о состоянии граждан, он послал еще в дюжину раз больше. Отправка с этим транспортом в Фессалонику военных кораблей для охраны решило исход войны. Напуганные решительными действиями императора, славяне запросили мира. Константин согласился на условия «подчинения» македонских славян императорской власти. Многих славян он угнал с собой в Константинополь, а затем расселил в Малой Азии, надеясь использовать в борьбе с арабами^[409]. На этом первая война южных славян против Византии закончилась.

Конец великой Болгарии

Пока балканские славиний звучно заявляли Империи о своем существовании, в Великой Степи развернулись события, возымевшие позже прямое отношение к их судьбам. В конце 641 г. умер хан Великой Болгарии Куврат^[410]. На престол Великой Болгарии в Приазовье вступил его старший сын Безмер-Батбаян^[411] — наполовину ант. В условиях происшедшего распада Аварии это не могло не содействовать упрочению связей между болгарами и антскими племенами. В эти годы влияние Великой Болгарии далеко распространилось на запад — по крайней мере, передвигались болгары по причерноморским степям к западу от Днепра совершенно свободно, как по своей территории. В то же время Великая Болгария еще сохраняла многие черты племенного союза. Хан из рода Дуло первенствовал, но наряду с ним ведали делами вожди остальных из «десяти родов» оногуров^[412].

Куврат, умирая, завещал своим сыновьям «никогда не отказываться от совместной жизни друг с другом, чтобы благодаря добрым взаимоотношениям уцелело все находящееся под их властью», «чтобы они оставались господами всего и не служили другому племени»^[413]. Однако сыновья отцовскому совету не вняли. Уже к концу следующего, 642 года между ними вспыхнула распря^[414].

Батбаян, пытавшийся сохранить единство, в итоге удержал власть над Великой Болгарией. Его племенем являлись так называемые «черные болгары», долго кочевавшие в Причерноморье. Второй сын, Котраг, получил имя по матери из племени кутригуров и, конечно, пользовался их поддержкой. Именно давняя вражда между кутригурами и антами и могла стать первопричиной усобицы. Котраг со своими присными откочевал на восток или северо-восток за Дон. Его племя составили так называемые «серебряные болгары» — предки волжских, часть которых, впрочем, вскоре осела и в Кавказских горах.

Третьего сына Куврата звали Аспарух. Более точно болгарское звучание этого имени, «Есперих», передано в «Именнике болгарских князей»^[415]. Аспарух после разделения отцовской орды ушел за Днепр, в земли антов или приграничные с ними. Это, а также сохранение

славянского имени Безмера в «Именнике» указывает на то, что Аспарух признавал главенство старшего (единоутробного?) брата и был с антами в союзе. В то же время не приходится сомневаться, что Аспарух брал дань с соседних славян и в Северном Причерноморье, как позже на Балканах. Только так понимала союз кочевая знать. Для самих же антов, пострадавших от аварского погрома и ига, дань союзным и родственным болгарам определенно являлась меньшим злом. Ни о какой вражде местных славян с Аспарухом нигде не упоминается — как и о том, что их пришлось покорять^[416].

Наконец, еще один сын Куврата, Кувер, потерпев поражение в распре, ушел со своей частью орды далеко на запад, по следам брата Альцека. Он, однако, собирался не бороться с аварами, а найти у них укрытие. По дороге в Паннонию он, также не встречая сопротивления, миновал антские земли. Это свидетельствует о нейтралитете самих антов в болгарской усобице — хотя сочувствовали они больше, конечно, Безмеру. Ослабленный Аварский каганат с радостью принял болгарское пополнение. Кувер возглавил болгар Аварии, сохранив титул хана («архонта»). Позднее ему были выделены в управление пограничные земли близ Сирмия и в Потисье с их насельниками — сирмисианами^[417].

Смена власти в Великой Болгарии сопровождалась и вероотступничеством. Сразу после смерти Куврата или очень скоро после нее болгарская знать во главе с его сыновьями отреклась от христианства^[418]. Впрочем, ни о каком искреннем и глубоком обращении ко Христу и ранее речь не шла. Крещение для самого Куврата было актом политическим, частью союза с Империей, которым он с легкостью пренебрегал, в зависимости от обстоятельств.

Итак, созданная Кувратом Великая Болгария распалась. К концу жизни Куврат принял каганский титул^[419], и имел для этого немало оснований. И Аварский, и Тюркский каганаты находились в состоянии развала. Но теперь над ослабленными осколками и самой Болгарской орды сгущались тучи.

В 630 г. в Западнотюркском каганате началась очередная гражданская война. Представители разветвившегося рода Ашина вырывали друг у друга каганский престол. Погибли многие виднейшие представители тюркской знати и правящей династии, в том числе союзник Ираклия, хазарский ябгу. В усобицу вмешался как

самостоятельный игрок влиятельный клан Дуло — прямые сородичи одноименной правящей династии Болгарии. Окончательный крах кочевой империи привел к обособлению независимого владения западных Ашина — Хазарского каганата. Хазары, таким образом, сохраняли верность законной династии Ашина. Болгары же оказались естественным союзником партии Дуло^[420].

В 644 г.^[421] хазары после серии набегов на окрестные земли выступили в поход на запад. Они справедливо рассчитывали на малочисленность разобщившихся болгарских орд. Разгромив и отогнав от Дона Котрага, хазары затем вышли в Приазовье. Здесь они нанесли поражение болгарам Батбаяна. Разбитый хан был вынужден признать себя «подвластным» хазарам и обязался платить им дань^[422]. История приазовской Великой Болгарии завершилась, не насчитав и ста лет. Держава Куврата ненадолго пережила своего создателя.

Аспарух капитуляцию брата не признал и отверг его власть. Он продолжил борьбу с хазарами. В этой борьбе союзниками его могли выступать и антские племена, не желавшие нового, заведомо более жесткого кочевнического ига. Однако Аспаруха и его орду враги теснили все дальше на запад. Так началось движение болгар к Днестру и за Днестр, к Дунаю — приведшее в итоге к рождению Дунайской Болгарии.

Королевство Само и его соседи

На западе Славянского Мира между тем продолжалось правление Само. Протекало оно, по словам франкского хрониста, «благополучно»^[423]. И действительно — храброму и сметливому королю удалось продержаться у власти три с половиной десятка лет без заметных внутренних тревожений. Судя по всему. Само действительно глубоко вник в нужды и заботы славянского общества, принял его как свое родное, и это споспешествовало стабильной власти. У Само в подчинении, пусть во многом условном, находилось несколько крупных племен и племенных союзов — белые сербы, лучане, дулебы, мораване, жители «марки вирилов» в Норике. Стабильность власти была характерна для всех них — во всяком случае, владыка упомянутой «марки» тоже правил «много лет»^[424] (не позднее 631 — между 660–665 гг.). Впрочем, не следует приписывать такую стабильность только талантам Само. Укрепление власти князей происходило, независимо от него, и у южных славян.

Внешние дела Само также шли благополучно. Франкское королевство — враг наиболее опасный — по смерти Дагоберта в 639 г. вновь распалось на уделы. После заключения Само союза с Тюрингией франки его больше не беспокоили. Дружба же с тюрингскими королями, стремившимися закрепить свою независимость, открывала, помимо прочего, пути на запад для славянского расселения.

Аварский каганат был побежден. Правда, не вполне умиротворен. Наверняка пограничные стычки с аварами случались на протяжении всего правления Само. Конфликты эти неизменно приносили славянам победу^[425]. Стесненные Само, авары вынуждены были искать более безопасных путей для собственного расселения. Между тем население каганата возросло вследствие как естественного прироста, так и прихода болгарской орды Кувера. С этими обстоятельствами можно связать усилившуюся в середине VII в. миграцию авар и подвластных им славян Паннонии на восток, за Дунай. На Трансильванском плато, населенном тогда преимущественно гепидами и влахами, складывается новая культура, получившая у археологов название «медиаш-группы». Славяне, влахи, авары и гепиды селились здесь на

одних тех же поселениях, использовали общие кладбища. Славяне принесли с собой обычай строить полуземлянки с печами-каменками, лепную керамику пражского типа, антские пальчатые фибулы, ритуал кремации умерших. Но постепенно эти яркие черты славянской культуры размываются, как и на основной территории каганата. Славяне повсеместно осваивают гончарный круг, в некоторых их домах вместо славянских печей появляются обложенные камнями открытые очаги^[426].

С Трансильванского плато отдельные группы славян и авар проникали за Карпаты, в Олтению и даже в Мунтению. В одном из могильников Западной Олтении обнаружена любопытная пара трупосожжений. При первом из них найдены предметы аварского вооружения, в другом — славянские украшения^[427]. Не идет ли речь о захоронении представителя смешанной славяно-аварской знати с супругой? Проникавшие с севера в Олтению поселенцы изготавливали как гончарную, так и лепную посуду. Среди них попадались потомки антов, носившие пальчатые фибулы^[428]. Все свидетельствует о смешении народов и культур под властью кочевой знати. Вместе с тем за Дунаем славяне лучше сохраняли черты своего быта, чем на основных землях каганата, в Паннонии.

Недружественными соседями королевства Само являлись и хорваты. Они сохраняли верность союзу с франками, от которых война Само и Дагоберта их отрезала. Следовательно, союзниками Само они являться не могли — притом что ранее он не препятствовал их переселению на юг. Теперь балканские хорваты полагали предел южным владениям «винидского» королевства. Земли же хорватского племенного союза в Центральной Европе ограничивали влияние Само с северо-востока.

Само унаследовал от авар контроль за землей зличан, близких соседей хорватов и чехов. Отсюда он мог теснить хорватов в дальнейшем, в случае враждебности с их стороны. Нам совершенно неизвестны перипетии взаимоотношений Само с неподчинившимися ему славянскими племенами. Однако есть все основания полагать, что конфликты с хорватами, союзниками франков, случались. Следствием их могло стать подчинение части хорватских племен Само и оттеснение других. В результате хорватский союз начал распадаться.

Причиной ослабления хорватов являлся, помимо прочего, отток сил на Балканы.

Невзирая на конфликты и существование врезающейся в их землю Аварии, славяне, жившие по Дунаю, — подданные Само, хорваты, сербы, Семь родов, — воспринимали себя как единое целое, поддерживали тесные связи между собой. Как единое целое воспринимались они и соседями. «Франкская космография», созданная в середине — второй половине VII в. говорит о Дунае: «Данубий долго течет среди великих народов, // Огромная река, она дает пастбища славянам, // Протекает среди гуннов и соединяет винидов»^[429]. Здесь важна и оценка славян как одного из «великих народов», и сведения о том, что славянские племена могли поддерживать сношения по Дунаю, несмотря на враждебность авар.

Начало Кракова

Какая-то группа хорватов ушла в середине VII в. довольно далеко на восток, к верховьям Вислы. Причиной было давление со стороны государства Само. Первоначальным намерением же, сколь мы можем судить, — вернуться на историческую родину, в Поднестриевье. Однако в итоге хорваты осели среди вислян. С переселенцами из Северо-восточной Чехии связано появление в Малой Польше ряда черт придунайской материальной культуры. С середины VII в. висляне начинают хоронить умерших в курганах (обряд, в это же время распространившийся с верховий Лабы вплоть до Силезии). Тогда же они освоили гончарный круг — также известный уже в Силезии — и стали изготавливать посуду дунайского типа, которая постепенно вытеснила пражскую лепную керамику. Первоначально, впрочем, ручной гончарный круг использовался лишь для подправки лепных сосудов^[430].

Это переселение отразилось в предании об эпическом герое, основателе племенного княжения, носящем известное и в Чехии имя-титул Крак (у чехов Крок). Польское предание о Краке передают в первую очередь малопольский хронист XII в. Винцентий Кадлубек и великопольский хронист XIII в. Богухвал. Богухвал пользовался сочинением Кадлубка, который, творя в Кракове, знал предание лучше и полнее. Тем не менее Богухвал дополняет предшественника рядом мелких деталей. Кроме того, великопольскому автору совершенно чуждо стремление краковского коллеги связать Крака с античным родом Гракхов. С другой стороны, однако, Богухвал старается и очистить предание от всякой мифологии — а это уже чистое насилие над древним эпосом.

Объединяя обе версии и очищая их от наносных штампов латинской учености, получаем — с учетом и поздних фольклорных припоминаний — следующую картину. Из «Каринтии» в земли на Верхней Висле пришел знатный изгнанник Крак. В то время обитатели этих мест жили без князя, управляясь лишь двенадцатью выборными старейшинами, «сенатом». Эти старейшины будто бы не брали ни с кого дани и лишь разрешали судебные тяжбы. Нельзя, впрочем,

исключить, что рассказывающий об этом Богухвал просто позаимствовал картину старой малопольской жизни из великопольских преданий о «короле» Лешке. Как бы то ни было, Краку удалось завоевать сердца всех вислян и убедить их в необходимости единовластия. Его избрали общим воеводой, а затем — и князем («королем», гех). Крак отличался и умением читать сердца, и воинской доблестью. Он стал верховным судьей и создателем общего для всех законодательства.

Главное героическое деяние Крака, описываемое Кадлубком, — уничтожение краковского дракона (Краковский Цмок позднейших преданий). Дракон жил в пещере, которую до сих пор показывают на горе Вавель. Оттуда он то и дело выбирался, чтобы поедать людей. Крак был разгневан бесчинствами чудовища. Он призвал двоих своих сыновей и предложил им испытать себя, погубив дракона. Сыновья, сознавая опасность, повиновались тем не менее воле отца. Не сумев одолеть дракона силой, они вместе устроили змею засаду, подбросив ему в пищу запаленные бычьи кожи. Прожорливое чудовище заглохло от приманки и задохнулось от огня.

Однако после этого случилось несчастье. Младший из сыновей Крака (также звавшийся Краком) решил воспользоваться случаем, чтобы присвоить наследство отца. Он убил старшего брата и, вернувшись, свалил его гибель на побежденного дракона. Сначала ему удалось убедить в этом отца, отпраздновавшего, несмотря на горе, победу. О дальнейшей судьбе младшего Крака версии предания говорят по-разному. Согласно Кадлубку, ему не удалось насладиться властью. Почти сразу по смерти отца братоубийство раскрылось, и злодея наказали вечным изгнанием. Согласно же Великопольской хронике, младший Крак все-таки какое-то время правил и умер бездетным.

Так или иначе, наследницей старшего Крака осталась лишь его дочь, Ванда, на которой позднее династия и пресеклась. В честь «короля» Крака на горе Вавель был возведен и назван укрепленный град Краков. По Богухвалу, его построил сам Крак. Согласно Кадлубку же, Краков был возведен в память о князе-родоначальнике после его кончины^[431].

Предание о Краке-драконоборце — вне всякого сомнения, вариант древнего славянского мифа о громовержце, побеждающем Змея

небесным огнем. «Крак» — естественный, звукоподражательный эпитет бога-громовника. «Краковскими» западные славяне называли Карпатские горы — родину исторических хорватов и одновременно священный центр славянского мира. С другой стороны, попытки обоих латинских хронистов так или иначе связать название «Краков» или само имя Крак с вороньим граем — не просто курьез. Ворон в древних европейских мифах считался спутником либо божества солнца, либо бога загробного мира. В первом случае перед нами след мифа о солнечном боге-змееборце. Во втором — перенесение на победителя Крака отдельных черт побежденного врага. В мифологии тоже не редкость.

И в то же время в предании прочитывается историческая основа. Краков — название, произведенное от имени (Краков град). Крак явно трактуется хронистами как родовое, наследственное имя, некий титул. Картина избрания Крака вождем явно пришла из древнего местного предания, достоверно рисуящего общественный строй вислян.

Исторические события примерно середины VII в. могут быть воссозданы следующим образом. В это время на Верхней Висле появились пришельцы из сопредельных чешских земель, люди хорватского племени во главе со своим вождем из рода Краков. Они вступили в союз с вислянами и возглавили новое единство. Это обусловили и лучшая организация пришельцев, и опасения вислян (недавних аварских союзников) в связи с усилением Само. Приход на Верхней Висле к власти хорватского Крака — «потомка» и в некотором смысле «двойника» бога грозы Перуна — привел к прекращению почитания Ящера-Велеса в прежней форме. Древняя святыня — вавельская «Пещера Дракона» — забрасывается. Именно тогда лендзянские племена, доселе представлявшие собой религиозный союз, обрели друг от друга независимость. При этом в великопольских землях Ящер (Yesza) продолжал считаться верховным божеством вплоть до X столетия. Но и на Краковщине произошло, по сути, лишь слияние почитания Змея и его победителя в образе Крака — змееборца и в то же время «Ворона». Герой-предок, кроме того, естественным образом слился в мифах со своим божественным прообразом Перуном. Под своим собственным именем Перун в Польше практически неизвестен. Как и Велес, и по тем же причинам — запрет на произнесение наиболее чтимых божественных имен.

Впрочем, любые исторические интерпретации мифа, мифологического предания — дело всегда рискованное. Миф отражает действительность по своим законам. И сама действительность в глазах древнего славянина, «создателя» мифа, была иной, чем для нас. Многие кажущееся нам «мифологическим» тогда с легкостью находило место в «эмпирической», опытом познанной реальности. Во всяком случае, ясны как «велесический» облик древней польской религии, так и особые связи образа Змея с Краковом — с Краковом до Крака. Столь же ясно «перуническое» происхождение мифа о Краке-драконоборце. Далее, довольно четка взаимосвязь польского предания о Краке и чешского о Крое с западнославянскими хорватами. Очевидно происхождение названия «Краков» от личного имени или титула «Крак». Но прямолинейный перевод языка мифа на язык «истории» — как понимает ее современная наука — невозможен, и любое вычленение «исторической основы» не обойдется без потерь.

«Краки» продолжали править землей вислян на протяжении VIII и большей части IX в. Предание о Ванде отражает уже времена упадка и гибели этой династии. Оно искусственно соединено с более древним драконоборческим мифом. Хотя мотив коварного братоубийства в нем не менее древен. В славянских сказках часто встречается сюжет о присвоении плодов змеборческого подвига самозванцем, который убил или ранил подлинного героя. Героическое сказание о Краке кончается трагичнее сказки, где герой воскресает, дабы обличить обманщика. Но и здесь зло в итоге оказывается наказано.

Краков возник в VII в. как резиденция хорватских Краков, правивших вислянами. Изначальное поселение на горе Вавель не было укреплено ничем, кроме природы. Но оно уже становилось естественным центром для поселений, возникающих под горою, по обоим берегам Вислы. VII же или VIII в. датируется приписываемый Краку монументальный курган. Рядом с ним возвышается столь же огромный «курган Ванды»^[432]. По народному преданию, курган насыпали подданные Крака, каждый из которых принес по горсти земли. Тело Крака сожгли и бросили прах к подножию холма. Подобные обычаи в Южной Польше известны. В память о Краке установлен праздник поминовения умерших предков — ренкавка (якобы от *reka* — «рука»), справляемый на кургане^[433]. В кургане Крака действительно не обнаружено погребений. Но поминальные

ритуалы на нем справлялись с языческой эпохи^[434]. Можно догадаться, что на самом деле у подножия кургана «Крака» не одно поколение бросали прах мужчин из княжеского дома, а у «Ванды» — женщин.

Исполинские курганы «Крака» и «Ванды», воздвигнутые только из религиозных и политических соображений, — явление совершенно уникальное. Ничего подобного в других западнославянских землях этого времени нет. Это памятник исключительного влияния и силы хорватских вождей, покоривших Повисленье. Соединив в своих руках жреческую и воинскую власть, «Краки» обрели в глазах своего народа авторитет, намного превосходящий княжескую власть в других землях. Этого авторитета было достаточно, чтобы мобилизовать силы племени на грандиозное строительство в честь умерших вождей. Здесь мы видим первый признак так и не окончившегося ни в одной из славянских земель развития священной княжеской власти в нечто подобное «деспотии» восточного типа. Черты зачаточной «деспотии» — слияние духовной и светской власти в одном лице, высочайший религиозный авторитет правителя на грани обожествления. Проявляются же они чаще всего именно в возведении монументальных сооружений, в том числе погребальных.

Если «княжение» Крока явилось прямым предшественником средневековой Чехии, то племенной союз вислян — одним из главных слагаемых средневековой Польши. Таким образом, события середины — второй половины VII в. в известном смысле стоят у истоков польской государственности. Тем не менее родословная ее, как увидим впоследствии, восходит далеко не только к хорватской линии.

Глава третья.
В НОВЫХ ПРЕДЕЛАХ

Хорутанское княжество

Правление Само, как уже говорилось, продлилось 35 лет. Умер он в 658/9 г. У «короля винидов» осталось 22 сына и 15 дочерей, рожденных ему 12 женами-славянками^[435]. Сразу вслед за смертью Само созданное им из нескольких славянских племен и племенных союзов королевство распалось. Никаких упоминаний о нем в дальнейшем мы не обнаруживаем. Напротив, после кончины короля все подчинявшиеся ему племена возобновили свое независимое существование. Необходимости в поддержании единства они больше не видели.

На севере обособились сербы, усиленные прочным союзом с Тюрингией. На землях Чехии и Моравии образовалось минимум три племенных объединения. Долину Огрже занимал лучанский племенной союз. Основу его составили пять племенных «областей», известных к IX в. Главенствовали собственно лучане, занимавшие плодородную срединную «область», так называемую Луку^[436]. Южные земли Чехии и область зличан являлись в VII–VIII вв. территорией дулебского племенного союза. Наконец, в Поморавье сложился теперь полностью независимый племенной союз мораван, который рассматривается иногда как правопреемник королевства Само^[437].

Многодетность Само и связь его детей с отдельными племенами явились одним из важных поводов к мирному разделению королевства. Во всяком случае, позднейшие князья хорутан определенно возводили себя к Само^[438]. Хорутанское (Карантанское) княжество возникло именно в результате распада королевства Само. Впервые особый «народ славян» в «Карантануме» появляется на страницах письменных источников около 665 г.^[439]

Славянский Крнски Град (ныне Карнбург в австрийской Каринтии), именовавшийся у германских и романских соседей Карантаной, стал столицей местных славян около этого времени. Название восходило к местному дославянскому наречию^[440]. Славяне приняли его для имени племенной столицы. Крнски Град располагался на месте античного укрепления. Славяне заново перестроили

полуразрушенную крепость, возвели вал и палисад. Град занимал площадь 4 га. К востоку от него на поле располагался «княжий камень» — племенная святыня, на которой князь клялся в верности своему народу и обычаям^[441]. В обозначении жителей княжества слово «Карантана», «карантаны» видоизменилось в славянское «хорутане». Именно под этим именем предки словенцев упоминаются в русской летописи^[442]. Так по-славянски называли они себя сами.

Хорутанское княжество стало прямым преемником входившей в королевство Само полусамостоятельной «марки винидов» в Восточных Альпах. Правивший ею примерно с 630 г. вождь-владыка ненадолго пережил своего короля^[443]. Переход власти в «марке» уже после смерти Само к его потомству свидетельствует в пользу того, что владыка был одним из тестей или, скорее, шурьев Само. «Свой», местный королевский сын представлялся славянской знати Норика наилучшим наследником. Это позволяло укрепить статус вождя. Смена правящего рода — частичная — сопровождалась сменой титула на княжеский. Титул «владыка» связан был у славян, в первую очередь со жреческой властью. Сопровождалась смена «династии» и созданием единой племенной столицы в нагорном Крнском граде. Хорутане, в число которых влились и некоторые переселенные сюда аварами племена (стодоряне, дулебы), слились под единой властью. На севере пределы княжества доходили до района античного Карнунта на Дунае^[444] (ныне Нижняя Австрия). Отсюда можно вести отсчет истории средневековой Каринтии, современной Словении, и складывания словенской народности.

Южным соседом хорутан являлось Лангобардское королевство в Италии — точнее, пытавшееся вести независимую политику Фриульское герцогство. Дань Фриулю платила большая часть зиян, родичей хорутан, обитавших не слишком далеко от их княжеского града. Неудачная война Само с лангобардами ничего тут не изменила. Теперь хорутане были заинтересованы в добрососедских отношениях с Фриулем, особенно в связи с начавшимся после прихода Кувера укреплением Аварского каганата.

Однако история распорядилась иначе. Лангобардское государство, погрязшее в борьбе профранкской католической и арианской партий, а также в соперничестве крупных герцогств, в середине VII в. вошло в полосу политической нестабильности. В лангобардские усобицы

оказались втянуты сначала авары, а затем, с неизбежностью, и их враги — хорутане.

В 662 г. лангобардский престол в Павии захватил герцог Беневенто Гримоальд — младший брат и преемник упоминавшегося ранее знатока славянского языка Радоальда. Ревностный арианин, вступивший на трон через труп короля-афолика, Гримоальд сразу же показал себя противником и франков, и Империи. Впрочем, вина за это лежала и на императоре Константе, который, отчаявшись в войне с арабами, порешил перенести столицу в Сиракузы и начать отвоевание у «варваров» Италии.

Выходец из Фриуля, Гримоальд неплохо представлял себе весь расклад сил у северо-восточных рубежей королевства. Он не питал ни теплых чувств, ни доверия к аварам, некогда убившим его отца Гизульфа. Но, будучи политиком умудренным годами, хладнокровным и запредельно циничным, Гримоальд охотно использовал их против своих врагов. Авары были врагами Византии — и это обусловило союз между ними и Гримоальдом.

Когда в 664 г. против Гримоальда восстал герцог Фриульский Луп, король бестрепетно обратился за помощью к кочевникам, призвав авар в пределы собственного королевства. Тогдашний каган откликнулся на приглашение с радостью. Население каганата вновь росло, силы увеличивались. Заявить о себе, а заодно и приобрести новые земли не мешало. Впервые за три последних десятилетия авары осмелились начать большую войну. Вторжение произошло вдоль южных границ Хорутании, через спорную Истрию.

Фриульцы не смогли тягаться с противником, неожиданно явившимся из далекого прошлого в полноте новообретенной мощи. Герцог Луп погиб, его земли были разорены дотла. Каган намеревался — теперь уже вопреки интересам Гримоальда — остаться во Фриуле и завладеть им. Но король, родным герцогством все-таки дороживший, убедил авар оставить Фриуль ему и убраться восвояси. Сын Лупа, Арнефрид, провозгласил себя было герцогом Фриуля. Но на смену аварским ордам во Фриуль двигалась королевская армия. Сил для сопротивления не имелось. Арнефрид предпочел бежать — и убежище нашел в Крнском Граде^[445].

Хорутане, разумеется, пристально следили за происходящим. Для возглавившего их тогда только что нового князя, сына Само, авары

являлись кровными врагами. Да и для всего его племени — хорутане едва ли забыли времена ига. Новое усиление каганата прямо угрожало славянам. А значит, и король Гримоальд, приведший авар в близкие земли Фриуля, союзник кочевников, усиливавший их в собственных корыстных интересах, превращался в опасного противника. Стоит помнить, что никакого мира между лангобардами и славянами со времен Само формально не заключалось.

Так что беглец Арнефрид получил в Крнском Граде приют — а затем и подмогу. Хорутане собрали в помощь наследнику герцогской власти войска и около 665–666 гг. направили их во Фриуль. Они намеревались утвердить в герцогстве Арнефрида. Это обеспечило бы Хорутании прочный союз с Фриулем и оторвало бы Гримоальда от его аварского союзника, поставив предел возрождаемому могуществу каганата.

Однако фриульская знать (как, впрочем, и массы фриульского населения) Арнефрида не ждали. Земляк-король, умело спровадивший авар, пользовался достаточной поддержкой. Особой же разницы между славянами и аварами здешние жители не видели. Одного «варварского» нашествия с них вполне уже хватило. В 22 км от столицы герцогства Фороюли (Цивитас-Аустриа, ныне Чивидале-дель-Фриули), у пограничной крепости Немас (ныне Нимис), хорутан и Арнефрида встретили фриульцы. В происшедшем сражении славяне были разгромлены. Арнефрид погиб, так и не увидев вновь стен герцогской резиденции^[446].

На место погибшего Лупа Гримоальд поставил в родное владение герцогом Вехтари из Виченцы, «мужа доброго и народом правившего мягко». Он и предводительствовал под Немасом — во всяком случае, хорутане после этого его знали и весьма опасались как умелого воина. Для мести за своих погибших и удара по покорному теперь королевской власти Фриулю они выбирали момент отсутствия нового герцога. Наконец, прознав, что Вехтари отправился далеко на запад, в Павию, хорутане вновь собрали рать — «многочисленные силы», около 5000 воинов. Их целью являлось внезапным нападением захватить все-таки Фороюли. На этот раз славянам удалось подойти к столице герцогства гораздо ближе. Двигаясь восточнее, чем в прошлый раз, они миновали границу на меньшем расстоянии от Фороюли и разбили лагерь чуть более чем в 10 км от нее, в Броксасе (ныне

Брискис). Отсюда их передовые отряды выдвинулись вдоль реки Натизоне на юг, ища удобной переправы на левый, восточный, берег, к Фороюли.

У древнеримского моста в 6 км от Фороюли хорутане завидели на противоположном берегу небольшой вражеский отряд — примерно 25 человек. Зрелище сначала их развеселило. «Это патриарх с клириками двинулся против нас», — смеялись славяне. Однако, приблизившись к мосту, предводитель лангобардов снял шлем и «показал славянам свое лицо». Это был Вехтари, нежданно вернувшийся из Павии и выехавший на разведку навстречу врагу. По лысой голове герцога узнавали издали. Славян обуряли «смятение» и «страх» — от неожиданности вполне объяснимые. С криком «Здесь Вехтари!» вышедший к мосту отряд обратился в бегство. Паника, раздувшая, конечно, численность герцогской дружины, передалась другим хорутанам — они «думали больше о бегстве, чем о сражении». Вдохновленный Вехтари погнался за славянами и перебил сколько-то бегущих. Хотя лангобардскому преданию отказывает чувство реальности. В нем говорилось, будто Вехтари с 25 воинами «учинил им такую резню, что из пяти тысяч мужей уцелели лишь немногие, спасшиеся бегством»^[447]. Можно поверить в распавшееся и убегающее во внезапной панике от небольшого отряда войско — но трудно поверить в наличие у этого отряда физических сил истребить большую его часть.

Как бы то ни было, это нелепое поражение закончило войну. Хорутане больше не тревожили при Вехтари и его ближайших преемниках границы Фриуля. Теперь им приходилось уделять больше внимания защите собственных рубежей от давления авар. Тем более что смерть прежнего правителя и военные поражения привели к уходу из Хорутании болгарина Альцека и его возросшего за три десятка лет воинства. Альцек не участвовал в набегах на Фриуль. Следует помнить, что аварскому кагану теперь служил его брат Кувер. Для увеличившихся в числе болгар в Хорутании не хватало места. После победы Вехтари Альцек решил избрать сторону сильнейшего. В конце 660-х гг. болгарский хан «со всем подвластным ему войском» предал некогда давших ему приют славян и откочевал в Италию, к Гримоальду. Альцек обещал лангобардскому королю, «что будет ему

служить и жить в его стране». Гримоальд выделил болгарам земли в своем прежнем уделе Беневенто^[448].

Впрочем, верность Альцека лангобардам продлилась тоже не дольше жизни лично принявшего его правителя. В 671 г. Гримоальд умер, и власть вернулась к католической партии во главе с королем Перхтари из баварского рода Агилольфингов. Альцек тогда предпочел искать счастья на службе Империи, к миру с которой Перхтари все равно склонялся. В 670-х гг. Альцек переместился в окрестности Равенны, обязался служить и платить дань ромеям, чем и занимался до конца своих дней^[449].

Уход болгар, конечно, ослабил молодое Хорутанское княжество. Он помешал хорутанам продолжать завоевательную войну во Фриуле. Тыл против авар теперь приходилось обеспечивать самим. Однако в борьбе оборонительной, за свою независимость против Аварии, хорутане выстояли. Их княжество не только обеспечило свободу себе. Оно на протяжении десятилетий преграждало возрождающемуся каганату путь на запад, став одним из важнейших политических факторов в Центральной Европе.

Между империей и ее врагами

Несколько иной оказалась в те годы политическая позиция югославянских княжеств. Поход имперских войск в 658 г. в Македонию не мог не насторожить славянскую знать. Империя продемонстрировала теперь уже не просто жизнеспособность — но желание вернуть утраченное. Более того, она ясно дала уразуметь, что для исполнения этого желания имеет силы. Понятно, что недовольны остались славяне Македонии, разгромленные и ослабленные. Но еще больше беспокойства за будущее действия императора Константа вызвали у соседей македонцев в Северном Иллирике — сербов, дуклян, хорватов. Первые же значительные неудачи Империи показали это.

Арабы продолжали наступать на границы ослабленной прежними войнами Византии. Вслед за Сирией, Палестиной, Египтом мусульмане вторгались теперь и в Малую Азию, угрожая самым подступам к столице. В 664–665 гг. азиатские провинции подверглись нападению арабской армии под командованием Абдаррахмана бен Халида. Абдаррахман разорил «много областей» в восточной части Малоазийского полуострова. Ромеи попытались выставить против Абдаррахмана выселенных в Вифинию славян. Кончилась первая же попытка использовать их против арабов плачевно. Пять тысяч славян перешли на сторону Абдаррахмана и попросили расселить их во владениях Халифата. Вернувшись после зимовки на ромейских землях в Сирию, Абдаррахман поселил новых подданных халифа в селении Селекволис близ Апамеи. Тем самым он положил начало разросшимся позже сирийским поселениям славян^[450]. Эти события стали первым толчком к славянскому брожению на Балканах.

Император Констант между тем перебрался в Сиракузы и пытался управлять Империей оттуда. Пытался не слишком успешно — оскорбленная константинопольская знать роптала и плела интриги. То и дело возникала опасность мятежа. Наконец, в 668 г. император был убит в бане одним из своих придворных. За этим последовала короткая вспышка гражданской войны, отвлекшая на время внимание нового императора Константина IV и от арабов, и от балканских дел.

Именно тогда и отложились от Империи «обитатели западных краев», то есть граничившие с ней на западе славянские племена^[451]. Сербы, хорваты и дукляне, тем более славяне Македонии и Эллады ясно увидели, что трон императоров колеблется. Натиск арабов на Востоке уже сулил, как казалось, освобождение от посягательств Империи. Притязания самого Халифата и порядки в нем едва ли были славянским вождям известны. Вместе с тем Халифат был далек, и общение с ним затруднено. Очевидным и давним врагом Византии зато являлся вновь искавший пути к усилению Аварский каганат.

За минувшие годы отношение южных хорватов и сербов к аварам многое изменилось. Ушли поколения, помнившие кровопролитную борьбу. Накал противостояния авар со всем Славянским Миром, конечно, смягчила и кончина Само. В жилах хорватов и сербов (особенно хорватов) текла и аварская кровь. Авары входили в хорватский союз племен, и их баян стал вторым лицом в Хорватском княжестве. Так что препятствий к союзу практически не оставалось. Тем более что тягаться с самими хорватами и сербами каганат в одиночку не смог бы. Более южным славянам зависимость от кагана не угрожала уже вовсе.

Итак, в начале 670-х гг. на западных границах Империи сложился широкий антивизантийский союз. К аварскому кагану и лангобардским герцогам присоединились славянские князья («архонты», «риксы») и «экзархи» (воеводы? жупаны?). Даже смерть Гримоальда в 671 г. не помешала сохранению этого союза. Перхтари трудно было сразу найти путь к миру с Империей, а герцоги за несколько лет нестабильности и религиозного раскола привыкли к известной самостоятельности. Кагана и славяне, и лангобарды вновь признали общим вождем на время войны. В его ведении находилась не только воеводская власть, но и дипломатическая инициатива от имени союзников. Авары, конечно, имели далеко идущие замыслы. Заключенные Ираклием пакты со славянами оказались расторгнуты. В Сербии и Хорватии не преминуло бы произойти и масштабное вероотступничество — однако события опережали расчеты и кагана, и славянских князей.

Военные действия начались, но шли настолько вяло, что почти не отразились в византийских хрониках. Главной заботой для Константина оставался Восток. В Европе же, при тяжелом положении

Италии, балканские города пострадали в этот раз мало. Конечно, при желании можно отнести к этому времени широко датированное падение некоторых из них (например, Аргоса). Или, скажем, действие дуклянского предания о ненавистнике далматинских христиан «короле» Всеславе, сын которого Силимир будто бы с ними примирился при условии уплаты дани^[452]. Однако факт останется фактом. Ничего похожего на события начала или середины VII в. западные славяне в этот раз не предпринимали. Князья, еще недавно «союзные» Константинополю, теперь выжидали — в отличие от своих увлеченных войной аварских и лангобардских соратников.

Между тем ситуация резко изменилась, оправдав такую выжидательную тактику. В 673 г. византийцы применили против арабского флота только что изобретенное новое оружие — горючую смесь, получившую отныне название «греческий огонь». Это самое страшное боевое средство Средневековья сразу обеспечило Империи превосходство на море. В 678 г. ромеи высадились в охваченном христианским восстанием Ливане. Халифат сдался. Халиф Муавия принял в Дамаске византийское посольство и обязался платить Империи ежегодную дань.

После этого каган не мог уже полагаться на своих союзников. И лангобарды, и славяне были напуганы происшедшим. Вести о победе Константина над арабами означали вероятность новых походов на Запад. Блистательное же окончание войны как будто показывало наличие у Империи сил для таких походов. Те же, по сути, причины, что возбудили в славянских князьях недоверие к Константинополю, теперь побуждали их задобрить оказавшегося слишком сильным врага. Что до лангобардов, то они сплотились вокруг франкофила и кафолика Перхтари, который давно хотел покончить с войной.

В том же 678 г. каган после совещания с союзниками отправил в Константинополь большое посольство. В нем были представители и славянской, и лангобардской знати, говорившие от имени своих князей, жупанов и воевод, короля и герцогов. Константину поднесли щедрые дары. Послы просили «даровать им благодать мира». Константин, вопреки их опасениям, разрастания новой войны совершенно не желал и потому мир утвердил^[453]. Сербь, хорваты и дукляне стали вносить Империи какую-то плату за земли, на которых жили^[454].

Мир с Империей благотворно сказался на распространении христианства. Теперь из Хорватии и Сербии оно проникало уже и в Дуклю, а может, и в Македонию. Папа Агафон в послании VI Вселенскому собору 680–681 гг., осудившему монофелитство, требовал постоянного осведомления своих епископов о решениях Восточной церкви: «Дабы наше решение было вынесено ото всего сообщества смиренного собора нашего, чтобы часть не оказалась в неведении, если известия о совершаемом будут идти в одну сторону, в особенности тогда, когда среди народов и лангобардов, и славян, а не только франков, готов и бриттов большинство признают, что они из наших собратьев. А они не перестают интересоваться этим, чтобы быть осведомленными о том, что совершается в делах веры апостольской»^[455].

Итак, наравне с отвергшими при Перхтари арианство лангобардами Агафон среди новой своей паствы называет и крещеных славян. Ясно, что речь идет о входившей в римскую юрисдикцию Адриатике — к западным славянам и хорутанам христианство пока едва проникало. После мира с Византией 678 г. уже «большинство» адриатических славян, по данным папы, приняло крещение. В их землях служили епископы (Ираклий и Гонорий, как мы помним, учредили в Хорватии две епархии) и священники на местах. Более того, Агафона можно понять и так, что среди священников имелись славяне родом. Собственно, странно было бы, если бы за прошедшие несколько десятилетий таковых не появилось. Славянские священники, трудившиеся среди полу языческого народа, естественно, выражали беспокойство в связи с церковной смутой, отдалившей Рим от пока монофелитского Константинополя. Новокрещеная знать, столь же естественно, интересовалась истинами принятой веры и сложными вопросами их толкования. Так что в отношении как их, так и лангобардов попечение Агафона являлось вполне оправданным.

Расселение влахов

Пока в Иллирике сплетались непростые перипетии отношений местных славиний с Империей, север бывшего диоцеза Фракия как будто выпадает из поля зрения ромеев. Существовавший здесь племенной союз Семи родов во главе с северами не тревожил границ Византии. Последние ромейские города в Северной Фракии давно пали, так что никто не тревожил Константинополь и просьбами о помощи. Северы и их союзники, закрепившись на новых землях, избрали по отношению к прежним врагам тактику разумного нейтралитета. Со струмлянами и ринхинами они вроде бы состояли в союзе^[456], однако практически в событиях середины VII в. данный союз никак не проявился. Это при том, что южные пределы Семи родов соприкасались с провинцией Европа — самыми окрестностями византийской столицы. Нейтралитет фракийских славян отчасти связан с новой проблемой, с которой они столкнулись около того же времени. Проблемой этой стало переселение влашских племен.

Происхождение влахов — предков современных восточнороманских народов — предмет длительных научных споров. Понятно, что в низовьях Дуная по обе его стороны имелось местное романизированное население, потомки фракийцев и даков, данубии. Эти восточные «волохи», с одной стороны, с V в. тесно общались с расселявшимися здесь славянами, с другой — оставили румынам немалое культурное наследие. Влахи, согласно «Советам и рассказам» византийского полководца XI в. Кекавмена, числили в своих предках покоренных императором Траяном даков и фракийских бессов^[457]. Правда, предвзятый к влахам Кекавмен предпочел умолчать, что предки их также — и legionеры самого Траяна, эпического героя румын. Это, однако, отразил другой средневековый ромей, историк XII в. Иоанн Киннам. Согласно упоминаемому им преданию, предки влахов некогда вышли из Италии^[458].

Однако при всем том, по тому же сообщаемому Кекавменом преданию, прародина собственно влахов располагалась «близ рек Дуная и Саоса, который ныне мы называем Савой, где теперь живут сербы в безопасных и недоступных местах»^[459]. Иными словами, на

крайней юго-западной периферии Дакии, существенно севернее и западнее древних земель фракийских бессов. Именно оттуда влахи расселились впоследствии. Все это неплохо соотносится с историей восточнороманских языков. Общий восточнороманский (иногда именуемый «прарумынским») язык сложился, как часто полагают, в VI–VIII вв. вне тесных контактов со славянскими^[460]. Следовательно, сложился он не в Нижнем Подунавье, плотно заселенном тогда славянами. Творцы этого языка — не данубии, которые вместе со славянами создавали ипотештинскую и попинскую культуры. Тесные мирные контакты с южными славянами отражаются в «прарумынском» языке только с IX в. По крайней мере, это касается северо-восточной, дакорумынской его ветви. Значит, только в VIII–IX вв. в складывание будущей румынской народности влились как славяне, так и испытывавшие вековое воздействие славян данубии. Общие предки румын и влахов Южных Балкан такого воздействия не испытывали. Следовательно, они действительно пришельцы из областей выше по реке, лишь смешавшиеся со своими нижнедунайскими сородичами.

Особый влашский этнос, положивший начало истории современных восточных романцев, сложился в пограничных областях Аварского каганата — в Потисье, на Трансильванском плато, в междуречье Савы и Дуная. Сюда переселялись выходцы из разных покоренных земель Балканского полуострова, как из Иллирика, так и из Фракии. Имелись здесь и местные романцы. Значительную или даже основную часть этих влахов составляли упоминаемые в «Чудесах святого Димитрия» сирмисиане. Эти жители округа Сирмия на Нижней Саве (как раз той области, о которой пишет Кекавмен!) расселились затем и на север от Дуная, в Потисье. Именно в Потисье обосновался болгарский хан Кувер, попечению которого вверил сирмисиан аварский каган^[461]. Смешение диалектов народной латыни различных балканских местностей привело к появлению нового языка, в который позже с легкостью вливались и иные романские говоры. Крах Первого Аварского каганата в начале 630-х гг., переселение сербов в район Сингидуна потревожили влахов. Используя возникшую на Балканах анархию и в то же время гонимые ею, они начали сдвигаться к востоку и к югу. Одной из последних причин стала попытка кагана в середине VII в. упорядочить управление

сирмисианами, поставив над ними Кувера. Разбредавшиеся из земель каганата влахи создавали никому не подчинявшиеся вольные дружины «разбойников» — скамаров.

По Кекавмену, влахи уже в начале своей истории «рассеялись по всему Эпиру и Македонии, а большинство их поселилось в Элладе»^[462]. Это были предки арумын и мегленорумын, тогда как оставшиеся на прародине «черные влахи» положили начало истрорумынам. В то же время какая-то часть влахов устремилась на восток вдоль Дуная, где неизбежно столкнулась с дунайскими словенами. Сложно сказать, насколько с этой группой связана предыстория собственно румын. Более определенно связана она с ее трансильванскими сородичами.

Хотя восточные романцы и являлись отчасти потомками древних римлян, Великое переселение народов превратило часть из них (а затем и почти всех) в кочевников, выбило из государственной системы. Они находились на том же уровне племенного строя, что и окружающие «варвары», с которыми обильно перемешивались. Сирмисиане в пределах Аварского каганата «смешались с булгарами, аварами и другими язычниками». Сохранив «обычай и стремление рода к земле ромеев», они вместе с тем создали «новый народ». К приходу Кувера, в условиях нестабильности в каганате, они обрели уже статус полноправных подданных^[463]. В кочевой империи он был немислим, скажем, для славян, возможен лишь при глубоком слиянии с кочевниками. Влахам, перешедшим в VII в. Саву, до образования государства предстоял путь более далекий, чем славянам. Правда, многие из них сохраняли интерес к христианству — и принимали при первой возможности крещение^[464]. Но цивилизованные ромеи воспринимали сирмисиан (и влахов) не иначе, как варваров или полуварваров.

При столкновении со славянами на Нижнем Дунае разобщенность кочующих кланов скорее помогала. Союз Семи родов оказался не в состоянии противостоять ползучему расселению враждебных влахов. Так и сама Империя веком раньше не смогла остановить собственное проникновение славян в Малую Скифию. Происходившие конфликты с влахами оказывались для славян, как правило, неудачны. По мнению передающего дунайские предания русского летописца, «волохи напали на словен дунайских, и осели среди них, и чинили им насилие»^[465]. К

пришельцам, разумеется, нередко примыкали местные «волохи», данубии. Ведшие оседлую сельскую жизнь, они вместе с тем ощущали сродство с кочевыми влахами с запада. Ощущали это родство и не успевшие еще раствориться среди новых соседей фракийцы. В такой ситуации быстро перемещавшиеся влашские кочевья могли просто вселяться в отдельные смешанные села и через некоторое время начинать притеснения славян. В случае же возникновения реальной угрозы (в лице, допустим, княжеской дружины или племенного ополчения) кочевье могло столь же быстро перейти в новые места. Учитывая большую и возрастающую численность владов, возможность присоединения к ним местных сородичей, борьба с ними для дунайского племенного союза оказалась весьма трудной задачей.

Разрозненные влахи, впрочем, не сумели бы добиться решающих успехов без внешней поддержки. «Стремление рода к земле ромеев» двигало многими из них в расселении. Поэтому они обращались за помощью в утверждении на новых землях в Константинополь. Император Константин, конечно, с радостью ухватился за подобную возможность. Он вмешался в события не как полководец — о военных действиях во Фракии ничего не известно, — а как высший судья, арбитр в межплеменных распрях. Семь родов в новой обстановке были жизненно заинтересованы в подобном посредничестве, которое хоть отчасти упорядочило бы отношения их с влахами. Результат был предсказуем. К концу 670-х гг. земли Северной Фракии «удерживались христианами» и находились как бы под покровительством Империи^[466]. Под «христианами» следует понимать местных владов, которые потеснили и частично подчинили славян. Влахи старались удерживать дунайскую границу и платили — как и Семь родов — дань в Константинополь.

Неясно, как развивались бы отношения между жителями Нижнего Подунавья в дальнейшем. Вернее всего, союз Семи родов ждала бы в итоге судьба славиний Эллады или, в лучшем случае, Македонии. Впрочем, и нижнедунайские влахи в этом случае едва ли превзошли бы своих южных и западных кочевых сородичей, подчинившись государственному организму возрождающейся Империи. Но как раз в эти годы в регион вступила новая сила. Болгарская орда хана Аспаруха перешла Днестр и вышла на подступы к дунайской дельте.

Болгары на Дунае

Аспаруху удавалось сдерживать хазарский натиск в течение примерно трех десятков лет. Но его теснили. В середине VII в. хазары, уже освободившиеся от власти тюркютов и строившие собственный каганат во главе с династией Ашина, прорвались в заднепровские степи. Аспарух со своей ордой вынужден был уйти за Днестр. Здесь антское население было плотнее, и хан имел довольно прочный оседлый тыл. Однако он искал более надежных, самой природой защищенных мест поселения.

Нашел он их в низовьях Дуная, в долинах Прута и Сирета. Топкие земли Нижнего Подунавья были неудобны для не знающих местности кочевников при нападении — но хорошо служили в обороне. С севера поднимались Карпатские горы и протекал «венец рек» нижнедунайского бассейна. Здесь Аспарух на какое-то время расположил свою орду. Назвали местность в знак этого болгары «Аулом»^[467]. Хазары, впрочем, продолжали угрожать из-за Днестра. Тогда Аспарух окончательно обезопасил свое местопребывание. Он нанес удар по занятому еще аварами «острову Певка» — дельте Дуная, выбил оттуда давних врагов и обосновался в этом труднодоступном месте сам. Авары бежали на запад, в пределы своего каганата^[468].

Славяне к северу от Дуная подчинились Аспаруху. Без их помощи и навыков наведения переправ ему вряд ли удалось бы завоевать у авар дельту, да и вообще самому закрепиться в недоступном для хазар «Ауле». Вожди северных дунайцев были особенно заинтересованы в союзе с Аспарухом ввиду влашских беспокойств и нового усиления Византии. Потому они, подобно антам за Прутом, согласились объединиться под властью болгарского хана. Во всяком случае, ни о каком насилии источники не сообщают.

Но без насилия было не обойтись к югу от Дуная. «Уставив шатрами Истр», Аспарух стал приглядываться к задунайским землям. Скифия и Нижняя Мезия, населенные в значительной части славянами, представлялись ему надежным оплотом от напавших с востока врагов и не менее надежным источником дохода. Быть может, вожди славян к северу от Дуная побуждали к тому же Аспаруха

оттеснить от реки кочевых владов. Это совпадало с интересами самого болгарского хана. Пока что болгары начали беспокоить задунайских обитателей своими набегами. Страдали от них, конечно, и владыки, и славяне.

В 680 г. о разорительных набегах болгар стало известно в Константинополе. Самоуверенный из-за своих выдающихся побед, император Константин решил наконец сам двинуться с войском во Фракию. Экспедиция затевалась масштабная. В Европу перебросили тяжеловооруженные войска из Азии. К дельте Дуная отправился ромейский флот. Отряды болгар, бродившие по придунайским селениям, были ошарашены внезапным приближением огромного императорского войска. Когда оно появилось у Нижнего Дуная в боевом строю, а у берега показалась эскадра, болгары не решились принять бой. Они стремглав отступили в топи дельты, уже неплохо укрепленные Аспарухом. Армия и флот подступили к Певке и осадили болгарского хана. В болота дельты углубляться ромеи не рисковали. Это придавало оборонявшимся болгарам смелости. На беду для ромеев, в четвертый день этой осады Константина свалили сильнейшие боли в ногах. Император поспешил отплыть для лечения в город Месемврия с его древними банями^[469].

Константин покинул осадный лагерь с ближней свитой и пятью боевыми кораблями. На прощание он приказал своим военачальникам продолжать осаду. Однако отплытие государя скрыть было трудно, и в ромейской коннице зародился слух, будто он бежал. Моментально распространившаяся ложная весть вызвала в среде ромеев суматоху. Первыми бросили осадный лагерь конники, за ними устремилось и остальное войско. Аспарух не преминул воспользоваться неожиданным случаем. Болгары бросились вдогонку отступающим в беспорядке врагам, повергнув их в паническое бегство. Многие ромеи, настигнутые кочевниками, погибли, еще большее число было ранено. Преследование продолжалось до реки Варны близ Одисса (ныне — город Варна). Здесь Аспарух остановил своих воинов^[470].

Хан обнаружил, что Малая Скифия весьма удобна для поселения. С севера и с северо-запада ее прикрывал Дунай, с юга — Балканский хребет, с востока простиралось Черное море. Земли эти уже больше ста лет заселяли славяне, и именно они дали протекавшей на юге бывшей провинции реке Варне (Вране) ее имя^[471]. Большинство

ромейских городов лежали в руинах, — и тени имперской власти в этих местах давно не осталось. Аспарух велел орде прикочевать в окрестности Одисса и устроил новую ставку здесь^[472].

За этим последовала быстро завершившаяся война с Семью родами и местными влахами. Далеко не все славяне Нижнего Подунавья, конечно, приветствовали приход болгар — тем более что воины Аспаруха некоторое время грабили их веси. Тем не менее в итоге Аспаруху удалось склонить противника к покорности. Славинии Мезии и Скифии сохранили автономию и собственных князей. Но союз Семи родов Аспарух раздробил. Подобно аварским каганам, он выделил славянам особые территории, в то же время переселив их с насиженных мест. На новых землях славяне должны были платить дань Аспаруху и прикрывать рубежи его ханства от врагов — авар и ромеев. Северов, сильнейшее из племен, хан поселил на границе ромейской Фракии — от ущелья Верегава в восточной части Балканского хребта до приморских областей. Остальные племена Семи родов, высланные из Скифии и Восточной Мезии, переместились на запад, на границу Аварского каганата^[473]. Центром их оседания стала долина реки Тимок, где позже сложился подвластный болгарам племенной союз тимочан. Многие земли к северу от Дуная, в Мунтении, в результате действий болгар запустели^[474]. В то же время какая-то часть семикорневцев осталась там^[475] — тоже признав власть Аспаруха.

Аспарух покори́л и влахов. Их свободное расселение приостановилось. Перевод болгарским ханом славян с привычных мест в плотно занятые пограничные регионы лишил влахов возможности «садиться среди них». Влахов вытеснили на юг и на запад^[476]. Поселившись к югу от Балканского хребта, в ромейской Фракии, влахи постепенно поглотили местных фракийцев. Романцы же и фракийцы Нижнего Подунавья — по крайней мере, оседлые — в течение ближайших десятилетий почти полностью смешались со славянами^[477]. Новый приток влахов сюда произошел уже в VIII–IX вв.^[478]

На Дунае под предводительством Аспаруха возникло мощное Болгарское ханство — достойный преемник Великой Болгарии. В его состав вошли земли как к северу, так и к югу от Дуная^[479].

Периодически к Аспаруху и его наследникам подходили из-за Дуная подкрепления — теснимые хазарами или бежавшие из-под их власти болгары. Соседи вынуждены были считаться с новой реальностью. С ромеями пока продолжалась война. Болгары теперь «стали опустошать деревни и городки во Фракии», «возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением крепости и деревни, и поработать их»^[480]. В этих условиях соседи западные — сербы — предпочли заключить с болгарами мирный и союзный договор. Он действовал больше столетия, обеспечивая Болгарскому ханству спокойствие на западной границе. Распространялся он (или впоследствии распространился) на все племена сербского корня — во всяком случае, дукляне приписывали его заключение своему князю Владику Силимировичу, внуку Всеграда. Вместе с тем очевидно, что первыми договор заключили именно сербы из Рашки, непосредственные соседи захваченной Аспарухом Нижней Мезии^[481]. Это никак не помешало их пакту с Империей. Далекой от театра боевых действий Сербии удавалось в итоге поддерживать добрососедские отношения с обеими сторонами.

Первоначальная ханская ставка к югу от Дуная — защищенная рвами и топиями земляная крепость — располагалась в Никулицеле, чуть выше Певки по реке^[482]. Затем Аспарух, по преданию, избрал резиденцией Дристру (Доростол, ромейскую Силистрию), расположенную на Нижнем Дунае, в окружении славянских поселений. На восток от Доростола Аспарух обновил линию валов, прикрывавших теперь Болгарскую орду от угрозы с юга до самого моря^[483].

Позднее хан решил перекочевать из Дристры в глубь завоеванной Мезии. На месте разрушенного во время войны с Семью родами или их последующего выселения славянского села, близ современного города Шумен, Аспарух возвел свою новую ставку. От прежнего славянского селения она унаследовала название — Плиска. Общая площадь ханской ставки — 23 км², ее опоясывал ров длиной около 21 км. Ставка имела форму огромной трапеции с заключенной в ней второй, меньшей. Последняя отводилась собственно под резиденцию хана, вокруг же, но под защитой того же рва располагались юрты его соплеменников и загоны для скота. В самом центре кочевого становища размещалось каменное укрепление — крепость за стеной

из массивного известняка 3 км в периметре. Внутри крепости находились ханский дворец и другие здания из известняка или реже кирпича, баня, бассейны, вкопанные цистерны для хранения воды. Крепость явно строили пленные ромеи, опытные мастера. Помогали им кое в чем и местные славяне, некоторое число которых осталось жить в болгарской Плиске. Кочевникам-болгарам столь грандиозное строительство было пока не по силам^[484].

Изначально болгары старались не смешиваться со славянами. Болгарские становища кучно располагались в районе Плиски и далее к востоку и северо-востоку, до приморских областей и Дуная. Славяне же жили по отведенным им окраинам и вдоль Дуная, на обоих его берегах^[485]. Оба народа сохраняли культурную самобытность и почти не смешивались друг с другом. Складывание славяно-болгарской средневековой народности еще не началось. Но Аспарух — сам, может быть, полуант — учитывал интересы и представления своих славянских подданных. В этом он принципиально отличался от аварских каганов. Славяне составляли явное большинство населения на покоренных землях, невзирая на всё новые вливания болгар. Долгий опыт общения со славянами привел Аспаруха к здоровой мысли о сохранении их племенных княжений на условиях уплаты дани и защиты границ. Славянские племена тем самым изымались из сферы непосредственного контроля хана и его приближенных — боилов. Князья славинии подчинялись хану напрямую, минуя болгарских наместников отдельных земель — тарканов и жупанов. Учитывая славянские обычаи и верования, Аспарух после перехода Дуная стал по-славянски отпускать волосы вместо кочевнической стрижки наголо. Факту этому придавался столь большой идеологический смысл, что он специально отмечен в кратком «Именнике болгарских князей» — отделяя кочевых ханов от их дунайских потомков^[486].

Но для действительного слияния со славянской массой этого было, конечно, очень и очень мало. Напротив, обособленность независимых славинии только мешала превращению Болгарского ханства в славянское государство. Сама возможность этого закладывалась с самого начала — давним смешением болгар и славян, тягой болгар к полуоседлой жизни. Но время не пришло. Болгарское ханство VII–VIII вв. славянским государством еще не являлось.

Конечно, славянам жилось в нем гораздо легче, чем в Аварском каганате.

Но подчинившиеся Аспаруху славиний все же оставались под инородным владычеством, и именно так оно славянами и воспринималось. В памяти русских соседей это восприятие сохранялось и в начале XII в. — когда южные славяне уже не противопоставляли себя болгарам и рассматривали их как тех же славян^[487]. Итак, история Болгарского ханства еще не стала частью истории Славянской Европы — но судьбы целого ряда ее племен оказались сплетены с судьбой новой кочевнической державы. В этом сплетении медленно, век за веком, и выстраивалось будущее единство.

Эпоха Великого переселения для славян завершалась. Рождение Дунайской Болгарии стало как бы последним ее аккордом. Карта более или менее стабилизировалась, смятенное движение племен затихало. Славянский мир теперь простирался от Средиземного до Балтийского моря, от Лабы до Десны. Наступало новое время — закрепления границ (впрочем, все продолжавших расширяться на северо-восток), непростой защиты независимости. Уже появились первые из будущих средневековых государств Славянской Европы — Сербия, Хорватия, Дукля, теперь и Болгария. А вместе с ними — множество исчезнувших позднее по разным причинам, но тогда более или менее сильных славиний от Прибалтики до Эллады. Можно говорить о первых зародышах Чехо-Моравии, Краковской Польши, Киевской Руси. Пусть пока непрочно, но кое-где прививались ростки христианской веры и церковности. В следующий период — в разное время, при разных обстоятельствах, под различными влияниями или почти без таковых — славянство вступает на дорогу к цивилизации Средневековья.

* * *

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ВЕЛИКОЕ РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН

В 602 году для славянских племен и для всей Восточной Европы начинается новый исторический период. Прорвав границу ослабевшей и раздираемой внутренними смутами Византийской империи, славяне широко расселяются по ее территориям, не только европейским. Одновременно долго сдерживавшиеся государственными и племенными границами потоки славянской колонизации устремляются и на север — к Балтике по всему ее протяжению. На востоке славяне глубже внедряются в лесостепные и лесные земли по границам тюркских степей. В результате всех этих событий Славянская Европа из сравнительно небольшой совокупности племенных территорий превращается в известный нам сегодня Славянский Мир. Его границы уже во второй половине VII столетия простирались от южной оконечности Пелопоннеса до Ладожского озера, от верховий Дона до Рейнского бассейна.

ISBN 978-5-4444-2772-9

9 78 5 444 4 277 2 9

notes

Примечания

Маршруты славянской миграции на Балканах на основе топонимических данных намечены в работе: *Займов Й.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967.

Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 228. В болгарской приписке к Хронике говорится: «При Анастасии царе начали болгары захватывать землю эту, перейдя в Бдыне, и прежде начали захватывать равнинную землю Охридскую, а потом эту землю всю». В приписке имеются в виду набеги кочевых болгар из Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья на Фракию, начавшиеся действительно при Анастасии, в конце 490-х гг. Они достаточно подробно описаны в византийских источниках. Болгарская приписка восходит к известию греческого хрониста XII в. Зонары, однако интерпретация сведений о болгарских набегах как начале процесса «поимания» страны принадлежит, конечно, болгарскому автору. Далее, ни в одном византийском источнике в связи с этими событиями не упомянут Бдын (Видин, Бонония). Город находится гораздо выше по Дунаю, чем традиционное место болгарских переправ ближе к дельте. Однако именно в этом районе, против Олтении, нередко переправлялись славяне. С учетом упоминания «Охридской земли» можно заключить, что здесь отражается именно славянское переселение начала VII в. Интересен в этой связи образ болгарского «исхода». В сознании христианизированного народа, и тем более христианских книжников, древнее переселение неизбежно ассоциировалось с библейским сюжетом. Мы видим это уже в богомильской «Апокрифической летописи» XI в., где в роли Моисея выступил другой библейский персонаж — Исая, «жезлом показующий» «куманам» (здесь — кочевые болгары) путь на новую родину. В приписках к «Хронике» перед нами другой фрагмент — и иной, более «славянизированный» вариант — того же переселенческого эпоса об «исходе». Если в «Апокрифической летописи» слияние воспоминаний о приходе славян в конце VI — начале VII в. и приходе болгар около 680 г. можно только угадывать, то здесь это слияние очевидно. В эпоху Второго царства славяне, перешедшие во Фракию в районе Видина, уже воспринимались (в местном ли предании или в общепринятой и общеизвестной традиции) как болгары. Более того, встретив первое

упоминание о древних, кочевых болгарях у Зонары, болгарский летописец не усомнился отождествить его с известным ему преданием об «исходе».

Патканов К. Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 226. 1883. С. 27.

Наиболее убедительна для последнего названия этимология Ф. Малингудиса (от *Velejezdъ) (*Malingoudis Ph. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. Bd. I. Wiesbaden, 1981. S. 149–150*). Четких альтернатив не предложено. О войничях см.: Български етимологически речник. Т. 1. София, 1962. С. 173.

Это отразилось, помимо археологических данных, в некоторой пестроте грамматики и словарного состава южнославянских языков. См.: Славянские языки. М., 1995. С. 19.

Это племенное объединение во главе с северянами упоминается в связи с нашествием болгар Аспаруха около 680 г. у Феофана (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 278–279). О вхождении северов в союз Семь родов см. там же, комм. 319. С. 314–315. Название «Семь родов» могло и не отражать никакого конкретного числа. Выделение северов вкупе с длительным сохранением в Болгарии предания о вожде Славе (ср. имя северского князя Славун — Свод II. С. 284–285), указывает, как представляется, на лидерство этого племени в союзе. Смутная память о распаде старых и выделении новых «родов» после переправы через Дунай видна в болгарском народном предании об основании Видина. Названия Гамзиграда, Костольца, Кулы и Видина производятся здесь от имен мифических героев — двух братьев и двух сестер. Они «вместе жить не могли» и потому основали отдельные крепости (Българско народно творчество. Т. II. София, 1963. С. 450).

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 243.

Федоров, Полевой 1973. С. 248,250.

Свод II. С. 357.

Седов В.В. Славяне в раннее Средневековье. М., 1995. С. 339.

Там же. С. 162.

Там же. С. 166–167.

В написанном примерно в 30-х гг. VIII в. «Житии Панкратия» (Свод II. С. 333).

Судя по «Армянской географии», едва ли не единственному нашему источнику (*Патканов 1883. С. 27*). И археологический материал, и письменные источники согласны в том, что выступающие там как второй этап нашествия действия в Далмации и Элладе происходили уже при Ираклии.

Подчеркивание этого, судя по Апокрифической летописи, стало довольно важным элементом самосознания болгар после падения Первого царства в XI в. — болгары занимают «землю Карвунскую» (Добруджу), которую до того «запустили греки и римляне», «опустевшую от эллинов за 130 лет» (*Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 281*).

Седов В.В. Славяне в раннее Средневековье. М., 1995. С. 99–100.

Память об этих событиях сохранило местное далматинское предание, передаваемое Фомой Сплитским: *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1987. С. 30–31, 240–241. Фома, в отличие от Константина Багрянородного, четко отличает авар («готов») от славян-лендзян («лингонов»). Однако вместе с тем для него (в отличие от Константина) аваро-славянское нашествие уже слилось с хорватским завоеванием Далмации, а хорваты отождествились с античными куретами, превратившись, таким образом, в балканских автохтонов. Но — опять же в отличие от ученого императора — Фома помнит о промежутке времени между вторжением рубежа VI–VII вв. и взятием Салоны ок. 615 г.

Седов В.В. Славяне в раннее Средневековье. М., 1995. С. 29–30, 129.

Там же. С. 275–277.

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 28: Свод II. С. 484–485.

Седов В.В. Славяне в раннее Средневековье. М., 1995. С. 103.

Там же. С. 103–104.

Там же. С. 104 (на более раннем поселении Сучава-Шипот славянская лепная керамика составляет 60%, а на Лозна-Дорохой — до 76%).

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367 (как минимум старшие славяно-аварские метисы уже были взрослыми к 623 г.).

Седов В.В. Славяне в раннее Средневековье. М., 1995. С. 30, 128–129, 287.

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367.

Sklenar K. Památky praveku na uzemi CSSR. Praha, 1974. S. 272–273, 285–286; *Седов* 1995. С. 128–129, 287.

Fred. Chron. IV.48: Свод II. С. 366–367. Представляется, что объяснение фредегаровских «бефульков» самим Фредегаром — единственно убедительное. Распространенная версия о том, что авары использовали для обозначения славян славянское же слово *byvolci*, «волопасы» (?), потому что те не играли в битвах существенной роли, а служили лишь погонщиками (*Mayer T. Zu Fredegars Bericht über die Slawen.// Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 11. Wien, 1929. S. 118–119*), прямо противоречит показаниям источника — на что по неясным причинам редко обращается внимание. Использование смешанного наречия с германскими и романскими элементами в разноплеменной Паннонии вполне вероятно. О такой же тактике авар сообщает и Пасхальная хроника (Свод II. С. 76–77), надежно подтверждая известие Фредегара.

Sklenar 1974. S. 273; Cedov 1995. C. 129.

Рюсенская культура, принадлежавшая сорбам, отнюдь не вассалам каганата, и сложившаяся дальше на север в первых десятилетиях VII в. уже несет на себе все основные черты развивавшегося в рамках каганата симбиоза (дунайская гончарная керамика, каменное строительство, ингумации) (Седов 1995. С. 143–144).

Славянские языки 2005. С. 19–20.0 том, что речь не идет просто о выселении со Среднего Дуная на Балканы, свидетельствует переход в среднесловацкие диалекты как особых южнославянских черт, так и общих восточно-южнославянских. Правомочно говорить о складывании единой диалектной зоны в сфере влияния Аварского каганата.

Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. М, 1995. С. 128–129.

Sklenar 1974. S. 272, 285.

Sklenar 1974. S. 273, 280, 285; *Cedov* 1995. C. 128–129.

Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. М, 1995. С. 143–144.

Sklenar 1974. S. 273, 292, 294, 302, 304; *Cedov* 1995. C. 287–289, 292.

Sklenar 1974. S. 273–274, 283–285.

Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969. С. 125; Historia kultury materialnej Polski. T. 1. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978. S. 26, 38.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах.СПб., 1870.С. 138.

Впрочем, не приписывая, кажется, и ему власти над всеми этими племенами: Полное собрание русских летописей. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 1997. Стб. 10; Т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 1998. Стб. 8; Т. 38. Л., 1989 (Радзивилловская летопись). С. 13. При некотором желании отражение распада дулебского союза можно увидеть и в белорусском предании о полевиках и полешуках (отражающем, возможно, этногонические сказания дреговичей), где говорится о восстании против сородичей-«панов», которые угнетали предков белорусов (Легенди и паданни. Текст № 95). Впрочем, социальный (вернее, даже социально-политический) подтекст этой части записанного в 1920-х гг. предания слишком прозрачен.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11–12; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 13–14. Далее автор «Повести» однозначно локализует дулебов на Буге (Т. 1. Стб. 12–13; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 14). Притча об обрах живет, по его словам, «в Руси». Предание, которое он использовал, могло быть, следовательно, только волынским или шире — восточнославянским, но никак не чешским или паннонским (а такие отождествления в отрыве от всего текста источника иногда делались).

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 16.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12–13; Т. 2. Стб. 9. Выше прямо говорилось, что бужане — прежнее наименование волынян (Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 8; Т. 38. С. 13).

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Я. Длугоша. М., 2004. С. 79–226 (дулебы «после стали зваться волынянами, а ныне — лучанами»). Упоминание лучан может принадлежать бывавшему в Юго-западной Руси, уже принадлежавшей Польско-Литовскому государству, Длугошу. Но непонятно, почему польский историк не удовлетворился упоминанием волынян. Этноним «волыняне» в XV в. был не менее понятен, чем вполне употребляемое еще название «Волынь». Напротив, как отмечают польские комментаторы К. Перадска и Б. Модельска-Стрелецка (*Dlugosz J. Roczniki czyli Kroniki slawnego krolestwa Polskiego. Ks. 1–2. Warszawa, 1961. S. 186*), как раз название «лучане» нехарактерно для польских хронистов. Едва ли оно было сколько-нибудь известно в Польше. С другой стороны, в русских летописях обозначение «лучане» достаточно древнее. В Повести временных лет оно обозначает жителей Луцка еще под 1085 г. Заметим еще, что название «волыняне» там после вводной части не встречается. Итак, нет оснований полагать, что лучане не фигурировали еще в «летописи Длугоша». Рассказ ее о дулебах вообще полон оригинальных деталей. Это и внесение их в перечень племен, живущих «зверским образом», и произведение этнонима от мифического родоначальника Дулеба. Именованье лучан прямыми потомками дулебов изначально не связано с приведенным в «летописи Длугоша» исключительно на основе Повести временных лет (причем разных ее фрагментов) отождествлением дулебов и волынян. Историческую основу соотнесения «дулебы — лучане» определить довольно трудно. С одной стороны, лучане жили на изрядном расстоянии от основных центров дулебской культуры в Побужье. Именно в Побужье располагался единственный протогородской центр корчакской культуры к востоку от Буга — городище Зимно, в котором логично видеть центр дулебской общности; там же локализуем дулебов и Повесть временных лет. С другой стороны, бужан/волынян она, кажется, рисует как территориальных преемников побужских дулебов, но не как их прямых потомков и наследников. Сопоставляя данные «Баварского географа» о «луколанах» IX в. с древней устной

традицией, отраженной в Повести временных лет и «летописи Длугоша», видим, что на территории Волыни существовало два сильнейших племени или племенных общности. Одна — бужане-вольняне, занимавшие Побужье, владела основными в прошлом землями дулебского союза племен. Но при этом и другая, лучане, числила себя общностью прямых потомков и наследников древних дулебов, хотя центр ее и находился восточнее. Историческую ситуацию, легшую в основу таких претензий, реконструировать с достоверностью невозможно. Но, вероятнее всего, ее корни — в обстоятельствах, приведших к распаду и гибели «дулебо-волынского» союза племен под ударами авар и вследствие внутренних усобиц в первой половине VII в. О русском летописном источнике Длугоша см.: *Папуто В. Т.* Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 279; *Папуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 25–29; *Клосс Б.М.* Русские источники I–VI книг *Анналов Яна Длугоша* // *Щавелева* 2004. С. 34–52; *Алексеев СВ.* Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. М., 2005. С. 202–206.

Это заставляет многих исследователей сомневаться в самом факте аварского нашествия и искать иные объяснения исчезновению антского имени из источников (см., напр.: *Седов* 1982. С. 28).

О датировке см.: *Седов* 1982. С. 25; *Щеглова О.А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск, 1990; *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

О соседстве и зависимости болгар от авар, завершившейся около 634–640 гг., прямо говорит Никифор (*Чичуров И.С* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 153–161). Неверие в возможность проникновения авар столь далеко на восток (*Погодин А.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901. С. 59–60; *Чичуров* 1980. С. 176) едва ли обоснованно (в частности, ничего «неясного» собственно в свидетельстве Никифора о падении аварского господства над болгарами не видится). О каком-то соседстве авар с независимыми на тот момент от них болгарами достаточно четко говорит Феофан (Свод II. С. 272–273) в связи с событиями 626 г. Тогда-то, в канун осады Константинополя, и был, вероятно, заключен «союз» авар и болгар, разорванный Кувратом в обстановке упадка Аварского каганата и отступления тюркютской опасности после 634 г. Таким образом, нет противоречия между упадком каганата после событий 626 г. и *окончанием* его довольно условного «господства» над болгарами в 630-х гг. Большинство исследователей в той или иной степени допускали возможность прямого толкования известия Никифора (*Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2002. С. 179; *Kollautz A., Mijakawa H.* Geschichte und Kultureines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolkes. Kladenfurt, 1970. Т. 1. S 159–160; *Szadecky-Kardoss S.* Über die Wandlungen der Ostgrenze der awarischen Machtsphäre // Bibliotheca Orientalia Hungarica, № 20, 1975). До 626 г. Куврат являлся, как увидим далее, союзником Ираклия против авар.

Упомянуто в «Поучении Владимира Мономаха» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248).

Свод I.C. 262.

Свод II. С. 402, 405.

О выселении антов свидетельствуют многочисленные находки пальчатых фибул (Археология Венгрии. Конец II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М., 1986. С. 313).

С этим, а также с более ранним выселением в Чехию хорватов может быть связана любопытная антропологическая деталь. По одному из ключевых генетических признаков — дерматоглифике (рисунку на кистях рук) — чехи-мужчины ближе к восточным славянам, чем даже болгары, и резко отличаются от других западных славян. В то же время женщины-чешки по этому признаку — определенно западные славянки. Хотя, как и польки, они ближе к восточным славянкам, чем женщины-словачки. Все западные славянки ближе к восточным, чем болгарки (Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 78). Это как раз легко объясняется историей славянского завоевания Балкан. Но особую близость чехов-мужчин к восточным славянам можно объяснить только с учетом существования чешских племен хорватов, дулебов и лучан.

См.: *Sklenar* 1974. S. 274; *Седов* 1995. С. 312, 316 (карта).

Старейший источник о расселении чешских племен — грамота, утверждающая границы Пражской архиепископии (*Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 152*). На западе Чехии, наряду с лучанами, помещаются здесь дечане, литомержцы, лемузы. О времени появления всех этих племен с уверенностью говорить нельзя. Стоит отметить, что зличане здесь среди северных племен не названы, зато фигурируют «хорваты и другие хорваты». Стоит отметить, что Козьма Пражский не знал ничего о происхождении племени лучан и угадывает совершенно невероятное от латинского *lusa*, «луг» (*Козьма 1962. С. 49*). Здесь он невольно попадает в точку — значение праславянского слова «лука» сходно, и оно родственно слову «луг» (*ЭССЯ. Вып. 16. С. 148–150*).

Археология Венгрии 1986. С. 310—313; *Седов* 1995. С. 29.

Федоров, Полевой 1973. С. 300 (как пример — аваро-славянские элементы в гепидско-дакийском могильнике Бандул-де-Кымпиэ).

Седов В.В. Славяне в раннее Средневековье. М., 1995. С. 129.

Там же. С. 133. Гипотеза о существовании здесь центра «государства Само» (*Kunstmann H. Wo lag das Zentrum von Samos Reich? // Die Welt des Slawen. Halbjahresschrift für Slavistik. Bd. XXVI. München, 1981. S. 67–101*) нуждается в более весомых доказательствах. Неясно, в какой именно момент между VII и XIV вв. (позднейшая славянская керамика из Кнетцгау) появились «княжеские» топонимы. Четких следов княжеского «града» в данной местности, кажется, нет. Логичнее искать центр «державы» Само в Моравии, где градов в VII в. строится немало. Так, как увидим далее, обычно и делается.

Седов В.В. Славяне. М., 2002. С. 532–534. Приводимая здесь датировка переселения рубежом VII–VIII вв. исключается упоминаемыми находками в Зимно. Очевидно, следует датировать факт временем не позднее рубежа VII–VIII вв.

См. в «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ): *xolča, «штанина, чулок» (Вып. 8. С. 56); *loktika, «салат-латук» (Вып. 16. С. 7–8); *meťa, «мята» (Вып. 19. С. 16–17); *nagorditi, «наградить» (наиболее гипотетическое заимствование, из германского через предполагаемый романский — но, может быть, восходит к воинскому наречию каганата, как и пресловутые «бифульки»? — существительное *nagorda и другие однокоренные слова происходят от глагола) (Вып. 22. С. 51–52); *osělъ, «сталь» (Вып. 32. С. 10). Раннее, но не ранее VII в., время заимствований разумно определять именно по наличию их в восточнославянских языках при отсутствии в болгаро-македонской группе.

Итальянские народные предания Нового времени приписывают разгром Фриуля во времена «королевы» Ромильды (то есть в 610 г.) славянам (*Brozzi M. Il ducato longobardo del Friuli. Udine, 1980. P. 125*). Однако события здесь настолько сильно искажены, что и аварское вторжение могло запросто совместиться с позднейшими набегами славян. Достаточно сказать, что герцогиня Ромильда, сдавшая после гибели мужа Гизульфа столицу герцогства аварам, превращается в героиню сопротивления. Авары, разумеется, в проживших больше 1000 лет преданиях уже совсем не упоминаются.

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 37: Свод II. С. 484-^85.

См.: ЭССЯ. Вып. 29. С. 128–129. Любопытно другое заимствование из тюркского, только в чешско-словацком ареале (уже VIII в.?) — *obsogъ, «выгода» (ЭССЯ. Вып. 29. С. 251). Кажется, здесь отразилось представление об особой корыстности авар, как и в некоторых значениях слова «обрин».

*сіма, «верхушка» (из балкано-романского; ЭССЯ. Вып. 3. С. 195–196); *bъdoкy, «латук» (из иллирийского или фракийского; ЭССЯ. Вып. 3. С. 67–68); *bъкъ, «открытый очаг, камень» (из иллирийского; ЭССЯ. Вып. 3. С. 115–116); *leŭja, «чечевица» (есть и в древнерусском с XIII в.; вероятно, из балканских языков; ЭССЯ. Вып. 15. С. 63–65); *macěsnъ, «лиственница» (только в западной группе; предположительно из субстратного языка; ЭССЯ. Вып. 17. С. 112–113).

Славянские языки 2005. С. 73,97.

Славянские языки 2005. С. 107–108, 136.

Славянские языки 2005. С. 147–148, 192–193.

Славянские языки 2005. С. 229.

См.: Свод II. С. 355–357.

Седов 1995. С. 103.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М, 1993. С. 13–14. См.: *Нидерле Л.* Славянские древности. М, 2001. С. 484–485; *Rudnicki M.* Geograf Bawarski w oświetleniu językoznawczym // *Z polskich studiów slawistycznych.* Warszawa, 1958. S. 189; *Дуйчев И.* Българско средновековие. София, 1972. С. 81–82; *Kraliček A.* Der sogenannte Bayrische Geograph und Mahren // *Zeitschrift für die Geschichte Mährens.* Brünn, 1989, Bd.2. S. 229. Ничем не хуже предполагаемое в ряде из названных работ происхождение и от славянского «-родичи» в сочетании с тем же греческим *επτα*. Использование греческого или грецизированного самоназвания было бы лишним свидетельством тесных взаимоотношений славян и аборигенов, правда, в этом случае относящимся уже к IX в., когда те в основной массе славянизировались.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10, 11, 25; Т. 2. Стб. 5, 8, 9, 18; Т. 38. С. 12, 13, 18.

Седов 1995. С. 157–162.

Въжарова Ж. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI–XI век. София, 1965. С. 115 и след.; *Гимбутас М.* Славяне. М., 2003. С. 140–141; *Седов* 1995. С. 157, 162.

Народы зарубежной Европы. Т. 1. М“ 1964. С. 340–341

Въжарова 1965. С. 183; *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България. София, 1976. С. 9 и след.; *Гимбутас* 2003. С. 140; *Седов* 1995. С. 157.

Седов 1995. С. 159.

Въжарова 1965. С. 182–183; *Седов* 1995. С. 157, 162.

Въжарова 1965. С. 179,207–223; *Седов* 1995. С. 163.

Въжарова 1976; *Гимбутас* 2003. С. 140; *Седов* 1995. С. 157–158.
О преобладании среди славян кремации умерших позволяет судить случайное упоминание Феодора Синкелла (Свод II. С. 86–87).

Дельту Дуная каганат контролировал с 602 г. (*Paul. Diac. Hist. Lang. IV.20*) до прихода болгар Аспаруха (*Патканов 1883*). Именно с низовий Дуная пришли славяне, осаждавшие вместе с аvaraми Константинополь в 626 г. (по Феофану: Свод П. С. 272–273). То, что они, увидев истребление каганом соплеменников, покинули авар, на самом деле совершенно не доказывает, что они (как, например, по комментарию С.А. Иванова к Пасхальной хронике — Там же. С. 83) до того момента были от кагана независимы. Трактовать действия возмущенных славян как антиаварское восстание, а не как разрыв равноправного союза гораздо больше оснований.

Свод II. С.284–285 (Феофан).

Иванов 1925. С. 282.

Иванов 1925. С. 282.

Бешевлиев В. Началото на българската държава според апокрифен летопис от XI в. // Средновековна България и Черноморието. София, 1982. С. 39–40; *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 2001. С. 240. Как представляется, в реальности на примере Слава довольно рельефно вырисовывается характер дошедшей до «летописца» устной традиции — сугубо народной, внимательной более к топонимическим, чем к хронологическим и генеалогическим данным. Ни о предках, ни о потомках Слава ничего не сообщается. С другой стороны, становится очевидной вольность интерпретаций древних преданий богомилским автором, который «сшивал» их условно и притом безапелляционно, выстраивая в итоге совершенно фантастическое хронологическое и генеалогическое единство. Яркой чертой этого нового, отсутствовавшего в исходном материале единства является абсурдная в контексте и тогдашней исторической науки, и наших сегодняшних знаний хронология. «Летописец» искусственно завышает даже не сроки жизни, а сроки правления и легендарных, и вполне исторических персонажей. Можно было бы допустить, что в некоторых случаях мифические сроки правления давала сама устная традиция. Но едва ли они могли содержаться во всех до единого разрозненных, привязанных к местностям преданиях, зафиксированных «летописцем». Однако именно эта черта сообщает апокрифу черты «летописи». Одновременно она уподобляет его родословному преданию, не столько утраченному фольклорному, сколько ветхозаветному, — а следовательно, парадоксальным образом сообщает ему некую «достоверность» в глазах аудитории. Метод этот применялся в апокрифической литературе еще с рубежа нашей эры («Книга Юбилеев» и др.).

См.: *Гимбутас* 2003. С. 139–140; *Седов* 1995. С. 29, 129, 131, 157–158, 162, 321; *Седов В.В.* Славяне. М., 2002. С. 493.

Седов 1995. С. 29, 131.

Седов 1995. С. 158.

Гимбутас 2003. С. 139; *Седов* 1995. С. 29, 129, 131, 157, 158, 162.

Седов 1995. С. 321.

Седов 1995. С. 131,162.

Седов 1995. С. 130, 323, 332.

См.: *Mrkobrad D.* Arheološki nalazi Seobe naroda u Jugoslaviji. Beograd, 1980. S. 71 etc; *Cedov* 1995. C. 130–131, 158–162, 323, 332, 337.

Седов 1995. С. 131.

«Хижины» в ЧСД: ЧСД 279: Свод П. С. 166–167.

Седов 1995. С. 162

Седов 1995. С. 163–164.

ЧСД 254,268: Свод II. С. 154–155,160–161.

Седов 1995. С. 131,159,332.

ЧСД 255, 271–273: Свод II. С. 158–159, 162–163.

Седов 1995. С. 164.

См.: *Седов* 1995. С. 131, 158–159, 337.

Седов 1995. С. 130, 159; Седов 2002. С. 493.

Werner J. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland // Abhandlungen des Deutschen Akademie der Wissenschaft zu Berlin. Klasse für Gesellschaftswissenschaft. Bd. 2. Berlin, 1953. См. также: *Седов* 1995. С. 161.

Седов 1995. С. 130, 158–159, 337.

Для византийца X в. «славяне» и «авары», особенно применительно к Греции, синонимы (Свод II. С. 328–329). Так, в «Житии святого Панкратия» VIII в. именно авары рисуются как насельники завоеванной славянами Эллады и морские разбойники на Адриатике (Там же. С. 333–334). На этих основании можно предполагать (без твердой уверенности) присутствие авар среди первых славян, вторгшихся на балканский юг.

Так поступает «готский» вождь, «стоявший во главе всей Славонии», с Далмацией у Фомы Сплитского: *Фома* 1997. С. 35, 240.

На это однозначно указывают не только находки аварских воинских погребений, но и сведения Константина Багрянородного о первой волне завоевателей Далмации. Он не только смешивает в ней авар и славян, но и подчеркнуто рассматривает позднейшее вторжение хорватов как освобождение именно от аварского владычества (на основе преданий самих хорватов) (*Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1991. С. 110–113, 126–127, 130–131, 136–137*).

ЧСД 196: Свод II. С. 134–135. «Полностью» независимыми (Там же. С. 195–196 (комментарий О.В. Ивановой) македонских славян признать не решаемся, соизмеряя реальные их и каганата силы.

Автор Монеувасийской хроники: Свод II. С. 328–329 («не подвластные ни василевсу ромеев, ни кому-либо иному»).

Седов 1995. С. 159.

Народы I. С. 418–419,444,461,474-^75,489–491.

ЧСД 181, 199, 214, 307–309: Свод II. С. 126–127, 136–137, 142–143, 178–181.

ЧСД 307: Свод II. С. 178–181. Излагается эпизод с африканским епископом Киприаном, захваченным у берегов Эллады славянами и спасенным из рабства святым Димитрием Солунским.

ЧСД 249: Свод II. С. 252–253.

ЧСД 214: Свод II. С. 142–143.

ЧСД 214: Свод II. С. 142–143.

Именно «деньги» предлагают славяне аварскому кагану: ЧСД 197:
Свод И. С. 134–135.

См.: ЧСД 193: Свод II. С. 132–133 (εξαρχος — о Хотуне); 144. С. 144–145 (ρηξ — здесь и еще далее о Пребуде); 255. С. 156–157 (опять ρηγεξ, но о нескольких вождях дреговичей); 265,273. С. 160–161, 162–163 (αρχοντεξ — о всех вождях четвертой осады Фессалоник).

ЧСД 212. С. 140–141.

Свод II. С. 274–275 (см. также примеч. 268)

См.: Константин 1991. С. 136–137, 140–143; *Шушић Ф.* Летопис попа Дукљанина. Београд — Загреб, 1928. С. 292 и след. Надо вместе с тем иметь в виду, что предания, отраженные у Константина Багрянородного и еще в большей степени у Дуклянина, представляют собой как раз «княжескую» версию устной традиции, которая пришла на смену версии «племенной» в раннесредневековых государствах. Особенно это видно при сравнении приводимой Константином же (С. 130–131) «племенной» версии прихода хорватов на Балканы с образами пяти братьев-родоначальников и двух их сестер и приводимой далее версии «княжеской», в коей представлен уже единственный «архонт»-основатель.

Константин 1991.С. 112–113 — считает даже, что «архонтов... эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в прочих Славиниях». Это прямо противоречит, однако, собственным данным Константина об «архонтах» перечисляемых народов — хорватов, сербов и прочих.

Этот обычай использовал в 688 г. император Юстиниан II для назначения князя македонским славянам (Никифор — Свод II. С. 232–233).

Седов 1995. С. 130.

Судя по «Житию святого Панкратия», говорящему об «аварах» в «епархии Диррахия» (Свод II. С. 333), и по средневековым преданиям о захвате ими Превалитании (*Константин* 1991. С. 152–153; *Шшић* 1928. С. 295–296).

Седов 1995. С. 166–167.

Упомянуты у славян уже при описании осады Фессалоники в 616 г. (ЧСД 189: Свод II. С. 130–131).

Седов 1995. С. 161.

При осаде Константинополя в 626 г. «пешие легковооруженные славяне» противопоставлены «тяжеловооруженной пехоте» аварского кагана (Свод II. С. 76–77 — Пасхальная хроника). В осаде участвовали преимущественно придунайские племена.

ЧСД 262: Свод II. С. 158–161.

ЧСД 272, 279: Свод II. С. 162–163, 166–167.

Свод II. С. 84–85.

См.: ЧСД. 179: Свод II. С. 124–127; Феофан о событиях 626 г.: Свод II. С. 272–273; Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 44: Свод II. С. 486–487; Свод II. С. 517 («Смешанной хроникой» о нападении славян на Крит).

ЧСД 242: Свод II. С. 150–151.

ЧСД 248: Свод II. С. 152–153.

Константин 1991. С. 152–153.

См.: *Шинић* 1928. С. 296 след.

См.: *Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1997. Приложение № 20,40.*

См., напр.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 251, 263–264, 288; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 205, 212–213

ЧСД 193: Свод II. С. 132–133.

В одном болгарском предании говорится о том, что «бог Перун» «жил» в Пирине (БИТ. Т. 11. С. 221).

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 13.

Седов 1995. С. 160–161

Заметим, впрочем, что связанное с их обычаями восприятие славян как «людей-волков» еще удерживалось в первой половине VII в. среди ромеев. «Волки-славяне» выступают в одной из поэм Георгия Писиды, «Ираклиаде» (Свод II. С. 70–71). У сербов мощные следы оборотнических представлений сохранились в героическом эпосе (см.: Славянская мифология 1995. С. 198).

См.: Песни южных славян. М., 1976. С. 23 и след.

См.: Песни южных славян. 1976. С. 33–34, 425.

Народы I. С. 343,446,475.

Народы I. С. 343, 420,446,462.

Сохранилось в обрядности Ильина дня: Календарные обычаи 1978. С. 214, 234 (у болгар сохранилось общеславянское, отмеченное еще у Прокопия, приношение быка).

Календарные обычаи. 1977. С. 249, 252, 254, 260, 265, 278, 287, 289, 290.

См.: Календарные обычаи. 1978. С. 201, 224–225.

Календарные обычаи. 1978. С. 202, 226–227.

Календарные обычаи. 1977. С. 278–280.

Календарные обычаи. 1977. С. 269–270, 291.

См.: *Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976. С. 97–98; *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII–IX ст. Київ, 1980. С. 124; *Седов* 1982. С. 112–113. Выделение памятников в особую культуру и ее общая характеристика даны в работах: *Гавритухин, Обломский* 1996; *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеимское и гуннское время. М., 2002. С. 80–86, 91–93.

Именник болгарских ханов. София, 1981. С. 12. Отождествлению названного здесь Безмера из рода Дуло, преемника Курта из рода Дуло, со старшим сыном Куврата Батбаяном (*Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. I. София, 1970. С. 164) нет ни единой убедительной альтернативы.

См.: *Чичуров* 1980. С. 151–159, 168–169.

Кухаренко 1969. С. 128.

Кухаренко 1969. С. 125; *Historia kultury* 1978. S. 30, 40; *Седов* 1995. С. 44-45.

Седов 1995. С. 44.

Та, которую знает на Зале источник XII в. (см.: *Нидерле* 2001. С. 493)

Седов 1995. С. 28–29, 142.

Седов 1995. С. 142–143.

Седов 1995. С. 144.

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 370–371. При прямом славянском толковании оно вступает в курьезную семантическую перекличку с именем Брус, которое носил упоминаемый в Летописи попа Дуклянина брат родоначальника дуклянских князей, оставшийся княжить на сербохорватской прародине (*Шишић* 1928. С. 293). В принципе, Дерван вполне мог бы быть братом перешедшего на службу Ираклию «архонта Серба», о котором говорит, явно перекликаясь с Дуклянином, Константин Багрянородный (*Константин* 1991. С. 140–141). Но все же разумнее, как представляется, отнести к этой заманчивой ономастической игре как к случайному совпадению.

Седов 1995. С. 143–145.

Судя по «Баварскому географу»: *Назаренко* 1993. С. 13–14. Этимология названия совершенно туманна, возможно, от местного названия *Dalmatia* (см.: Там же. С. 20. Примеч. 13).

О том, что сербы на начало 630-х гг. «издавна относились к Франкскому королевству», говорит Фредегар (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 370–371). Потому с доверием следует относиться и к известию Константина Багрянородного, согласно которому хорваты до переселения на Балканы при Ираклии, на своей прародине уже «подчинялись франкам» (*Константин* 1991. С. 130–133). Ничего невероятного, с учетом сведений Фредегара о сербах, в этом нет — со скидкой на то, что «подчинение» в хорватском предании отражает франкские притязания, каковые франки попытались подкрепить уже в IX в.

Седов 1995. С. 144–145.

См. в ЭССЯ. Можно отметить еще *maľžena, «супруги» (славянская калька с верхненемецкого malwip).

Седов 1995. С. 97, 337, 343; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 258.

Седов 1995. С. 44, 47. Время основания Ольденбурга-Старграда уточняется, исходя из его названия, по времени основания Мекленбурга-Велиграда, позднейшей столицы. Монографическое описание Старграда: *Gabriel I. Starigrad/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien.* Neumunster, 1984.

Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 340; *Седов* 1995. С. 51. Монографическое описание Мекленбурга: *Donat P.* Die Mecklenburg — eine Hauptburg der Obodriten. Berlin, 1984.

Седов 1995. С.47.

Отдельные группы велетов, в принципе, могли прорываться через ободричские земли и дальше на запад, в Саксонию и Фризию. Л. Нидерле осторожно допускал, что с велетами могут быть связаны упоминаемые Бедой Достопочтенным в 90-х гг. VII в. вилты, племя в составе фризского союза, имевшее центром Вилтабург — будущий Утрехт (см.: *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов. СПб., 2001. С. 164). «Однако, — справедливо отмечал Л. Нидерле, — одно лишь сходство наименований при отсутствии других данных еще недостаточно для того, чтобы сделать такой вывод. В еще большей степени это относится к отзвукам наименования вельтов, встречающимся в Англии» (*Нидерле 2001*. С. 122). Остается лишь добавить, что наличие таких «отзвуков», скорее всего, связано именно с фризскими вилтами, проникшими в Англию еще в конце V — начале VI в. вместе с ютами, то есть задолго до велетских войн.

Седов 1995. С. 54–55.

Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawische Stämme zwischen Elbe und Oder/Neisse. Berlin, 1968. S. 73;
Гумбуртас 2003. С. 157.

Historia kultury. 1978. S. 37–38,105; *Cedov* 1995. C. 139–141.

См.: *Седов* 1995. С. 141.

Седов 1995. С. 140.

Назаренко 1993. С. 14–15 — во второй, более поздней части текста.

Назаренко 1993. С. 13–14, 14–15. См. также примечания к тексту: С. 23, 58. Отождествление «милоксов» с мильчанами, которое нам кажется более чем обоснованным, предложил А. Краличек (*Kraliček* 1989. S. 226). Упоминаются мильчане как соседи дедошан и в грамоте Пражской архиепископии (*Козьма* 1962. С. 152).

Судя по сохранению его выселившимися из Поозерья в Прибалтику «латвийскими» вендами (см. о них: *Седов* 1995. С. 173 след.).

См.: *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в «Саге о Тидреке Бернском». СПб., 1906. С. 136–138.

Восточные славяне. 2002. С. 169.

Концепция славянского и «мазурского» происхождения прибалтийских вендов обеспечивает недостающее звено между венедским ареалом и новгородской культурой сопок VIII–IX вв. В работе 1982 г., датируя возникновение культуры сопок VII в., В.В. Седов указывал: «Сейчас невозможно ответить на вопрос, каким путем шло расселение славян в Приильменье. Можно только высказать предположение, что предки словен, как и предки кривичей, в процессе расселения пересекли балтские земли, может быть, где-то в бассейне Немана» (Седов 1982. С. 166). Казалось бы, концепция миграции из Мазур в Прибалтику обеспечивает решение проблемы. Тем не менее в работе 1995 г. В.В. Седов отказался от прежних воззрений, существенно удревняя культуру сопок. Одно из оснований такого удревнения он видит в том, что «археологические материалы Среднего Повисленья, Неманского бассейна и других балтских территорий не фиксируют каких-либо следов крупной миграции населения в восточном или северо-восточном направлениях в VII в. или на рубеже VII и VIII вв.» (Седов 1995. С. 245). Однако это прямо противоречит развернутой им на серьезных основаниях в той же самой работе концепции прихода вендов в Прибалтику именно в VII в. В работе 2002 г. (Седов 2002) какие-либо упоминания о прибалтийских вендах (а также и о Мазурской группе), несмотря на детальную и убедительную разработку этой проблемы в предыдущем труде, отсутствуют. Наличие столь заметных внутренних противоречий заставляет, к сожалению, в целом сомневаться в целесообразности и обоснованности удревнения культуры сопок. Гипотезы об удревнении отдельных славянских культур и к «славянизации» неславянских на территории Европейской России нередки в работах последних полутора десятилетий.

Датируется в промежутке 575–675 гг. (*Седов* 1995. С. 171). Датировку позволяют сузить некоторые обстоятельства. В конце VI в. авары только разведывали и зондировали ситуацию на Севере, будучи заняты войной с ромеями. Для активных операций в этом направлении время настает только после 602 г. В начале же VII в., самое позднее, уже происходит вендское вторжение в Прибалтику (*Седов* 1995. С. 174).

См.: *Седов* 1995. С. 171,173; *Кулаков В.И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII в.// *Barbaricum-*1989. Warszawa, 1990.

Седов 1995. С. 171.

Седов 1995. С. 173–175. Дискуссия о происхождении прибалтийских вендов имеет давнюю историю. Широко распространилось мнение об их финском, ливском происхождении (Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 34). Однако В.В. Седов убедительно и подробно обосновал мнение об их славянском происхождении с точки зрения археологии (*Седов* 1995. С. 173–182). Остается отметить, что на финской почве этимология совершенно объяснимого для славян (пусть и не славянского по коренному происхождению) этнонима не заходит дальше нефинского названия реки Венты.

Седов 1995. С. 180–182.

Седов 2002. С. 359.

Historia kultury. 1978. S 34.

Седов 1995. С. 10–11, 28–29.

Historia kultury. 1978. S. 31.

Historia kultury. 1978. S. 203, 206, 289.

Historia kultury. 1978. S. 90–91, 96, 289; *Ceðob* 1995. C. 21.

Свод II. С. 399.

См.: *Седов* 1982. С. 12, 236–237, 239–240, 241.

ЭССЯ. Вып. 19. С. 106–107 (термины известны в северных славянских языках и западных южнославянских).

ЭССЯ. Вып. 8. С. 62 (см. значения во всех языках, кроме болгарского и македонского).

ЭССЯ. Вып. 24. С. 104–105 (слово неизвестно в болгарском и македонском).

ЭССЯ. Вып. 4. С. 182–183 (форма Дажьбог отмечена в древнерусском и старопольском; форма Да(й)бог в сербохорватском).

Этот комплекс представлений отражен в русской Ипатьевской летописи, где Дажьбог отождествлен с «царем» Гелиосом из Хроники Иоанна Малалы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 279), и в сербской сказке о Дабоге, «царе земли».(см.: Славянская мифология 1995. С. 153). «Внуками Дажьбожьими» именуются, как известно, русские князья в «Слове о полку Игореве».

Об этом можно судить по избранию правителем Само («Виниды избрали его над собой королем» — *Fred. Chron.* IV. 48: Свод II. С. 366–367).

У Богухвала (см.: Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М, 1984. Гл. 1–2).

См.: ЭССЯ. Вып. 18. С. 42.

См. исследование на конкретном источниковом материале: *Алексеев СВ. Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. М., 2005; Алексеев СВ. Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М., 2006.*

См.: ЭССЯ. Вып. 8. С. 174–175,177 (корень *јагъ в основе имени следует отличать от более «позитивного» по смыслу *јаго, связанного с исключительно благотворной солнечной активностью — отсюда, например, слово «яровой» — ЭССЯ. Вып. 8. С. 175–178); *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974 (обосновывается гипотеза об отражении образа Ярилы в народнохристианских представлениях о святом Георгии-Юрии); *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М., 1979. С. 181,250–252; *Славянская мифология.* 1995. С. 397–399. Наличие похожего обряда на летнее солнцестояние у лужичан (календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М, 1978. С. 197) позволяет отнести зарождение если не образа Ярилы, то самого связанного обычая ещё к VI в.

ЭССЯ.Вып.19.С. 131–134.

См.: *Русанова, Тимощук* 1997. Приложение № 29, 59, 72.

Русанова, Тимощук 1997. Приложение 69; Седов 1995 С. 60.

Paul Diac. Hist. Lang. IV. 39: Свод II. С. 486–487.

Летопись попа Дуклянина (*Щишић* 1928. С. 293–295) рисует достоверную картину одновременного вторжения в Далмацию и Истрию. О вторжении славян из Македонии в «Ахайю и Далмацию» говорит «Армянская география» (*Патканов* 1883. С. 27).

Щишић 1928. С. 293–295. Остроил — персонаж местного, дуклянского родового предания, павший в Дукле (Превалитании). В хорватское по происхождению предание о войне с Салоной и завоевании Далмации он вставлен искусственно. Искусственна, впрочем, и вся эта литературная комбинация разнородных мотивов. Базовый остов, к которому была присовокуплена «готская легенда» с фигурой Тотилы, — сербское переселенческое предание о двух братьях-князьях, из которых младший с половиной народа отправился на Балканы, а старший остался править на прародине (известно из Константина Багрянородного — *Константин* 1991. С. 140–141). Но на этот остов оказалось искусно, если не сказать органично, нанизано изначально чуждое, даже противоположащее ему предание об аваро-славянском завоевании Далмации и победоносной войне славян с римлянами. Это предание, судя по «хорватской» главе трактата Константина (*Константин* 1991. С. 128–131; излагается исторически довольно точная и негативная по отношению к далматинцам версия легенды о падении Салоны, а далее упоминается о сохраняющих самосознание потомках авар среди хорватов), долгое время сохранялось среди потомков авар в Хорватии, а после падения Хорватского королевства слилось у хорватской аристократии с собственной переселенческой легендой. О последнем можно судить по хронике Фомы Сплитского, который уже не противопоставляет хорватов («куретов») аварам («готам») и лендзянам («лингонам»), а видит в них союзников. Дуклянский автор, объединяя традицию сербскую с хорватской, включил новую версию прихода хорватов (по сути же — предание об аваро-славянском нашествии) в свой труд. Следует учесть, что сербы и являвшиеся их частью (?) дукляне с аварами на Балканах не воевали или, по меньшей мере, ко временам Константина о такой войне не помнили.

Седов 1995. С. 131–132, 323–324.

Ion. Vit. Columb. I. 27: Свод II. С. 360–361.

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 38: Свод II. С 484–487 (о географии см. примеч. В.К. Ронина к этому фрагменту — С. 495).

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 39: Свод И. С. 486–487.

Фона 1997. С. 240–1–36.

Дата и некоторые обстоятельства событий устанавливаются на основании археологических разысканий (*Marović A. Arheoloska iskanjanja u okolici Dubrovnika // Anali hist, in-ta JAZU u Dubrovnike. 1965. № 9–10; Dovan A. Povijest Dubrovnika od najstarijih vremena do početka VII st. // Anali hist, in-ta JAZU u Dubrovnike. 1966. № 10–11*). Из письменных источников самый старый и достоверный рассказ (но с ошибочной, восходящей, кажется, к легендам об Аттиле датой разграбления Эпидавра и Салоны — 449 г.) содержится в трактате Константина Багрянородного «Об управлении Империей» (*Константин 1991. С. 122–123*). Предание, сообщаемое Салернской хроникой X в. (*Chronicon Salemitanum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. III. Hannoverae, 1839. P. 512*), связывает само основание Амальфи с выходцами с Рагузы. Однако основание Рагузы это предание относит к началу IV в., ко временам Константина I. Эта облагораживающая версия, возводящая жителей Дубровника к знатым римлянам, потерпевшим кораблекрушение в «пределах славян» во время переселения в Константинополь, родилась, надо думать, уже в самом Амальфи. Впрочем, основу ей могло дать наличие на Рагузе еще до прихода беженцев какого-то далматинского населения. Версия позднейших авторов — Дуклянина (*Шушић 1928. С. 317–322*), перекликающегося с ним Фомы Сплитского (*Фома 1997. С. 242–339*) и дубровницких анналистов (*Макушев В.В. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867. С. 305–307, 316*) — связана, кажется, с расширением Рагузы-Дубровника (VIII–IX вв.) в результате подселения славян. Однако и здесь, особенно у Фомы, сохраняется историческая память о разорении Эпидавра и бегстве его жителей. Фома, кстати, и упрекает их за слияние в Дубровнике с «чужеземцами», опустошившими город. У него эти чужеземцы — беглецы из Рима. Так же и у Дуклянина, но у него беглецов возглавляет славянский жупан Бел, и к разорению Рагузы они никакого отношения не имеют. Фома как будто пародирует версию Дуклянина. Стоящий между Фомой и дубровницкими анналами Милеций в своей стихотворной хронике явно полемизирует

со сплитским хронистом на основе местной традиции. Эпидавр теперь разрушают действительно римляне — во время гражданской войны. Затем в Градац прибывают беженцы из Италии, позже вместе с беженцами из Эпидавра основавшие Рагузу. Славяне назвали Рагузу Дубровником, причем объяснение происхождения обоих названий точно повторяет Дуклянина (*Matas A.K. Miletii versus. Dubrovnik*, 1882. S. 9–10). Что касается Дуклянина, то он приписывает разорение Эпидавра «сарацинам», действительно опустошавшим Адриатику в 841 г. (См.: *Шцимић* 1928. С. 318–319). Здесь также можно видеть след преданий о правившем в первой половине IX в. и, видимо, причастном к расширению города требиньском жупане Белом (древнейшее упоминание о нем у Константина: *Константин* 1991. С. 150–151). Белый (Бел) назван основателем Дубровника у Дуклянина; предание о его бегстве-возвращении из Рима и основании города своеобразно трактует и Фома, превращающий его со спутниками в «римских преступников». У дубровницких анналистов XV–XVI вв. Эпидавр тоже разоряют сарацины, но основание Дубровника произошло ранее и связывается с именем славянского князя Радослава. Это позднейшая версия отраженного у Дуклянина предания, в котором Радослав — дед Бела. Здесь к Градацу как убежищу эпидаврцев добавляется Спилан. Дата основания Рагузы неясна. Первое упоминание города содержится у Равеннского Анонима. Анналы начинают историю города с 526 (*Макушев* 1867. С. 305) или с 687 г. (Там же. С. 316). Первая дата слишком ранняя, вторая кажется слишком поздней. Может быть, как считали некоторые авторы уже в позднее Средневековье, 526 г. — искажение от «626». Но в целом ранние разделы дубровницких анналов за VI–VIII вв. фантастичны. Достоверность отдельных событий и дат совершенно теряется в сумятице искаженных при записи, повторяющихся у анналистов «кругами» устных преданий. Например, Радослав становится сыном боснийского «короля» Стефана, якобы правившего в VI в. (*Макушев* 1867. С. 305–306); в VII в. появляются еще одни Стефан (Степан) с сыном Радославом (Радосавом) (Там же. С. 306–307, 316–317), а в начале IX в. мы встречаем и еще одного Стефана Боснийского (Там же. С. 313, 317). Известно, что Стефанами в крещении звали хорватского короля Држислава (конец X в.) и первого самостоятельного боснийского князя второй половины XI в. Последний имел сношения с Дубровником, о

чем упоминал Милеций. Не исключено, впрочем, что то же имя носил хорватский князь первой половины IX в. Владислав. Как бы то ни было, Родослав к Стефану — подлинному или гипотетическому — никакого исторического отношения не имел.

Дата приблизительно устанавливается археологами по последним христианским захоронениям на городском кладбище (*Wilkes J. Dalmatia. L., 1969. P. 437; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem veku. Zagreb, 1971. S. 132*).

Фома 1997. С. 241–242, 36–38. Гораздо короче упоминает о взятии Салоны славянами (и/или аварами) Константин Багрянородный (*Константин* 1991. С. 112–113, 130–131). Он, вероятно, объединяет предание о падении Салоны с преданием о падении в конце VI в. прикрывавшего ее Клиса. Первое упоминание о разорении Салоны «готами» и бегстве жителей на острова в латинской традиции — легенда о перенесении мощей святых Домния и Анастасия (XI в.), которой пользовался Фома (*Documenta Historiae Chroaetiae periodum antiquam. Zagrebae*, 1877. P. 288).

Следами пребывания славян в разоренной Салоне могут быть находки монет 620–630-х гг., служащие некоторым исследователям основанием перенести дату падения города на более позднее время (*Marovic'J. Reflexions about the year of the destruction of Salona // Vjesnik za arhologiju i historiju dalmatinsku. Kn. 77. Zadar, 1984*). События описывает Константин Багрянородный (*Константин 1991. С. 112–113, 130–131*). О судьбе далматинского населения см. также: *Седов 1995. С. 321*.

Фома 1997. С. 242–38. О переселении салонитов в Раусий сообщает Константин Багрянородный, называя шестерых представителей городской старшины (*Константин* 1991. С. 122–123). Среди переселенцев были архидиакон салонской церкви Валентин, а также некий его тезка (родственник?), сын которого Стефан получил офицерское звание протоспафария (командуя местным гарнизоном?). Фома, враждебно относившийся к Дубровнику, об участии салонитов в его основании ни словом не обмолвился, хотя верно, в отличие от Дуклянина, отнес основание города ко временам разорения Далмации «варварами».

Их перечисляет Константин Багрянородный. При этом он добавляет Аспалаф (Сплит), основанный позже беженцами из Салоны. См.: *Константин* 1991. С. 112–113, 122–127, 130–131. Согласно Фоме Сплитскому, Задар все-таки был разрушен в VII в. и восстановлен выходцами из Салоны после 640 г. (*Фома* 1997. С. 243). Субъективный характер этой версии очевиден, как и субъективность сплитской трактовки легенды об основании Дубровника.

О завоевании «Превалии» аварским каганом сообщают «Чудеса святого Димитрия» (ЧСД 284: Свод II. 168–169). О разорении Диоклеи аварами кратко упоминает Константин Багрянородный (Константин 1991. С. 152–153). По Летописи попа Дуклянина, Остроил доходит до «Превалитанского округа», «города Превалитанского» и погибает там (*Шимић* 1928. С. 296). Последнее, впрочем, скорее относится к родовому преданию дуклян, чем к воспоминаниям об аваро-славянском нашествии. В грамоте 1252 г., связанной с прениями между Барской и Дубровницкой епархиями за первенство, Бар прямо назван преемником древней Диоклеи (Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. 4. Zarrabiae, 1906. P. 482–483).

События упоминаются Исидором Севильским (Isid. Chron. Maior. 414: Свод II. С. 354–355), его Испанским продолжателем (Cont. Hisp. A. 653: Свод II. С. 356–357), «Армянской географией» (Патканов 1883. С. 27) и, видимо, Георгием Писидой (Свод II. С. 70–71), подробнее же всего — в «Чудесах святого Димитрия» (ЧСД 179–181: Свод II. С. 124–127). Дата неопределенна. Исидор говорит просто о «начале» правления Ираклия, относя туда же потерю Сирии и Египта (611–618 гг.). Его Продолжатель датирует точнее, но, по сути, двойко — 653 г. испанской эры (615 г.) и 4 годом Ираклия (613–614). С этой расплывающейся датой в целом согласны сведения «Армянской географии» об одновременном вторжении в Далмацию и Ахайю, а также данные Второго собрания чудес. Согласно ему, нашествие предшествовало осаде Фессалоники, каковая, в свою очередь, произошла за два года до похода на нее аварского кагана. Последний же имел место не позднее событий 619–620 гг., когда между Аварией и Византией был на время заключен мир. Итак, все указывает на 614–615 гг., но не конкретнее. Грандиозные действия славян, описываемые фессалоникским анонимом, должны были занять не один год.

О локализации племен по данным этнонимии и топонимии см.:
Нидерле 2001. С. 89; Свод II. С. 191–193.

ЧСД 179: С. 124–127.

Следы разрушений и славянского пребывания от конца VI и начала VII в. трудно разграничиваются. В целом же масштабы нашествия вполне подтверждаются археологически (*Седов* 1995. С. 159, 166).

ЧСД. 197.: Свод II. С. 134–135.

Свод II. С. 70–71.

ЧСД помещают их в «области Фив и Димитриады» (ЧСД 254: Свод II. С. 154–155) — на берегу залива Воло в Фессалии.

В VIII в. автор «Жития святого Панкратия» рассматривал «авар», живущих «в епархиях Диррахия и Афин», как единое целое (Свод II. С. 333). Войничичи же, несомненно, самое крупное и единственное известное славянское племя на этом промежутке.

Все эти земли эпитоматор Страбона еще в X в. рассматривал как славянские (Византијски извори за историју народа Југослвије. Т. 1. Београд, 1955. С. 295). О владычестве славян на Пелопоннесе вплоть до начала IX в. идет речь во многих еще источниках. Прежде всего — в Монеувасийской хронике (Свод II. С. 328–329) и схолии Арефы (Свод II. С. 346–347).

Седов 1995. С. 158, 166.

Седов 1995. С. 158–159, 162.

Дата определяется приблизительно, с отсчетом от нападения кагана на Фессалонику в 618 г. (также предположительно, но с учетом известной нам, последней в войне кампании 619 г.). В расчетах в основном следуем Ф. Баришичу (*Баришић Ф. Чуда Димитрија Солунског*каго историски извор. Београд, 1953. С. 86–95). Но есть и иные датировки (*Бурмов А. Славянските нападения срещу Солун в «Чудесата на св. Димитрий» и тяхната хронология // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. 1952, № 2. С. 195–196; Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Demerius et la penetration des slaves dans les Balkans. Т. 2. Paris, 1981. Р. 91–94*). Отметим, что вариант П. Лемерля (615 г.) приводит его к хронологическим искажениям (см.: Свод II. С. 196), тогда как А. Бурмов не вполне учитывал хронологию аварских войн и, прежде всего, формальный мир между Империей и каганатом в 620–626 гг.

ЧСД 180: Свод II. С. 126–127.

ЧСД 193: Свод II. С. 132–133. Хотун — по-гречески Χατζων (Свод II. С. 132–133, 134–135). Славянское восстановление этого имени (возможно, как усеченной формы от Хотимир), наиболее удачно (Свод II. С. 195).

ЧСД 181–182, 185: Свод II. С. 126–129.

ЧСД 185–186, 193: Свод II. С. 128–131, 132–133.

ЧСД 183–184: Свод II. С. 128–129.

ЧСД 185: Свод II. С. 128–129.

ЧСД 188–190: Свод II. С. 130–131.

ЧСД 190, 193: Свод II. С. 130–131, 132–133.

ЧСД 191,196: Свод II. С. 130–133, 134–135. Отом, что святой Димитрий «отбил варварский натиск кораблей варваров и освободил город», упоминается также в одной из надписей солунского храма святого Димитрия под его мозаичным изображением. Надпись датируется VII в. (Свод II. С. 195).

ЧСД 193: Свод II. С. 132–133.

К этому нашествию автор Второго собрания «Чудес святого Димитрия» еще раз возвращается при описании позднейших событий: ЧСД 284.: Свод II. С. 168–169.

ЧСД 196–197: Свод II. С. 134–135.

ЧСД 198: Свод II. С. 134–135.

ЧСД 200: С. 136–137.

ЧСД 199–201: С. 136–137.

ЧСД 202–203: Свод II. С. 136–137.

ЧСД 206: Свод II. С. 138–139.

ЧСД 207–208: Свод II. С. 138–139.

ЧСД 209: Свод II. С. 138–141.

ЧСД 210–211: Свод II. С. 140–141.

ЧСД 212–213: Свод II. С. 140–143.

ЧСД 214: Свод II. С. 142–143.

ЧСД 217–222: Свод II. С. 142–145.

Об участии в этом нашествии (как и во вторжении в Иллирик) славян, кажется, свидетельствует Второе собрание «Чудес святого Димитрия»: ЧСД 284: Свод II. С. 168–169.

Федоров, Полевой 1973. С. 233 (датируется по монетным находкам).

Свод П. С. 517 (сирийский «Смешанный хроникой», «третья серия» летописных статей, доведенная до 636 г.).

Припоминание о ней («жилища славян, о которых повествуют и древние писатели», «жилища славян, о которых писали и историографы») имеются в «Житии святого Панкратия» (Свод II. С. 334). «Житие» переносит в апостольские времена многие реалии своего времени, в том числе и превратившиеся к 30-м гг. VIII в. уже в предание сведения о славянах на Сицилии. В представлении автора жития место «жилищ славян» — уже просто языческий могильник, населявшийся (тоже когда-то) «легионами демонов».

Только этим можно объяснить сохранение явного аварского элемента в аваро-славянской культуре Поморавья спустя десятилетия после падения аварского ига, до середины VIII в. (см.: *Седов* 1995. С. 287).

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367.

Mikkola J.J. Samo und sein Reich // Archiv für slavischen Philologie. Bd. 41. Berlin, 1927. S. 77–78; *Labuda G.* Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. S. 96–101; Свод II. С. 374–376 (комментарий В.К. Ронина к хронике Фредегара). Сам Фредегар называет Само «по рождению франком» (Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367), но имя с очевидностью не германское, так что логично заключить, что хронист имеет в виду лишь подданство. В «Обращении баваров и карантанцев» Само назван славянином (Conversio Bagoariorum et Carantanorum. 4 // MGH SS XI. Hannoveriae, 1925. P. 7: Свод II. С. 374). Но основной источник автора «Обращения» — «Деяния Дагоберта», которые восходят всецело к Фредегару, передают его с сокращениями и потому не упоминают о происхождении Само. Можно допустить, что в основе данных «Обращения» — предания хорутан о происхождении их княжеского дома. Но в этом случае (даже если славянство Само не является плодом логического умозаключения писателя) такие предания не достовернее свидетельства современника Фредегара. При решении вопроса в пользу славянства Само (помимо того, что оно ставит под сомнение всю историю борьбы славян с аварским игом, известную лишь из Фредегара) опять встает проблема имени. Славянское *samъ напрашивается само собой (как у Х. Кунстманна — *Kunstmann H.* Was besagt der Name Samo und wo liegt Wogatisburg? // Die Welt der Slawen. Bd. 24. München, 1979). Но использование этого местоимения в качестве личного имени или даже титула (что включает Х. Кунстманн) у славян выглядело бы немного странно — не говоря уже о том, что подобные факты просто неизвестны. Итак, в рассказе Фредегара нет оснований сомневаться. Если считать его вымыслом, а хрониста столь смелым выдумщиком, почему бы не подвергнуть сомнению и сам факт существования «державы» Само, о котором только он по сути и сообщает?

Фредегар сообщает о многоженстве (Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367) и затем прямо о язычестве Само (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–369). Санский округ был в ту пору весьма слабо христианизирован (Labuda 1949. S. 96–124). Фредегар даже не упрекает Само за вероотступничество — был ли тот вообще крещен?

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367.

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 370–371.

Захоронения на аваро-славянских кладбищах здесь не прерываются веками (Sklenar 1974. S. 285, 287). Могильник в Нове Замку под Нитрой только основан в середине VII в. (*Sklenar* 1974. S. 285–286).

Fred. Chron. IV. 48, 68: Свод II. С. 366–367, 368–369.

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367

ЭССЯ. Вып. 22. С. 178–179 (отсутствует в болгарском и македонском).

Классическая в этом смысле работа Г. Лабуды: *Labuda* 1949.

Свод II. С. 272–273 (Феофан).

Такую картину рисует, по сути, Феофан, говоря о необходимости «привести в согласие» авар с гепидами и славянами (Свод II. С. 272–273). О том же, о трудных переговорах с целью объединения сил, говорит и Георгий Писиды в поэме «О случившемся нашествии варваров» (Свод II. С. 66–67). По нему, славянам пришлось «столкнуться с гуннами» (видимо, теми же аварами, которых далее он повсеместно называет «скифами») — «славянин с гунном, а скиф с болгаром, и опять же мидиец столкнулся со скифом...»

Свод II. С. 272–273 (Феофан) — «с Истра... бесчисленные и превышающие счет полчища».

События восстанавливаются на основе разрозненных свидетельств. При посредничестве Шахрвараза был заключен союз авар с независимыми от них болгарами — об этом свидетельствуют Георгий Писида (Свод II. С. 66–67) и Феофан (Свод II. С. 272–273). Этот союз Куврат сохранял как минимум до 634 г. При нем до этого времени находился некий аварский «народ», и он признавал формально зависимость от кагана, с Империей же находился в состоянии войны (Чичуров 1980. С. 153–161 — известие Никифора). К 630 г. в Аварском каганате предводителем болгар являлся некто Алциок, претендовавший на каганскую власть. Изгнанный из Аварии, он отправился на юг и поселился в конце концов на «много лет» в землях альпийских славян (Fred. Chron. IV. 72: Свод II. С. 370–371). Затем, между 665–671 гг., болгарский «дукс» Алцеко объявляется в Италии и поступает на службу к лангобардскому королю (Paul. Dias. Hist. Lang. V. 29: Свод II. С. 394. Примеч. 63). Это в целом соответствует маршруту пятого сына Куврата, как он рисуется Никифором (Свод II. С. 228–229) и Феофаном (Свод II. С. 276–277). Кажущееся противоречие — Феофан и Никифор как будто относят переселение ко временам после смерти Куврата — снимается соображением о временной дистанции, отделяющей их от события. Альцек, активно действующий уже в 630 г., мог, в принципе, быть и действительно моложе умершего или погибшего в 703 г. (судя по «Именнику болгарских князей») Аспаруха. Если допустить, что Альцеку в 626 г. было 15–16 лет, то он мог родиться около 610–611 г., Аспарух же — около 609–610 гг. Тогда в момент смерти Аспаруху было примерно 93 года, а это вполне допустимо.

Свод II. С. 272–273 (Феофан). Судя по Пасхальной хронике, каган «привез с собой» однодеревки (Свод II. С. 76–77). Но об этом говорится уже в связи с попыткой спустить их на воду во время осады, то есть «привез» он их с собою непосредственно к стенам Константинополя. Славяне, конечно, должны были соединиться с каганом на суше. Наивно предполагать, что они проплыли море без остановок, а затем еще дневали и ночевали в ладьях под стенами города.

Свод II. С. 76–77 (Пасхальная хроника); *Чичуров* 1980. С. 152–160 (Никифор); Свод II. С. 272–273 (Феофан).

Свод II. С. 76–77 (Пасхальная хроника); *Чичуров* 1980. С. 152–160 (Никифор).

Свод II. С. 76–79 (Пасхальная хроника).

Свод II. С. 78–79 (Пасхальная хроника), 84–85 (Феодор Синкелл).

Свод II. С. 78–79 (Пасхальная хроника), 84–85 (Феодор Синкелл).

Свод II. С. 78–79 (Пасхальная хроника).

Свод II. С. 68–69 (Георгий Писида), 84–87 (Феодор Синкелл), 226–227 (Никифор).

Свод II. С. 68–69 (Георгий Писида), 86–87 (Феодор Синкелл);
Чичуров 1980. С. 152–160 (Никифор).

Свод II. С. 78–79 (Пасхальная хроника), 226–227 (Никифор).

Ход морского боя с небольшими отличиями описывают почти все наши источники: «Аварика» Георгия Писиды (Свод II. С. 68–71), Пасхальная хроника (С. 78–79), проповедь Феодора Синкелла (С. 84–87), «Бревиарий» Никифора (С. 226–227). Только Феофан (С. 272–273) повествует об этой битве, как и обо всей осаде, в общих словах, отметив лишь чудесное вмешательство Богородицы и «огромное множество» вражеских потерь «и на суше, и на море».

Свод II. С. 68–69 (Георгий Писида), 78–79 (Пасхальная хроника), 88–89 (Феодор Синкелл), 226–227 (Никифор), 272–273 (Феофан).

Свод II. С. 81. Примеч. 14 (Георгий Кедрин).

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367.

О власти Само над карантанцами прямо говорит «Обращение баваров и карантанцев» (*Conversio 4*// MGH SS XI. P. 7: Свод II. С. 374), основываясь, вероятно, на местных преданиях. Возникновение княжества и причины его последующей ожесточенной борьбы с аварами смутно отражены в упоминании того же памятника о расселении славян в «Паннонии» в результате изгнания «гуннов» (*Conversio 6*: MGH SS XI. P. 9). Королевство Само где-то на юге, по логике — именно в землях Словении, граничило с лангобардами (*Fred. Chron. IV. 68*: Свод II. С. 368–369). Фредегар сообщает и о существовании здесь особой «марки винидов» (то есть автономной пограничной области в составе Винидского королевства) во главе с «Валлуком, дуксом винидов» (*Fred. Chron. IV. 72*: Свод II. С. 370–371; см. там же комментарий В.К. Ронина — С. 395).

См.: *Нидерле* 2002. С. 79–80. «Обращение», кстати, выводит славян, пришедших на смену «гуннам» в «Паннонию», с северного берега Дуная (*Conversio 6: MGH SS XI. P. 9*). Здесь можно видеть отражение самых разных исторических событий VI–VII вв.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 14.

Датируется в пределах первой половины VII в. (*Седов* 1995. С. 45).

Кухаренко 1969. С. 125, 134; *Historia kultury* 1978. S. 26, 38, 40, 47.

О союзе Само с франками говорит он сам франкскому послу (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–369).

Это, видимо, имеет в виду Фредегар (Fred. Chron. IV. 58: Свод II. С. 366–369).

Vit. Amand. 16: Свод II. С. 407.

Свод II. С. 70–71 («На воздвижение честного Креста»).

Константин 1991. С. 112–113, 130–131, 136–137. В главе 30 (С. 130–131) Константин излагает более раннюю, «племенную» версию переселения хорватов. Здесь приходят они самостоятельно и возглавляются семью героями-родоначальниками (пятью братьями и двумя сестрами). В главе 31 (С. 136–137) излагается более поздняя, «княжеская» версия, где главой хорватов предстает общий «архонт», а переселение их предстает инициативой Ираклия.

Константин 1991. С. 130–131. Имя Хорват — необязательно вымысел, но может быть и связано с табуированием имени князя-предка, развившимся по мере становления «княжеского» предания в языческой или полу языческой среде. Ср. князь «Серб» (С. 140–141), «отец Порга» (С. 136–137) в других местах Константина.

Фома 1997. С. 35–240. Стоит иметь в виду, что к концу XI в. «родов» стало уже 12 (См.: *Фома* 1997. С. 253), из них только «род» Тугомиричей может быть соотнесен с упоминаемыми Константином родоначальниками («сестра» Туга), и то условно.

Аварские древности в Хорватии, и так единичные, быстро исчезают (*Седов* 1995. С. 130, 323).

Константин 1991. С. 130–131.

Константин 1991. С. 132–133. 11 жуп населяли собственно хорваты, и 3 — потомки авар.

Константин 1991. С. 132–133. См. еще: *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925. S. 378–380.

Константин 1991. С. 130–131,136–137. О передаче власти по наследству на протяжении нескольких веков можно сделать вывод во втором случае — здесь говорится, что хорватами при Ираклии предводительствовал в качестве «архонта» «отец некоего Порты» — Борны, хорватского князя IX в. Хронологические смещения имеются в хорватских главах Константинова трактата. Смешивая различные этапы христианизации хорватов, он сразу ниже делает Борну современником Ираклия. Но в славянском исходном словоупотреблении «отец» вполне могло означать «предок».

По мнению Константина, «старцы-жупаны» стояли во главе славян Адриатики еще в IX в., тогда как «архонтов... эти народы не имели» (Константин 1991. С. 112–113). Мысль выражена настолько неуклюже, что прямо противоречит многим из утверждений ученого императора. Однако суть ее, вероятно, — именно в том, что жупаны являлись для тогдашних «архонтов» источником власти, так что подлинных «архонтов», как в X столетии, быть у славян еще не могло.

Константин 1991. С. 130–133. Формальной эта зависимость оставалась до рубежа VIII–IX вв., и попытка франков установить здесь реальную власть тогда вылилась в жестокую войну. Память о ней также сохраняется у Константина.

Аварские древности в Сербии исчезают также в пределах первых трех четвертей VII в. (*Седов* 1995. С. 332). Сербь авар здесь уже не застали (*Константин* 1991. С. 140–141).

Константин 1991. С. 140–141.

ЧСД 284: Свод II. С. 168–169.

См. о местных названиях от их имен: ЭССЯ. Вып. 16. С. 131, 185–186.

Константин 1991. С. 140–143; *Шушић* 1928. С. 293–296.

В «Летописи» (*Шушић* 1928. С. 293) их, правда, трое — за счет добавления Тотилы.

Константин 1991. С. 140–141. Здесь император несколько увлекся и произвел названия сербов от латинского слова со значением «рабы», потому что они, дескать, «стали рабами василевса ромеев». Он, видимо, забыл, что несколькими строками выше писал о сербской прародине в «Воиках», где доселе живут «белые», «некрещеные сербы» — лужицкие. Связь названия Сервии с сербами подвергается сомнению (Византийки извори... Т. 2. Београд, 1959. С. 47–49). Однако город ранее этого времени действительно неизвестен. Доводы Х. Диттена о невозможности поселения сербов в окрестностях Фессалоники по той причине, что они уже были заняты враждебными Империи славянами (*Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen // Byzanz im 7. Jahrhundert. Berlin, 1978. S. 98–99*), неубедительны. Во-первых, после 618 г. здешние славяне перестали быть открыто враждебны. Во-вторых, именно их ненадежность могла побудить Ираклия укрепить окрестности принявшими имперское подданство сербами. Отсутствие же упоминаний сербов среди осаждавших Фессалонику племен вообще ни о чем свидетельствовать не может. Достаточно сказать, что правление Ираклия отнюдь не закончилось в 616–618 гг., и логичнее помещать не датированное Константином сербское переселение именно после 626 г., как и делаем мы.

См.: *Нидерле* 2002. С. 82–83. Это же касается, видимо, и хорватов (*Нидерле* 2002. С. 80). Впрочем, надо иметь в виду, что слово «хорват» как одно из самоназваний сарматов и распространенное личное имя широко использовалось еще в античное время. «Серб» же случайным образом созвучно с латинским *servus* (что пытается обыграть Константин Багрянородный — *Константин* 1991. С. 140–141), и многие названия, производные от последнего, либо от личного имени Сервий, могли подвергаться искажению в Средние века — как, впрочем, и наоборот.

Окрестности Сингидуна славяне с VII в. заселили довольно плотно, но в городе еще не селились (*Седов 2002. С. 500*).

Константин 1991. С. 132–133, 140–141, 148–151, 152–153.

Константин 1991. С. 132–133,

Константин 1991. С. 152–153.

Шинић 1928. С. 308 и след.

Даже современные приверженцы «черногорского языка» в большинстве своем не отрицают его диалектный по отношению к сербохорватскому или прямо к «сербскому» характер (Славянские языки 2005. С. 145). В диалектном отношении Черногория и ее говоры входят в область безусловно доминирующего в Сербии, и в первую очередь в Сербии, штокавского диалекта (Там же. Приложения. Карта 4).

Славянские языки. 2005. С. 140–141, 194–197.

Славянские языки. 2005. С. 204,205–206.

М. Орбини, сообщая без ссылок на источники этот рассказ, не очень удачно комбинирует его с восходящим к Павлу Диакону известием о набеге 642 г. на Италию (славяне будто бы возвращались на Неретву из этого набега, но «овладели» поречьем лишь после него — *Орбини* 2010. С. 50–51).

Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeca. Zagreb, 1980; *Ceđov* 1995. C. 323–324.

Седов 2002. С. 496.

Седов 2002. С. 493.

Fred. Chron. IV. 72: Свод II. С. 370–371.

Чичуров 1980. С. 153–161 (Никифор).

Судя по поведению франкского посла Сихария, когда Само предложил ему эти «раздоры» в комплексе рассудить (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–369).

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–369.

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–369. Так понимают изложение Фредегара и цели похода позднейшие авторы — составитель «Деяний Дагоберта» и пользовавшийся его трудом создатель «Обращения баваров и карантанцев» (Conversio 4: Свод II. С. 388; Gest. Dag. 27: Свод II. С. 389).

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–369. Автор «Деяний» заключил, что войском Австразии командовал сам Дагоберт. Из его единственного источника — хроники Фредегара — такой вывод никак не следует. Тот же автор пытается подменой слов затушевать корыстные мотивы лангобардов (см.: Gest. Dag. 27: Свод II. С. 389. Примеч. 44,48).

См. различные варианты: *Mikkola* 1928. S. 95–97; *Grünwald R. Wogastisburk // Vznik a počátky Slovanu*. R. 2. Brno, 1958. S. 102–108; *Kunstmann* 1979. S. 20–21; *Třeštík D. Objevy ve Znojme // Československý časopis historický*. R. 35. № 4. Praha, 1987. S. 571.

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–371. Можно добавить, что сложные перипетии отношений Само с Дагобертом (популярным героем немецких преданий) отразились в позднейшем фольклоре. Южнонемецкая легенда XVIII в. о местной святой Нотберге превращает ее в дочь «доброго короля» Дагоберта, которой помогает «князь неверных вендов». Возникновение легенды может быть связано с алеманнами, участниками похода против Само, или с угнанными ими в Швабию славянами (*Kunstmann H. Dagobert I und Samo in der Sage // Zeitschrift für slawische Philologia. 1975. Bd. 38. № 2. S. 282–302*). Об исторической основе (кроме самого факта существования «князя», с которым Дагоберт то общался, то враждовал) говорить не приходится.

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 370–371.

Fred. Chron. IV. 72: Свод II. С. 370–371.

Fred. Chron. IV. 74: Свод II. С. 370–371.

Fred. Chron. IV. 75: Свод II. С. 372–373.

Fred. Chron. IV. 77: Свод II. С. 372–373.

Предание о крещении хорватов и сербов при Ираклии излагает Константин Багрянородный (*Константин* 1991. С. 136–137, 142–143, 152–153). Однако в случае с хорватами он явно смешивает два крещения — при Ираклии в VII в. и при князе Борне в IX. О последнем он пишет и в другом месте (*Константин* 1991. С. 132–133). Дата событий и личность папы определяются тем, что после смерти папы Гонория произошел разрыв императора с Римом. Любопытно, что в Летописи попа Дуклянина в связи с учреждением христианских законов князем Святополком (явный исторический прототип — Святополк Моравский, IX в.) фигурирует кардинал Гонорий (*Шушић* 1928. С. 302). В хорватской версии Летописи — «Хорватской хронике» XV в. — князем-крестителем выступает не Святополк, а некий Будимир. Это персонаж явно хорватских преданий, но к какому времени они восходят — неизвестно. В Хронике он просто замещает Святополка, который уже в Летописи смешан с каким-то местным князем (скорее всего, Борпой или Тршгмиром), утвердившим христианские законы на Дуванском поле. Достоверность сведений о раннем крещении славян Адриатики подтверждается посланием VI Вселенскому собору от папы Агафона (Свод II, С. 212). В Хорватии, вплоть до Истрии, со временем распространяются погребения с элементами местного христианского обряда. С этим связано появление могил с камнями в головах и ногах, а затем и с правильной обкладкой камнями или плитами (см.: *Седов* 1995. Свод II. С. 322–324). Признает далматинских славян христианами и Фома Сплитский. Правда, отождествляя завоевателей Далмации с готами, он считает их арианами. Так или иначе, он дает довольно справедливую, пусть и субъективную, оценку ранней стадии сербохорватского христианства: «И сколь бы ни были они злобны и необузданны, все же они были христианами, хотя и очень невежественными» (*Фома* 1997. С. 36–240).

Константин 1991. С. 136–137.

Documenta. 1877. P. 277 («Книга понтификов»); *Фома* 1997. С. 38–242. Константин Багрянородный (*Константин* 1991. С. 136–139), однако, подробно описывающий миссию Мартина к хорватам и сообщающий о нем массу деталей, относит ее к X в. Мартин, согласно трактату «Об управлении Империей», приезжал к хорватскому королю Трпимиру II, современнику Константина, спустя «много лет» после Борны. Здесь уже вряд ли может идти речь о частых в хорватских главах хронологических смещениях. Однако Мартин Константина к тому же являлся мирянином и не был, кажется, официальным посланцем римского папы. Итак, вероятнее всего, речь идет просто о совпадении имен.

Фома 1997. С. 39–40, 243. Фома пытается убедить, что Задар и отстроили только тогда, после заустения, салонские беженцы.

Fred. Chron. IV. 87: Свод II. С. 372–373.

ЧСД 238: Свод II. С. 148–149.

Термин «Славиния» част у Феофана (Свод II. С. 272–273, 278–279, 282–283, 288–289). Однако появился он ранее IX в., еще в начале VII. Об этом свидетельствует его употребление Феофилактом Симокаттой (Свод II. С. 40–41) и в рассказе Виллибальда Эйхштеттского о поездке в Грецию (Свод II. С. 440). Франкские анналы в конце VIII в. употребляют аналогичный термин — «Склавания» — по отношению к полабским славянам (Свод II. С. 447, 466–467). Все это свидетельствует о постепенном оформлении у славян представлений о своей территории как о «стране», о географической реальности с установленными границами. Анализ понятия «славиния» посвящена специальная работа Г.Г. Литаврина (*Литаврин* 2001. С. 518–526).

ЧСД 232: Свод II. С. 144–147.

ЧСД 280: Свод II. С. 166–167.

О возможной идентификации его (или Галикоса) с рекой ринхинов см.: *Нидерле* 2002. С. 485; Свод II. С. 198. Примеч. 132.

Предводители осады Фессалоник ринхинами и сагудатами именуется «риксы другувитов» (Свод II. С. 156–157). При прямом (на наш взгляд, единственно возможном) понимании текста принадлежность дреговичей к ринхинскому союзу и лидерство в нем очевидны. К этой точке зрения склоняется и О.В. Иванова как к «одной из возможных гипотез» (Свод II. С. 202. Примеч. 168).

ЧСД 231: Свод II. С. 144–145. Имя передано в источнике как Περβουνδοζ, что породило версию о славянском «Первуд» (Византийки извори 1955. С. 199). Следуем древнерусскому переводчику (Свод II. С. 199. Примеч. 133), который, очевидно, неплохо владел славянской антропонимикой, и мнению болгарских комментаторов (Гръцки извори за българската история. Т. 3. София, 1960. С. 143).

См.: ЧСД 242–243,257: Свод II. С. 150–151, 156–157.

Константин 1991. С. 152–153.

ЧСД 307–309: Свод II. С. 178–181. О хронологии см. там же: С. 210. Примеч. 244,245. При датировке исходим из последнего актового упоминания Фин, столицы епархии Киприана, в 649 г.

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 44: Свод II. С. 486–487; Chronica s. Benedicti Casinensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX. Hannoverae, 1878. P. 487. «Хроника святого Бенедикта» ошибочно приписывает гибель в бою со славянами отцу Айо, Арихизу. Это объясняется пропуском Айо в списке беневентских герцогов.

ЧСД 235: Свод II. С. 146–147.

Здесь и далее следуем в целом хронологическим расчетам А. Бурмова (*Бурмов* 1952. С. 203–204). Четвертая осада Фессалоники длилась два года и завершилась штурмом в 5-м индикте (647, 662 или 677 г.). Из возможных дат на войну с арабами падают 645–647 и 675–677 гг. Во втором случае под итоговым миром может иметься в виду мир Империи с жителями западных областей, о котором писали Феофан и Никифор (Свод II. С. 226–227, 274–275). Примерно так располагает события П. Лемерль (*Lemerle* 1981. Р. 128–132). Однако согласиться с этим трудно. Мир 678 г. последовал не за военным походом и победой имперского оружия (как в ЧСД), а безо всяких военных действий, что особенно подчеркивается хронистами. Лидерами заключавшей мир коалиции являлись авары, а в войне за Фессалонику, описываемой ЧСД, они не участвовали. Между тем отождествление А. Бурмовым описываемого в ЧСД ромейского похода (спустя долгое время после осады!) с походом Константа 658 г. вполне убедительно. Иначе трудно понять, почему поход, направленный действительно к Фессалонике и победоносный, не удостоился на страницах ЧСД ни единого упоминания. Автор ЧСД определенно рисует отношения славян с городом мирными со времен осады кагана и до ареста Пребуда. Хронология Ф. Баришича вообще не находит четких опор во внешних источниках и едва ли может быть принята. Он располагает события между 674–680 гг., исходя с очевидностью из того, что в иных памятниках они никак не отражены (*Баришић* 1953. С. 123–125). О хронологии и ходе арабо-византийских войн в VII в. см.: *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 2. М., 1993; Т. 3. М., 1998.

Об этом можно судить по восклицанию автора ЧСД при упоминании об отправке наместником послания: «Каким образом и чего ради?» (ЧСД 231: С. 144–145).

ЧСД 231: С. 144–145.

ЧСД 232: Свод II. С. 144–147.

ЧСД 233: Свод II. С. 146–147.

ЧСД 234–235: Свод II. С. 146–147.

ЧСД 235–237: Свод II. С. 146–149.

ЧСД 238–239: Свод II. С. 148–149.

ЧСД 240–242: Свод II. С. 148–151.

ЧСД 243: Свод II. С. 150–151.

ЧСД 243–245: Свод II. С. 150–151.

ЧСД 251–252: Свод II. С. 154–155.

ЧСД 245–247,253: Свод II. С. 152–153,154–155.

ЧСД 245, 253: Свод II. С. 150–151, 154–155.

ЧСД 247–250: Свод II. С. 152–155.

ЧСД 250: Свод II. С. 154–155.

ЧСД 245: Свод II. С. 152–153.

ЧСД 254: Свод II. С. 154–157.

ЧСД 255, 271: Свод II. С. 156–157, 162–163.

ЧСД 272: Свод II. С. 162–163.

См.: Свод II. С. 204. Гелеполы использовались при первой славяно-аварской осаде (ЧСД 139: Свод II. С. 112–113). Позднее, при осадах 616–618 гг., речь идет просто об осадных башнях.

ЧСД 273–274: Свод II. С. 162–165.

ЧСД 255, 257: Свод II. С. 156–157.

ЧСД 259, 268: Свод II. С. 158–159, 160–163.

ЧСД 255, 257–259: Свод II. С. 156–157.

ЧСД 262–263: Свод II. С. 158–161.

ЧСД 260–261,264: Свод II. С. 158–159, 160–161.

ЧСД 265–267: Свод II. С. 160–161.

ЧСД 268: Свод II. С. 160–163.

ЧСД 275: Свод II. С. 164–165.

ЧСД 270, 277: Свод II. С. 162–163, 164–165.

См.: *Седов* 1995. С. 159.

Kalligas H.A. Byzantine Monemvasia. Monemvasia, 1990. P. 29.

Свод II. С. 512–513.

Иллюш 1928. С. 296.

Сын Сенудслава и отец Владина Силимир правил будто бы 21 год:
Шинић 1928. С. 297.

Не только Ф. Шишич, но и нередкий его оппонент С. Миюшкович (*Шишић* 1928. С. 424; Летопис попа Дуьюанина. Титоград, 1967. С. 182) решительно идентифицируют ее с Пояном. Таким образом, следует думать, что представлена протяженность владений от моря на восток, до северо-восточных пределов Рашки. Между тем в тексте (Летопис 1967. С. 127) четко читается *Poloniam*, в чем трудно увидеть нечто иное, кроме латинского обозначения Польши. Конечно, можно предположить, что латинский переводчик, столкнувшись с неизвестным хоронимом, заменил его более понятным словом. Но это не более чем догадки. В то же время, находясь в пространстве эпического повествования, мы вполне можем допустить сопоставление в нем несопоставимых, на наш рациональный взгляд, географических ориентиров — небольшого жупанства на знакомом далматинском побережье и огромного королевства на далеком севере. Следует помнить, что Польша выступала в далматинском предании как прародина местных славян. Таким образом, текст «Летописи» может отражать представления ее создателей о распространении пределов древнего «королевства» на север. При этом отмечается, что в него входили все приморские области (в том числе южнее Винодола) и все Загорье (Рашка). Это толкование тем более убедительно, что в дальнейшем в «Летописи» в качестве потомка Сенудслава и правителя Дукли выступает моравский князь Святополк, с которым связывается создание Константином и Мефодием славянской азбуки.

ЧСД 277: Свод II. С. 164–165.

ЧСД 278–280: Свод II. С. 166–167; Свод II. С. 272–273 (Феофан).
См. также: Византийки извори 1955. С. 221. Нап. 8 (отсылка к сведениям Ильи Нисибинского и сирийской же Хроники 817 г.).

О причинах мира см.: ЧСД 281: Свод II. С. 166–167. Ср. известия Феофана: Свод II. С. 272–273, 274–275 (первое упоминание славян, проживающих в Азии, — вскоре после «порабощения» македонских Константом). К гораздо более позднему времени относится упоминание в этом же районе селения Сагудаи (*Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 402*). Следует иметь в виду, что выселения из Македонии предпринимались и позднее, в том числе и в ближайшие десятилетия. Так что с уверенностью отнести появление этого местного названия именно к концу 650-х гг. нельзя. Правда, уже в VII в. известна христианская епархия Гордосерба к юго-востоку от Nikeи (*Нидерле 2002. С. 83*). В случае, если догадка о связи ее названия с сербами справедлива, какие-то сербы (македонские?) оказались втянуты в события на стороне ринхинов и их союзников, а позже переселены в Азию. Но время появления Гордосербы на карте кажется слишком ранним для такой увязки, а этимология названия — более чем сомнительной.

Восшествие на престол Безмера датировано в «Именнике болгарских ханов» годом Быка (протоболг. *шегор*) — 641-м. В то же время в середине этого года, согласно Иоанну Никиускому, Куврат еще был жив и участвовал на стороне императрицы Мартины, вдовы Ираклия, в ее борьбе с пасынком Константином, отцом Константа (см.: *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2002. С. 180). Умер Куврат уже в царствование Константа (*Чичуров* 1980. С. 36–60 (Феофан), 153–162 (Никифор); С. 111. Примеч. 265).

См.: Именник. 1981. С. 12; Свод II. С. 228–229 (Никифор), 276–277 (Феофан).

По болгарским надписям VIII–IX вв. такая структура уже не прослеживается. Но она отразилась в сербском средневековом предании о переселении болгар, которое передает Дуклянин (*Шимић* 1928. С. 297).

Свод II. С. 228–229 (Никифор), 274–275 (Феофан).

Свод II. С. 228–229 (Никифор), 276–277 (Феофан). Дату («по прошествии недолгого времени», «немного спустя») позволяет уточнить «Именник болгарских князей», относящий вокняжение Аспаруха (Еспериха) к году *вери* (Волка/Тигра) (Именник 1981. С. 12) — 642. С Аспаруха начинается вторая часть «Именника». С этого времени числовые определители при названии лет в «Именнике» определенно означают месяц, а не год по 10-летнему циклу. Месяц восшествия Аспаруха — *ениалем* (11-й), что четко указывает на конец года.

Именник. 1981. С. 12. Сходно в «Апокрифической летописи» — Испор (*Иванов* 1925. С. 282). См. также: *Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 2. Berlin, 1958. S. 75–76.*

Разделение орды Куврата описывают Никифор (Свод II. С. 228–229) и Феофан (С. 276–277).

ЧСД 286: Свод II. С. 170–171; Свод II. С. 228–229 (Никифор), 276–277 (Феофан). Феофан и Никифор, конечно, ошибочно, относят переселение и пятого сына Куврата ко времени после смерти отца — такая ошибка вполне объяснима, тем более что в Италии Альцек действительно объявился только в 660-х гг. Отождествлению четвертого сына, позднее переселившегося на Балканы, с Кувером ЧСД (*Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1992. С. 106–108*), нет убедительных альтернатив. Кувер, переживший Аспаруха, мог и вправду быть его моложе. В отличие от случая с Альцеком, это никаких хронологических трудностей не вызывает.

К 680 г. болгары Аспаруха являлись «народом грязным и нечистым», по словам Феофана (Свод II. С. 276–277). Язычниками, без сомнения, являлись и Кувер (судя по ЧСД: Свод II. С. 168 и след.), и Аспарух с потомками (см. в том числе: *Бешевлиев* 1992). О том, что пришедшие на Балканы болгары Аспаруха были «поганы зело и безбожны», помнит и богомильский автор «Апокрифической летописи» (*Иванов* 1925. С. 282), — приписывающий их привод туда лично пророку Исайе!

На каганат претендовало его потомство — Кувер (ЧСД 289. Свод II. С. 170–171) и, видимо, ханы Дунайской Болгарии, по крайней мере в сношениях со славянами (о чем свидетельствует сербское предание из Летописи попа Дуклянина — *Шшић* 1928. С. 297–298).

См.: *Артамонов* 2002. С. 172–173, 188–189. Датировка обособления Хазарии 651 г. не обязательна, но вполне вероятна. В любом случае конфликт хазар и болгар начался гораздо раньше, как часть тюркской междоусобицы.

Дата определяется сведениями «Именника» о трехлетнем правлении Безмера (Именник. 1981. С. 12). Очевидно, с 644 г. Аспарух перестал признавать брата верховным ханом. Связать это можно только с подчинением Безмера хазарам. Ведь «раздоры» братьев имели место в 642 г. — когда Аспарух и стал именоваться ханом.

Свод II. С. 228–229 (Никифор), 276–277 (Феофан).

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367.

Fred. Chron. IV. 72: Свод II. С. 370–371.

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367.

Федоров, Полевой 1973. С. 300, 304; *Седов* 1995. С. 134–135.

Федоров, Полевой 1973. С. 300.

Федоров, Полевой 1973. С. 300.

Свод II. С. 399.

Кухаренко 1969. С. 125; *Historia kultury*. 1978. S. 166–167; *Седов* 1995. С. 17–18, 20.

См.: Magistri Vincentii Chronicon Polonorum. 1.5–III Monumenta Poloniae Historica. Т. II. Warszawa, 1961; Великая хроника 1987. Гл. 1.

Кухаренко 1969. С. 136; *Historia kultury*. 1978. S. 50; *Седов* 1995. С. 343.

Календарные обычаи и обряды. 1977. С. 214. О ритуале оставления праха у подножия (ограды) кургана см.: *Седов* 1995. С. 343.

Кухаренко 1969. С. 136.

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366–367.

Козьма 1962. С. 49.

Kučera M. Postavy veľikomoravskej histórie Bratislava, 1986. S. 11-46.

Судя по «Обращению баваров и карантанцев», где Само выступает как первый именно карантанский князь (см.: Свод П. С. 374). Именно это предание IX в., возможно, приписывало Само славянское происхождение. Резиденцию же его — совершенно вопреки исторической действительности — оно помещало в Хорутании.

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22: Свод II. С. 486–489.

Lowmianski H. Początki Polski. T. 4. Warszawa, 1970. S. 233.

Korošec P. Zgodnje srednjeveska arheoloska slika karantanskih Slovanov. Ljubjana, 1979. T. 2. S. 38–39.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 5; Т. 2. Стб. 5; Т. 38. С 12.

Судя по чуть позднейшей дате ухода из «марки» «многие годы» прожившего с этим «Валлуком» болгарского хана Альцека (Paul. Dias. Hist. Lang. V. 29: Свод II. С. 394).

Павел Диакон даже ошибочно отождествлял Карнунт с Карантой (*Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22*: Свод II. С. 486–489) — значит, не сомневался, что Карнунт хорутанам принадлежит.

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22: Свод II. С. 486-^89.

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22: Свод II. С. 486-^189.

Paul. Dias. Hist. Lang. V. 23: Свод II. С. 488–489. О географии событий см. примечания В.К. Ронина: Там же. С. 498–499.

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 29: Свод II. С. 394.

О том, что странствия «четвертого» сына Куврата завершились в Равеннском экзархате, сообщают Никифор (Свод II. С. 228–229) и Феофан (С. 276–277).

Свод II. С. 274–275 (Феофан). Подробное изложение хода войны: *Большаков* 1998. С. 138–140. Обоснование хронологии (О.Г. Большаков относит переход славян к кампании 664 г.): Там же. С. 318. Примеч. 75. Во всяком случае, датировать эти события 669 г. (Свод II. С. 311) нельзя — они произошли еще при императоре Константе, погибшем в 668 г. Сам Феофан датирует происшедшее 665 — сентябрьским 663–664 или 664–665 г. (*Феофан Византиец*. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Рязань, 2005. С. 299).

Любопытное свидетельство контактов южных славян с арабами — слово **bagъgъ*, «багрец», восходящее к арабскому *тауга*, «краснозем» (ЭССЯ. Вып. 1. С. 131–132).

Этническая атрибуция «риксов» и «экзархов» Запада, которым в 678 г. требовалось уже заключать с Империей мир, достаточно обоснована (*Наумов Е.П.* Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 193–194; Свод II. С. 238, 312 (примеч. Г.Г. Литаврина).

Шишић 1928. С. 296–297. Здесь можно видеть отсылку и к приходу хорватов и сербов на Балканы в 620–630-х гг., и к мирным договорам с Империей 678 г., и, как увидим далее, к событиям IX в. «Летописец», вероятно, опирается в этом месте на свои общие представления и далматинские (барские?) предания. По крайней мере, он не разворачивает историю примирения в некий «сюжет», как в случаях с использованием определенно славянских эпических сказаний. Странно, однако, что при этом он подчеркивает язычество Силимира. Мы видели, что в Сербии, Хорватии и Далмации бытовало устойчивое предание о древнем крещении. Казалось бы, оно очень хорошо согласовывалось с историей о временном примирении. Но «летописец», вероятно, этому преданию не доверился. Просветителем славян у него выступает святой Константин-Кирилл, и в этом представлении он основывался уже на славянском письменном источнике — правовом своде «Книга Мефодия». До IX в., следовательно, славяне должны оставаться язычниками. Возможность вероотступничества автор «Книги Готской» допускать не стал (как и — тем более — возможность того, что «Книга Мефодия» адресована каким-то другим славянам либо псевдоэпиграфична). Принимать же утверждающуюся в Далмации теорию изначально неправильного, арианского крещения славян означало вставать на сторону противника в глаголическом споре. В результате выигрышный концепт раннего крещения был проигнорирован «летописцем».

Анахроничным представляется упоминание о назначении далматинцам дани. Правление Силимира отнесено к первым поколениям дуклян в Превалитании, ко времени до прихода болгар и задолго до миссии Константина. Между тем, согласно трудам Константина Багрянородного — «Жизнеописанию Василия I» и трактату «Об управлении Империей», дань, откуп далматинцев за право селиться на побережье, установил император Василий, урегулировав ситуацию на западе Балкан (Продолжатель Феофана. СПб., 1992. С. 122–123; *Константин* 1991. С. 112–115, 134–135). В науке (Ф.Шишич и др.) были попытки отнести этот акт к намного

более раннему времени, к году правления императоров-соправителей Ираклиона, Константина III и Константа II (641) (*Sisic* 1925. S 282). Основанием служило известие Фомы Сплитского об урегулировании славяно-романских отношений волей «константинопольских императоров» (*Фома* 1997. С. 41–244). Однако текст Фомы явно отражает то же предание, что и текст Константина (Там же. С. 165), в более поздней фазе бытования. Представление Фомы о безымянных константинопольских покровителях могло основываться на мнении о правах далматинцев как даре «императоров» (многих). Что касается конкретно теории Ф. Шишича, то совместное правление преемников Ираклия I было слишком кратким и беспокойным, чтобы дать им время заняться далматинскими делами. Одни пересылки между отрезанной Далмацией и столицей заняли бы больше времени. Фантастическим видится для этого времени и значительное влияние ослабленной Империи на ситуацию в Далмации. К тому же мнению о возвращении далматинцев уже в 641 г. противоречит указание не только Константина, но и Фомы на длительный период изгнания. Иных же соправителей-императоров, кроме названных, мы в византийской истории от Ираклия I до времен Василия I не находим. Изложение сплитской истории сам Фома определенно начинает лишь с IX в. Итак, можно с уверенностью сказать, что договоренности Силимира с далматинцами в той форме, в которой о них говорит «Летопись», — анахронизм, результат контаминации событий VII и IX вв. Но у изложения в «Летописи» есть и еще одна особенность, отличающая ее и от работ Константина, и от «Истории» Фомы. Участие Константинополя в судьбе далматинцев не упоминается вовсе. Данная им передышка предстает исключительно как результат благорасположения миролюбивого и гуманного славянского князя. Что же давало Дуклянину приписывание установления даннических отношений с далматинцами Силимиру? Во-первых, теория самостоятельного установления отношений с романцами, без участия императорской власти, с очевидностью обосновывала независимость Дукли. А это одна из основных идейных установок «Книги Готской». Во-вторых, исключение императорской санкции из договоренностей со славянами в какой-то мере отвечало и интересам латинского духовенства Далмации, ориентированного на Рим. Фома Сплитский в XIII в. мог позволить себе вспомнить о благодеяниях пришедшей в

упадок Византии. Но в XII в., при Комнинах, Византия открыто претендовала на далматинские земли, и вспоминать о ее реальных правах в регионе местным патриотам и латинским клирикам явно не стоило. Кроме же того, очевидное из дальнейшего удревнение пакта между далматинцами и славянами позволяло возвести отношения с ними еще к дохристианской эпохе. В легендарной хронологии «Летописи» это время не только до прихода болгар, но и до разорения древних приморских городов, которое в результате относится лишь к правлению внука Силимира. В результате воссозданные далматинские центры (вроде Сплита) оказываются изначально подвластными славянам. Все отношения между далматинцами и славянами — только отношения между ними, без участия третьих сторон. Религиозный фактор влияет, но не является исключительно определяющим, и права далматинцев предстают как результат милости князя-язычника. С другой стороны, столь древнее происхождение этих прав, конечно, укрепляло позиции и самих далматинцев, в том числе жителей Бара, перед славянскими владетелями.

Сложным является вопрос, насколько почву для всех этих построений давало доставшееся «летописцу» устное предание. Искуственность и логичность созданного повествования, вероятно, затемняет истинное положение вещей. Между тем как описание правления Сенудслава выглядит просто едва развернутым эпилогом к сказанию об Остроиле, так и описание правления Силимира может быть лишь прологом к сказанию о приходе болгар. В реальности об отце Владиана в этом сказании могло быть сказано лишь нечто вроде древнерусской летописной формулы «княжил, имея мир со всеми странами». Остальное же — и благожелательство к христианам вопреки собственному язычеству, и заключение пакта с далматинскими городами, — как было показано, вполне может являться по-своему обоснованным, но лишь домыслом писателя XII в. В этой мысли еще более укрепляет второй рассказ Дуклянина о назначении далматинцам дани (*Шинић* 1928. С. 318–319). По этой версии, после арабского набега IX в. «римляне» бежали из своих городов на славянские земли. Славяне взяли их в плен — и в качестве выкупа за освобождение из рабства установили дань. Дуклянин, соединяя различные предания (в данном случае вводя трембинское предание о жупане Белом) как будто забывает, что разорял

далматинские города у него князь Ратомир Владинович, а даннические отношения еще до него устанавливал его дед Силимир.

Свод II. С. 226–227 (Никифор), 274–275 (Феофан).

Феофан упоминает о том, что «все» западные народы сделались данниками Константина (Свод II. С. 278–279).

Свод II. С. 212.

Судя по тому, что Пребуд мог рассчитывать среди фракийских славян на приют (ЧСД 238: Свод II. С. 148–149).

Советы и рассказы Кекавмена. СПб., 2003. С. 284–285.

Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнина. Рязань, 2003. С. 204.

Советы и рассказы. 2003. С. 284–285.

Романские языки. М., 2001. С. 582.

ЧСД 284, 288: Свод II. С. 168–169, 170–171. Об этнической природе сирмисиан свидетельствует и следующий факт. После расселения имперскими властями сирмисиан в среде македонских дреговичей (680-е гг.) возглавлявшийся последними племенной союз ринхинов начинает именоваться влахоринхинами. Под этим именем, как увидим, ринхины выступают в легенде Кастамонитского монастыря, описывающей события уже VIII в. (см.: *Порфирий (Успенский)*. История Афона. Ч. III. Киев, 1877. С. 311). Любопытно, что вожак сирмисиан Мавр получил на византийской службе фамилию Бесс (см.: *Lemerle* 1981. P. 152–153). Возможно, что сирмисиане, происходившие из Фракии, считали себя «бессами», тогда как выходцы из Иллирика — «даками». Но это не более чем догадка.

Советы и рассказы. 2003. С. 286–287.

ЧСД 285–286: Свод II. С. 170–171.

ЧСД 288: Свод II. С. 170–171.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 5; Т. 2. Стб. 5; Т. 38. С. 12.

Свод II. С. 276–277 (Феофан). Никифор (Свод II. С. 228–229) четко говорит о «землях, соседних с державой ромеев» — следовательно, о прямом имперском управлении речи нет. Поп Дуклянин рассматривает в качестве единственных представителей Империи на месте именно «черных латинов» — «моровлахов» (*Шинић* 1928. С. 298). Феофан далее упоминает, правда в риторическом периоде, о каких-то успехах Константина «на севере» и обложении тамошних краев данью (Свод II. С. 278–279).

Свод II. С. 228–229 (Никифор), 276–277 (Феофан); *Патканов* 1883. С. 27. Никифор и Феофан относят переселение за Днестр и далее в «Огл» ко времени еще до хазарского вторжения. Но «Армянская география» ясно свидетельствует, что Аспарух «бежал от хазар из гор Булгарских». О том, что болгары пришли на Дунай «от скифов, то есть от хазар», говорит, кстати, и русская Повесть временных лет (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 13) — правда, с явной опорой на византийскую ученую традицию.

Никифор прямо говорит, что Оглом болгары именуют местность, в которой расселились, на своем языке. Следовательно, верна интерпретация «Аул» (*Moravczik* 1958. Bd. 2. S. 213; *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1970. Т. 1.4. 1. С. 180). Понимание же названия как славянского «Угол» (*Miklosich F.* Die Bildung der slavischen Personen- und Orstnamen. Heidelberg, 1927. S. 223; *Дуйчев И.* Славяни и първобългарн // Известия на Института за българска история. 1951,1–II. С. 203–204) ошибочно. Предлагался компромиссный взгляд — переход тюркского «Аил» в славянское «Угол» (*Тъпкова-Заимова В.* Первоначалното българско селище и въпросът за аудите // Известия на Института за българска история. 1956, VI. С. 445).

Патканов 1883. С. 27.

Свод II. С. 228–229 (Никифор), 276–277 (Феофан).

Свод II. С. 230–231 (Никифор), 278–279 (Феофан).

Дуйчев И. Проучвания върху българското средновековие // Сборник на Българската академия на науките. София, 1945. С. 163.

Свод II. С. 230–231 (Никифор), 278–279 (Феофан). О поселении болгар в дельте и в Добрудже сообщают также «Сказание Исайи» (Апокрифическая летопись) (*Иванов* 1925. С. 282 — «Карвунская страна» при трех «реках великих», между Дунаем и морем) и Летопись попа Дуклянина (*Ильиш* 1928. С. 298 — «Силлодуксия»). «Апокрифическая летопись» притом считает нужным подчеркнуть, что будущая Болгария «опустела от эллинов за 130 лет». В рассказе об Аспарухе (Испоре) ее автор пытается убедить читателя, что до того, как Аспарух «населил всю землю Карвунскую», в ней жили «ефиопи» (*Иванов* 1925. С. 282) — не те же ли «черные влахи» Дуклянина?

Свод II. С. 230–231 (Никифор), 278–279 (Феофан). О насилиях болгар над славянами упоминает и русская летопись (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 13).

Федоров, Полевой 1973. С. 300.

Там их в IX в. знает «Баварский географ» (*Назаренко* 1993. С. 13–14). В том же сочинении упомянуты и «северцы» (*Sebbirozi*). Но нет уверенности, что это племя, помещаемое рядом с угличами, — не восточнославянская севера. Впрочем, Сто могил легендарного славянского князя Слава из «Сказания Исайи», чье имя отчетливо перекликается с северским Славуном, располагаются как раз к северу от Дуная (*Иванов* 1925. С. 282).

Болгаро-валашский симбиоз в эпоху Второго Болгарского царства побудил болгарского историка XIV в. заключить, что влахи изначально являлись союзниками болгар (Среднеболгарский перевод 1988. С. 228). Однако для писавшего ранее Дуклянина «моровлахи» — враги пришедших на Балканы болгар, покоренные ими (*Шушић* 1928. С. 298). В русской летописи говорится о «белых уграх» как покорителях дунайских славян и победителях волохов, которые «прежде прияли землю словенскую» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 13). Предание о «белых уграх» приводится после предания о болгарях и с очевидностью независимо от него (в противном случае волохов прогоняли бы, очевидно, именно болгары, и следовало бы упомянуть об их взаимоотношениях с белыми уграми). Это как будто позволяет видеть в белых уграх оногуров, то есть тех же болгар Аспаруха, и полагать, что русский летописец дважды на основе разных преданий описал одно и то же событие. Однако не исключен и другой вариант — отражение деления на черных и белых мадьяр, из которых белые первыми пришли в Потисье. Ср. текст о венгерском завоевании, где упоминание о победе над волохами повторяется: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 25; Т. 2. Стб. 18; Т. 38. С. 18. Наконец, нельзя исключить, что предание о белых уграх восходит ко временам Атиллы, покорителя среднедунайских романцев («волохов») и легендарного предка оногурских ханов. Венгры, чья связь с оногурами породила их славянское и латинское названия, чтит в Средние века гуннов Атиллы среди своих родоначальников. Что касается датировки вторжения белых угров временем Ираклия, то это при любом толковании ошибка. Источник ее совершенно понятен — в русском переводе «Хроники» Георгия Амартола, одном из главных источников летописца, «уграми» последовательно именовались «турки» греческого оригинала. В итоге «уграми» оказались как венгры, так и союзники Ираклия тюркюты. Видеть, с другой стороны, в сюжете о «белых уграх» только отражение такой путаницы нет оснований. О волохах Амартол определенно ничего не сообщал, эти данные летописец мог почерпнуть только из устной славянской традиции.

Седов 1995. С. 262, 266–268. Названия некоторых фракийских племен сохранились как наименования этнографических групп болгар (*Нидерле* 2001. С. 63,478).

См. о появлении гончарной керамики провинциальных византийских типов в культуре Первого Болгарского царства: *Седов* 1995. С. 265. Симптоматично, что этим же временем датируется начало активных контактов «прарумынского» со славянским.

Предание об этом сохранялось долго (Среднеболгарский перевод 1988. С. 228). В то же время, конечно, не все припоминания о границах древней Болгарии заслуживают доверия. Автор тех же летописных заметок при хронике Манассии полагал, что благодаря союзу с сербами и влахами уже в то время границы Болгарии достигли Драча (Диррахия). Дуклянин приписал первому болгарскому «кагану» на Балканах завоевание как области «моровлахов», так и Македонии. При этом «каган» именуется Крис (Крум? Борис? — оба правили в IX в.) — образ явно собирательный (*Шинић* 1928. С. 297–298). Из южнославянских источников границы владений «Испора» к югу от Дуная достовернее всего определяет «Сказание Исаяи», сохранившее и предание о строительстве Аспарухом укреплений «от Дуная до моря» (*Иванов* 1925. С. 282). Неясно, насколько распространялось влияние Аспаруха на земли между Днестром и Дунаем, тем более к востоку от Днестра.

Свод II. С. 230–231 (Никифор), 278–279 (Феофан). Память о победоносной войне Аспаруха с ромеями была столь прочна в болгарском предании, и не только в болгарском (*Шинић* 1928. С. 297–298), столь важна в исторической памяти народа, что ее отразил даже избегающий подобных сведений богомильский «летописец» (*Иванов* 1925. С. 282). Тем более она отражается у автора времен Второго Болгарского царства (Среднеболгарский перевод. 1988. С. 228), пользовавшегося византийскими хрониками.

Дуклянин (*Шушић* 1928. С. 298) утверждает, что Владин «из-за огромного множества народа» болгар предпочел заключить мир уже по примеру византийского императора. Однако болгарский автор (Среднеболгарский перевод 1988. С. 228) рисует сербов союзниками болгар именно в войне с греками. Константин Багрянородный, который первым записал сербское предание о договоре (*Константин* 1991. С. 142–143) утверждает, что оба народа издавна находились в союзе, «как соседи и люди сопредельных земель, дружески общаясь друг с другом, неся службу и находясь в подчинении в василевса ромеев и пользуясь его благодеяниями». Не совсем понятно, на кого была рассчитана последняя часть фразы — в контексте общеизвестных в Константинополе известий византийских хроник об отношениях с болгарями совершеннейшая нелепость. Возможно, впрочем (с учетом Дуклянина), что подобная версия родилась в сербском предании, пытавшемся примирить исторически союзные отношения и с ромеями, и с болгарями. В реальности, как кажется, сербы не дожидались санкции Константинополя на договор с Аспарухом. Но и участвовать в его войне с Византией им (как, впрочем, и ему привлечь их) никакой необходимости не было.

Седов 1995. С. 256.

«Апокрифическая летопись» приписывает Аспаруху основание Дристры и строительство валов (*Иванов 1925. С. 282*). О попинских поселениях в этом районе см.: *Седов 1995. С. 157, 162*.

Седов 1995. С. 261. Предание об основании Аспарухом Плиски также сохранено «Апокрифической летописью» (*Иванов* 1925. С. 282).

Седов 1995. С. 258–259, 262.

486

Именник. 1981. С. 12

Ср. картину, рисуемую Повестью временных лет (Т. 1. Стб. 25; Т. 2. Стб. 18; Т. 38. С. 18 — кочевые болгары как «скифы» и «наильники» славян, подобно аварам, венграм и печенегам) и единогласно всеми южнославянскими средневековыми авторами: *Иванов* 1925. С. 228 («Сказание Исаяи» рисует кочевых куманов предками современных болгар и считает их первым «царем» Слава); *Шшић* 1928. С. 297–298 (Дуклянин специально отмечает единое славянское происхождение своих «готов» и новопришлых болгар); Среднеболгарский перевод 1988. С. 282 (в заметках при Хронике Манассии предание об «исходе» болгар полностью слилось с представлениями о славянском расселении).